

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ

ДЕРЕВНЮ РУССКУЮ
ЛЮБЛЮ ...

г. САЛАВАТ – 2010 год

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Жарким августовским летом 1941 года крестьянка из деревни Новая Слободка, что в Мелеузовском районе Башкирии, Федора Смирнова, носившая под сердцем пятого ребенка, провожала на фронт своего мужа Якова. За мужиков в доме оставались одиннадцатилетний Иван и девятилетний Николай, помогавшие матери растить младших Женьку и Витьку.

Спустя три месяца краснофлотец 12-й отдельной бригады морской пехоты Северного флота Яков Смирнов узнал, что 4 ноября 1941 года вдали от Заполярья, в родной Башкирии, у него родился сын Алешка – мой будущий отец Алексей Яковлевич Смирнов.

В ночь на 28 апреля 1942 года Яков Смирнов в составе демонстративного морского десанта высадился в районе города Петсамо. В течение двух недель удерживали «морпехи» небольшой плацдарм, отражая в день до десяти атак превосходящих сил гитлеровцев. Благодаря действиям десанта было сорвано наступление противника на Мурманск.

Во время этих боев краснофлотец Смирнов получил тяжелое ранение. После долгих месяцев госпиталей вернулся он на костылях в свою родную деревню, где заново учился ходить вместе с младшим сыном Алешкой, впервые вставшим на ноги. Вскоре бюро Мелеузовского райкома партии рекомендовало беспартийного «морпеха»-фронтовика на должность председателя колхоза.

Лето 1943 года выдалось в Башкирии неурожайным. Зима обещала быть голодной. А в деревни старики, да бабы с малолетними ребятишками. И тогда председатель принимает решение: раздав по избам зерно из колхозного амбара «для просушки», негласно разрешил молотить его и выпекать хлеб. Принимая такое решение, вчерашний фронтовик рисковал очень многим. Ведь в те времена за горсть колосьев, унесенных с поля, можно было схлопотать приличный срок «за хищение колхозной собственности». Но все обошлось. В ту зиму ни один человек в деревне не умер от голода. А весной на деньги, вырученные от продажи семечек на базаре в райцентре, удалось возместить недостающее зерно.

Не очень баловала Родина своих защитников в первый год войны наградами. Не получил Яков Гаврилович Смирнов даже положенную ему медаль «За оборону Советского Заполярья». В победном сорок пятом вместе с медалью «За победу над Германией» ему вручили и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Эту же награду за самоотверженную работу в тылу получили его жена Федора Андреевна и старший сын Иван, которому в конце войны исполнилось пятнадцать лет. В феврале сорок шестого в семье Смирновых родился младший сын Михаил.

Ничто в биографии сына Якова Гавриловича и Федоры Андреевны Смирновых Алексея не предвещало того, что он станет писать стихи и рассказы. Наоборот, с шести лет он стал ходить с отцом на охоту. Хотя «ходить»- это слишком громко сказано. После долгих слез и уговоров мать, не выдерживая, заворачивала мальчишку в большой платок, сажала в сани и говорила отцу: «Вези его куда хочешь». Так начинался его «стаж» охотника, тогда же зародилась любовь к охоте, которая с годами не угасла. Ну, а чуть позже родилась страсть к сочинительству.

В 1960 году по направлению от колхоза Алексей едет в Салават, считавшийся тогда молодежной стройкой Башкирии, где в стенах строительного училища №12 осваивает профессию каменщика. Среди его сокурсников был и Геннадий Лобов, ставший впоследствии известным армейским спортсменом, младший брат будущего начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии Владимира Николаевича Лобова.

Осенью 1961 года, вскоре после окончания училища, Алексей получил повестку из военкомата. Срочную службу проходил в Туркестанском военном округе, в песках Туркмении, недалеко от того места, где в сентябре 1918 года были расстреляны 26 бакинских комиссаров. В сентябре 1963 года окружная газета «Фрунзевец» в праздничном материале, посвященном Дню танкиста, писала об умелых действиях на тактических учениях танкового экипажа Алексея Смирнова, за которые он был поощрен краткосрочным отпуском. В то время отпуск для солдат и сержантов срочной службы еще не был обязательным и его надо было заслужить. Тем не менее по окончании службы в карточке поощрений старшего сержанта Смирнова была всего одна запись: благодарность от старшины роты «за отличное содержание прикроватной тумбочки», что впоследствии послужило сюжетом для одного из будущих рассказов.

Вернувшись осенью 1964 года из армии, Алексей до Нового года помогал своему отцу выполнять план по заготовке пушнины, а после ушел в город, где многие годы проработал на предприятиях Салавата. Большая часть его трудовой биографии связана с производственным объединением «Салаватстекло», откуда он и ушел в 2000 году на заслуженный отдых.

9 апреля 1965 года в салаватской городской газете «Ленинский путь» («Выбор») было опубликовано впервые опубликовано лирическое стихотворение Алексея Смирнова «Оттепель». Способного автора заметили, приняли в литобъединение «Парус». Кроме «Ленинского пути» («Выбора») его рассказы и стихи публиковались в журналах «Воин России», «Охота и охотничье хозяйство», «Бельские просторы», республиканских газетах «Советская Башкирия», «Ленинец», заводской газете «Салаватское стекло», коллективном сборнике «Остаемся с тобой, Салават», не раз звучали в авторском исполнении по Башкирскому республиканскому радио и телевидению. В сентябре 2009г., наконец, увидел свет его сборник «От имени цветов и трав».

Среди заводчан Алексей Яковлевич известен и как любитель пошутить. Сам – заядлый охотник и рыбак, а им всегда есть о чем порассказать. И вот приходит как-то и говорит: в таком-то водоеме замерзли утки. Можно достать, если насадить на топор двухметровое топориче, разрубив вокруг уток лед.

В другой раз сказал, что в соседнем городе Мелеузе решили перенести кладбище и за каждый выкопанный гроб обещают хорошую плату. Все это было рассказано настолько убедительно, что некоторые клюнули и в обоих случаях приготовили соответствующий инструмент.

Темы своих рассказов отец черпает большей частью на природе. Он любит поле, которое исхожено им вдоль и поперек, где ему знаком каждый куст. Редко когда возвращается с охоты без трофеев. Любит наблюдать за поведением животных, их жизнью. Однажды даже сфотографировал на середине озера гнездо коршуна с птенцами. Редкая удача даже для профессионала. Но ему, как любителю, трудно было добиться качества снимка. Поэтому и хранит его лишь в семейном альбоме, не имея возможности опубликовать.

Был целый цикл рассказов «Отпуск в январе» (число рассказов по количеству дней в отпуске), где он описывал свои охотничьи впечатления, байки, переплетенные с реальностью. Эти рассказы вы прочтете с большим удовольствием, хотя в них нет интердевочек, грабителей и убийц; ловкие руки не опустошают сейфы банков, а машины с «мигалкой» не летят в ошалелой погоне. Они написаны с доброй лукавинкой, с юмором, с отличным знанием деревенской жизни. Той жизни, которой не затмят никакие модные явления. Самобытные, в чем-то чудаковатые, в чем-то пройдошистые, в чем-то наивно-добродушные люди живут, как все мы, радуясь, мучаясь, надеясь на лучшее.

Никогда не учась журналистскому ремеслу, отец природным своим чутьем умеет так угадать построение материала, что тот получается таким, каким нужен – динамичным и читабельным.

Хочется надеяться, что признание таланта Алексея Смирнова еще впереди, и найдутся люди, которых всерьез заинтересует его творчество.

Свои отзывы о творчестве Алексея Яковлевича Смирнова и предложения читатели могут присылать ему по адресу:

453200, Башкортостан, г.Салават, ул.Стахановская, д.2, кв.1,
тел. 8(34763)5-52-60

Е.Смирнов, сын

Д Р О В А

Повесть

Вот скоро в поле выгонят скотину
Зазеленеет сочная трава,
А под окном кудрявую рябину
Отец спилил по пьянке на дрова.

С.Есенин.

ГЛАВА 1. ЗАЯВЛЕНИЕ

Ванька Плаксин, дежурный слесарь завода, решил выписать дрова. Дрова нужны были для деревни. Там стояла его, Ваньки Плаксина избушка. А в избушке жила очень старенькая мама. Избушку надо было обогревать. Печь занимала, пожалуй, треть избы, и поэтому дров требовалось много. Можно было заготовить дрова и в деревне, но на это ушло бы много времени. А короче, ушли бы все Ванькины выходные. Пилить сухостой на лесопосадке, возить его в деревню, а потом распиливать на дрова-дело очень трудоемкое. А тут все просто- выписал, погрузил, увез.

Взяв авторучку у сменного мастера, Ванька сочинил заявление. Пота с Ваньки стекло не меньше, чем с дровосека, но все-таки заявление он сочинил. «Основное дело я сделал, - решил Ванька, - а подписи собрать проще. Подписать заявление – это не дрова рубить».

Ванька даже усмехнулся нелепому сравнению. Да что там рубить? Это даже легче, чем написать заявление! В подписи можно даже сделать ошибку – и никто ее не заметит. Попробуй прочитай ее, любую начальственную подпись! Что там за буквы выписываются? Таких букв Ванька и в школе не видывал. Ни в дневной не видывал, ни в вечерней не писал.

Раньше, слышал Ванька, люди расписывались пальцем. Палец в чернила, Хлоп на бумагу, и готова подпись. Поди, и за начальника палец можно было приложить. Пальцы – они у всех одинаковые.

Да и начальников было мало. А сейчас в цехе начальников больше, чем букв в алфавите. А если взять всех начальников по заводу, то их, наверно, больше, чем иероглифов у китайцев.

На этой пугающей мысли Плаксин прервал свои рассуждения. И, чтобы подбодрить себя, вслух сказал: «Не все же начальники будут расписываться на моем заявлении. Дрова ведь – не золото». С любовью Ванька посмотрел на свое творение и заметил, что сам он расписаться на заявлении забыл. А может, самому и не надо подписывать заявление? Ведь на целой странице он объяснял, что ему нужны дрова. Что ж, если не расписаться, то все это неправда, что ли? И дрова уж не нужны?

Плаксин разыскал мастера. Тот точил мотыги – готовил для прополки картошки. И на новую просьбу Вани об авторучке с издевкой сказал:

- Ты что, стихи что -ли пишешь?

- Нет, - спокойно ответил слесарь, - подпись забыл поставить на заявлении.

Зайдя в слесарку, Ванька отодвинул к центру стола металлические костяшки домино и, пристроившись на уголке, склонив голову как первоклассник, четко выводя все буквы, написал: прошу в просьбе не отказать. Слесарь смены №3 цеха №2 Плаксин». Повспоминал, какое сегодня число, и добавил: «23 мая 1992 год».

Вернув ручку, Ванюшка зашагал к начальнику цеха. Шел он в бодром и даже веселом настроении. От того ли, что заявление было написано, и теперь не надо будет все отсыпные и выходные дни махать топором и звенеть пилой; оттого ли, что сделал он это по мудрой мужицкой пословице «Готовь сани летом, а телегу зимой», или от

теплого вешнего солнца – в душе у слесаря звучали слова жизнерадостной песни:
«Утро гладит нежным цветом...»

Мысленно напевая подошел Ванюшка к кабинету начальника цеха. Дверь в кабинет была открыта. Плаксин на минутку растерялся. Конечно, начальник его знает, но как войти в кабинет без стука? Нельзя. А как стучать в открытую дверь? А впереди еще одна дверь, и тоже открытая. А начальник разговаривает по телефону, по производственным делам. Говорит, что вчера всю ночь «керосинил», а сегодня «шланги горят». И просит кого-то выручить. Потому что если не выручит сейчас же, то у него котел треснет. Ванюшке стало неудобно, что со своим заявлением в рабочее время мешает работать начальнику. Вот и «шланги» в цехе горят, и «котел» может взорваться; обо всем голова начальника цеха думает. Вишь, даже ночью не спит человек, «керосинит»...

Плаксин положил заявление в карман и, стараясь не стучать ботинками, пошел обратно. Успеет, подпишет, когда будет у начальника свободное время. До зимы еще, слава богу, далеко.

Дома Плаксына встретила жена:

- Ты дрова для своей мамы выписал? Или ты думаешь на зиму подарить ее мне? Так вот знай: как только она на порог – я ухожу!

Ванька любил жену молчащую. Но стоило ей заговорить – любовь угасала. Мгновенно. Поэтому он проворно сунул ей свернутый листок с заявлением. Медленно, как гул пролетавшего самолета, затихал ее голос и вовсе перешел на шепот по мере прочтения заявления. Тепло невыписанных дров смирило озлобленное сердце жены.

«Вот ведь какая сила у бумаги!», - подумал Плаксин, - А будь эта бумага да с подписями, это какая ж у нее будет силища?»

ГЛАВА 2. ПОДПИСЬ ПЕРВАЯ

Вам нужно подпись?

Только подпись?

Какой пустяк! Какой
пустяк!

Вы получить хотите
подпись?

Как бы не так!

Как бы не так!

Песня из к/ф «Безумный день
инженера Баркасова»

Кто в городе просыпается раньше всех? Мэр? Председатель исполкома? Директора заводов? Начальники цехов? Мастера? Или рабочие? На этот вопрос Ванька Плаксин ответил бы мгновенно: водители! Им, водителям трамваев и шоферам, надо добраться до гаражей и парков, чтобы вовремя всех работающих, командующих и просто валяющихся дурака развезти по их местам.

Наверняка слесарь Плаксин знал это потому, что сам просыпался в половине пятого утра послушать по радио концерт «Вместе с петухами». В нем передавали песни застойных времен по заявкам жителей деревень и сел для их родных и близких. Эти песни были его любимыми. Ему казалось, что некоторые из них написаны его, Ванькиной душой. И она, Ванькина душа, подпевала своей, Ванькиной песне уже из Москвы.

Плаксин вышел от начальника, счастливо улыбаясь. В глазах его сияло пламя горящих поленьев. Виделось счастливое лицо матери. И снова хотелось петь. Ваня пытался скрыть свои чувства, но ему это не удалось. Так ночью нельзя скрыть свет горящей спички, зажав ее в ладонях: руки сами начнут светиться.

Весь день он был в хорошем настроении. По цеху ходил сияющий, и все удивлялся: как много и в цехе, и возле валяется обломков досок, обрубков бревен, старых шпал. Тут не только на зиму – на десять зим можно дров заготовить.

От этой мысли на душе становилось еще теплее. И в обеденный перерыв он даже уступил свою очередь на игру в домино. Уступил пьяному грузчику, который очень его об этом просил и называл «моя хорошая».

Дома он не стал дожидаться вопроса жены о дровах, а нарочито небрежно протянул ей заявление, уже с подписью начальника цеха. Улыбка светлой тенью пробежала по лицу жены. Теперь уж точно, свекровка останется зимовать в деревне. А с Ванькой жить можно, хоть лапоть – он и есть лапоть. Но если покрепче держать в руках... Сойдет.

Вслух же Злата произнесла:

- Вот ведь можешь, когда захочешь. Иди, буду обедом кормить.

ГЛАВА 3. АКТ.

Что такое «акт» Ванька Плаксин понимал туманно. Во всяком случае, за свою 30-летнюю жизнь он слышал о существовании некоторых актов, но были они столь разнообразны, что казалось – нельзя их именовать одним и тем же словом.

Был такой акт – о капитуляции Германии. Был акт о наличии хищения колхозной собственности. Это когда бабка Марья набрала на колхозном пшеничном поле снопок колосьев, килограмма так два...

Был акт изнасилования вдовцом-солдатом истосковавшейся вдовы. И поэтому, когда Плаксин услышал, что для получения дров тоже нужен акт, малость растерялся.

После первого акта Германия капитулировала. После второго акта бабка Марья получила шесть месяцев тюрьмы. За третий акт наказания не последовало, так как и солдат, и вдова напрочь отказались от признания в «соучастии».

Однако, дрова были нужны. Май сменился июнем, а подписей на заявлении не прибавлялось. И он решил идти к кладовщице, чтобы узнать, что за акт нужен для получения дров?

Кладовщица успокоила: акт нужен для списания пиломатериалов на дрова. То есть, то есть бывших вполне пригодных для стройки материалов, но пришедших в негодность. Она сказала, что работа эта несложная. И сделать это может ее за пять минут, но этих-то пяти минут у нее как раз и нет. «Ты понимаешь?».

Ванька Плаксин понимал всех и очень удивлялся, когда его не понимали даже тогда, когда он объяснял самые простые истины людям с высшим образованием. Людям, которые только согласно своим занимаемым должностям должны были вникать в просьбы трудового народа. И когда он, в прошлом деревенский парень, наткнулся на эту лжезанятость, ему становилось стыдно. «Ну что я, как дурак, со своими дровами, когда им, бедным, от государственных дел дыхнуть некогда?»-думал он.

У кладовщицы пятница была отпусковым днем, а понедельник – днем получения материалов с центрального склада. На вторник, среду и четверг она взяла отгулы, чтобы съездить к сынишке в пионерский лагерь.

Подпись начальника цеха с одинокой буквой Х и тремя молниеподобными завитушками тоскливо жалась в углу заявления. Теперь нужен был акт. Неделя прошла без единой подписи. Кладовщица вышла на работу в пятницу, но это был отпусковой день. А в понедельник – день получения материалов на центральном складе.

Июнь разменял свой третий вторник, когда Плаксин, наконец, упросил кладовщицу написать акт. Текст его был прост и краток: в цехе, мол, накопились дровяные отходы в количестве двух метров кубических, о чем и составлен настоящий акт. Годность дровяных отходов составляет 20 процентов. И все. Но Ваньке эти слова казались самой лучшей песней. Не все слова были точны в этом акте. В цехе никаких дров не накопилось, а пришлось их собирать вокруг, стаскивать в одно место – в венткамеру, чтобы потом погрузить в машину и вывезти.

Но все это - потом. С этим проще. Машину, мужики говорят, найти проще простого – были бы «пузыри», как в рабочей среде называют бутылки с водкой. Но в акте должны стоять еще две подписи: старшего мастера и председателя цехкома. Эта работа уже посложнее. Постепенно слесарь Плаксин все сильнее убеждался в том, что самая тяжелая работа – это добыть подпись.

Старший мастер от подписи не отказался, но сказал, что поговорит с кладовщицей, где она в цехе смогла найти такое количество дров? И почему у них выходит одна гниль? А к тому же есть распоряжение начальника зам.генерального – менее 50 процентов годности в актах не ставить. Он свернул акт, добытый Ванькой с таким трудом, и велел подойти ему завтра. Завтра была суббота. Последняя суббота июня. Соловьи завершали свои веселые трели до будущей весны. Кукушка «подавилась колосом». А старший мастер все еще никак не мог встретиться с кладовщицей.

В день Ильи-пророка Плаксин уговорил кладовщицу встретиться со старшим мастером. И старший мастер, слушая просящий голос красавицы-кладовщицы, загадочно улыбнулся: - «Раз уж ты просишь – подпишу...»

Он взял листок с актом из потных Ванькиных рук и, положив его на папку, поставил подпись тут же, среди цеха. Фамилия начиналась на букву У. А дальше шла завитушка, похожая на поросычий хвост.

Сказав спасибо, Ванька медленно зашагал по цеху, не отрывая взгляда от подписи старшего мастера. Он шел, перечитывая на ходу акт, так внимательно, как солдат-новобранец читает письмо с родины. Он шел, чувствуя своей худенькой спиной тепло материнской печи. Шел, здороваясь со всеми встречными и поперечными. Все они были свои и казались ему родными. Под актом недоставало одной подписи председателя цехкома. Туда, в цехком, и направился Ванька Плаксин, слесарь пятого разряда с заявлением на списание дров и актом на списание пиломатериалов в руке.

ГЛАВА 4 . СКОТИНА

У сильного всегда
Бессильный виноват...

И.Крылов

Председатель цехкома – золотая женщина. Так ее охарактеризовал начальник участка, когда ее кандидатура была выдвинута на столь высокий неоплачиваемый пост. В том, что она золотая, слесарь Плаксин убедился, едва перешагнув порог цехкома.

Все пальцы ее рук запястья сияли драгметаллом. Кольца, перстни, браслеты. А когда она улыбнулась вошедшему Ваньке, изо рта ее также полыхнуло драгоценное сияние. Смотри-ка, отметил про себя слесарь, как похожа на акулу с золотой рыбкой во рту! Сам испугавшись своего сравнения, Плаксин протянул вперед руку с актом и положил его на стол перед женщиной:

- Ваша подпись нужна.

- А мне ты тоже нужен, голубчик!, – пропела золотая женщина, - Ты, дружок, объявление читал?

- Какое?, - не понял Ванька.

- А такое... Всем рабочим, связанным с вредными условиями производства, пройти медосмотр до 1 августа. А ты, дружок, и не подумал. А комиссия работает у нас на заводе последнюю неделю. И, если ты не пройдешь ее здесь, то будешь проходить в городской поликлинике. Да штраф заплатишь 100 рублей за то, что завод за тебя деньги перечислил, а ты не соизволил пройти до сих пор.

Произнеся столь длинную и не очень понятную для слесаря фразу, «акула» посмотрела в зеркало напротив, и во рту ее сверкнула «золотая рыбка».

- «Ясно?»,- спросила Дора Григорьевна так властно, что Ванька едва не гаркнул «Так точно!». Но вовремя опомнился и, сдерживая дрожь в ногах, ответил: «Ясно, ясно».

- Ну, вот, коли ясно, иди в медпункт. А когда пройдешь медосмотр, поговорим о дровах, - Дора Григорьевна победоносно улыбнулась.

Плаксин во время сбора подписей всегда отпрашивался у бригадира, так как подпись можно было получить лишь в рабочее время. А до и после подписи никто не ставил. До работы начальники не работали, а после работы они пропадали на каких-то многочасовых пятиминутках и совещаниях или, закрывшись в кабинетах, что-то решали в кругу друзей. На просьбу Плаксина разрешить ему отлучиться с рабочего места для медосмотра, мастер сделал откровенно кислую гримасу:

- Раз надо – иди, но по-быстрее, работы – море. Всем куда-то надо. А работать с кем я буду?

Плаксин отлично понимал бригадира: работы много - производство большое, оборудование старое. Слесари – тоже. Молодежь слесарить не шла. Молодежь с таким же энтузиазмом, с каким их отцы в пятидесятые ехали осваивать целину, рванула в спекуляцию, мечтая о рублях и молясь на американский доллар. По недвусмысленному совету президента страны, молодежь в полной мере «почувствовала вкус денег».

В медпункте было несколько жиденьких очередей. Очень тихих. Меньше всего была очередь у кабинета к врачу «ухо-горло-нос». В нее Ванька и встал.

Сжав ладонями голову слесаря, врач попросил его высунуть язык и сказать «а». Потом заглянул в ухо и расписался в карточке. Делал он это так мастерски и быстро, что пациенты выходили из кабинета, не успев закрыть рот, а один пенсионер вышел даже с высунутым языком.

У невропатолога пришлось задержаться дольше. Он попросил Ваньку закрыть глаза и пальцами руки коснуться носа. Невропатолог был очень молод, весь, начиная с глаз, какой-то бегаящий и очень напоминал Плаксину парня, вытащившего в магазине кошелек из сумки впереди стоящей женщины. Врач командовал дальше:

- Теперь встаньте, вытяните руки перед собой. Закройте глаза и присядьте. «Он, - мелькнуло в голове у Плаксина, - точно он вытащил кошелек в магазине. Ишь, и сейчас создает удобный момент: закрой глаза, вытяни руки. А сам – руку в карман. Ищи дураков, а я уже опытный.». Сжав кошелек в вытянутой вперед руке, Плаксин спокойно закрыл глаза и стал приседать. Врач остановил его после первого приседания, попросил не волноваться, усадил на стул. Заглянул по-очередно в оба глаза. Потом стал задавать простые, как для трехлетнего ребенка вопросы: как вас зовут? Где живете? На что жалуетесь?

После двух вопросов Плаксину стало стыдно за свою подозрительность, и он был уже твердо убежден, что кошелек у женщины вытащил совсем другой парень. А на третий вопрос стал отвечать подробно и откровенно:

- Я вот в мае написал заявление на дрова и до сих пор не могу собрать подписи. А ведь скоро зима!

«Что-то с ним не совсем в порядке», - подумал врач, глядя на листву заглядывающего под окном тополя.

- Извините,- обратился он к Плаксину, - Вы на учете у психиатра не состоите ?.

- Нет, - ответил Ваня.

Врач о чем-то пошептался с медсестрой и записал в карточке «Здоров». Теперь оставалось пройти рентген. Но для этого назавтра надо было сходить с утра в городскую поликлинику.

На завтра отпустить Плаксина в поликлинику не мог. Приезжала какая-то зарубежная делегация, и надо было а цехе наводить порядок: мести, белить, красить. «Ладно, - успокоил себя Иван, - успею, выпишу дрова. Осталось ведь только пройти рентген, да подпись получить у Доры Григорьевны – и все. Дрова, считай, в деревне. Вон они, готовенькие, в венткамере. Подгоняй машину, грузы и вези».

Август отстучал по земле спелыми яблоками. Откурлыкал журавлиным клином и сентябрь, веснушчатый первоклашкой заглянул в окно.

- Как с дровами?, - задала свой традиционный вопрос жена.

Ей сегодня всю ночь снилась худющая бездомная собака. Хвост ее был облеплен репьями. И чей-то голос упрашивал, советовал и, кажется, приказывал взять собаку к себе домой. Злата никак не могла понять, почему именно она должна проявлять заботу о собаке. Ведь где-то она жила до сих пор? Кто-то ее вырастил? А потом и выбросил на улицу. «Не возьму!», - во сне закричала женщина и проснулась от своего крика.

Сон она разгадала сама. Конечно, этот муж-размазня дров не заготовит. И вот она, свекровка, уже появилась - в собачьем облике. Пока во сне. А дров не заготовит, так и наяву притащится.

- Ты что, оглох? – обратилась она к мужу.- С дровами-то как?, - повторила она гневно.

- Почти все, - ответил Плаксин, - Осталось рентген пройти, и все.

Зрачки Златы расширились:

- Какой рентген ? Ты что мелешь, какой рентген? В гроб меня со своей мамашей загнать хотите? При чем тут рентген, если дрова нужны?

Злата схватила кастрюлю с супом и опрокинула ее в унитаз:

- Бери ложку, скотина, и иди, обедай на очистные! Это ж надо, рентген ему надо пройти, чтобы выписать дрова. Ну, скотина!

ГЛАВА 5. ПОДПИСЬ ДОРЫ

Два выходных сентябрьских дня были потрачены впустую. Целых два дня мели, чистили, красили свой цех. Стало в нем непривычно чисто, и до боли обидно, что иностранцы так и не приехали. Запад, он и есть запад – дикий.

- Я так понимаю, - вслух произносил огорченный бригадир, - раз пообещал, значит должен приехать! А то что ж получается: остались мы как дураки в чистом цехе. Ну, буржуины! Ну, подлые души!

В понедельник Плаксин взял отгул и направился в городскую поликлинику, на рентген. Женщина в белом халате сообщила Ваньке, что аппарат сломался. А когда наладят - бог его знает. Вон, у мастера спросите.

Мастер столь мастерски обматерил Ваньку, что даже ему, работающему в среде, где мат был неотъемлемой частью всех бесед, стало неудобно. «Ладно,- решил Плаксин,- видно не идет у парня дело, вот и психует. Приду в другой раз.»

А сейчас, чтобы не тратить понапрасну заработанный отгул, Ванька направился на завод. Действительно, работы в цехе много. А отгул возьму, когда наладят рентгеновский аппарат.

У входа в цех он столкнулся с Дорой Григорьевной.

- Так, дружок, опаздываем, значит! – Дора сделала пометку в записной книжке.

Слесарь стал объяснять, что он в отгуле, но, поскольку рентген не работает, вот, решил выйти на работу.

- Слушай, Плаксин, ты зайди ко мне в кабинет, когда переоденешься. Поговорить надо.

В кабинете Победоносцева спросила Ваньку:

- Ты бы не смог сегодня после обеда помочь моему выкопать погреб в гараже?

- Так я ж на работе...

- Это не твоя забота. Я тебя освобожу. И акт на списание пиломатериалов подпишу.

- Если освободите, - смогу, - согласился Плаксин.

Грунт в погребе был нормальный. Копали без ломов – лопатами. Кроме Ваньки, в яму прыгали друг за другом, попеременно, «освобожденные» электрик, сантехник и плотник. Копали до восьми вечера, а потом пили крепкий, настоящий на каких-то травах самогон.

Хозяин угощал мужиков и перед каждой стопкой объяснял, что сам пить не может, так как надо будет развезти ребят по домам. Травяной настой действовал на мужиков положительно. После «шестой» сантехник настойчиво обратился к плотнику:

- Ты – плотник. – Плотник согласно кивнул головой. – А я сантехник. – Плотник снова кивнул головой. – Теперь я тебя спрашиваю: что нам с тобой делить? – Плотник еще раз кивнул утвердительно. – Нечего!

Потом, когда плотник стал называть себя сантехником, а электрик – уговаривать Плаксина – перепрыгнуть погреб в длину без разбега, хозяин сказал:

- Ну, ребята, садитесь, развезу вас по домам.

Ванька помогал хозяину разносить землекопов по квартирам. Утром выяснилось, что плотника занесли в квартиру к электрику. А электрика - к сантехнику. И жена плотника наотрез отказалась принимать тело пьяного сантехника, и его пришлось оставить в гараже.

Утром Дора Григорьевна поставила свою подпись на акте. Подпись была короткой и начиналась почему-то буквой И, завершаясь завитушкой, похожей на бельевую прищепку.

- Теперь иди к заместителю директора по коммерции, он подпишет тебе заявление и акт, а потом пойдешь в бюро услуг.

Зама в кабинете не оказалось: он ушел на территорию завода, - объяснила секретарша. После обеда зам был у директора. Ванька даже попытался его дождаться, а , может, и дождался б, если бы не просьба бригадира остаться в смене с 16.00 подежурить за заболевшего дежурного слесаря.

Домой Плаксин возвращался в первом часу ночи. «Что ж, - прикидывал он на ходу, - зам не подписал, зато Дора Григорьевна подписала. Теперь и рентген можно не проходить»

Конечно, сентябрь на исходе. Может, и стоило заготовить дрова самому? Тяжело, конечно. Но и с заявлением ходить не легче. Хотя подписи почти уже все поставили. Вот еще зам по коммерции подпишет. А бюро услуг – оно, если верить названию, для того и существует, чтобы помогать вот таким работягам. Чем и как поможет ему доброе бюро, Ванька понятия не имел.

Придя домой в час ночи, Плаксин долго давил на кнопку звонка, потом стучал ногой, но дверь не открывали.

- Если ты сейчас же не перестанешь стучать – вызову милицию, - предупредила Злата.

На площадку вышла соседка и они стали объяснять, что он, Ванька, вовсе не пьяный, а просто отработал две смены и потому пришел так поздно.

Злата объяснений не слушала. Теперь она была твердо убеждена, что муж ее, Ванька Плаксин, величайший сочинитель. И никогда он ее не любил, а, может, даже и не уважал.

ПУЗЫРИ

Бригадир слесарей Ваньку понимал отлично. И отпускал его согласно своей совести. Сам он был парень деревенский, и что такое дрова знал. Теперь, когда Ванька собрал все подписи, оставался один вопрос – транспортный.

Плаксину вновь посоветовали обратиться в бюро услуг. Заявление там подписали, деньги взяли. Но договариваться о транспорте надо было с начальником транспортного цеха. Начальник заявление подписал, но сказал: с водителем договаривайся сам.

Вы когда-нибудь договаривались с водителем? Когда он, уставший, отрешенный, ждет вашей просьбы? Он сидит в машине, наклонившись к рулю, и первые десять минут не реагирует на ваш голос, уж потом, посмотрев на вашу оплаченную квитанцию, заявляет, что у него «сломана рессора». И ехать он никак не может.

Ну чем вы можете ему помочь? Запасной рессорой? Да будь вы хоть складом запчастей – это вас не спасет. Буднично, трафаретно, но от всяких невзгод есть лишь одно заветное средство: пузырь. Шофер согласился довезти Ванькины дрова до деревни за три пузыря. О, Родина, что с тобою стало?

Ребятам, что помогли грузить дрова, Плаксин тоже поставил пузырь. И, 29 октября, пять месяцев спустя после написанного 23 мая заявления, слесарь Иван Петрович Плаксин подъехал к заводским воротам, чтобы вывезти дровяные отходы.

Посмотрев пропуск, вахтер вернул его Ваньке и сказал: надо подписать в отделе и у начальника охраны. Ответственного за выпуск в отделе не оказалось, а без него не подписывал начальник охраны. «Выпускающий» пришел часа через два и, бросив взгляд на дрова, коротко сказал: доплачивай за восемь кубометров или разгружай.

Денег у Плаксина не было. Водитель сказал, что он больше стоять не может и спросил, где свалить дрова. За потраченное время он взял с Плаксина два пузыря, а один вернул. И процедил презрительно: что ж, мол, ты выпускающему пузыря пожалел? Обрато в венткамеру Плаксин таскал дрова в одиночестве.

Дома Злата знала, что муж сегодня увезет дрова матери и она уж точно останется зимовать в деревне. Иван пришел домой грустный. Положил авоську со спецовкой в ванной комнате и ушел в спальню.

...Мириться с мужем Злата решила исподволь, осторожно. Для начала, когда муж выключил свет, она достала из авоськи спецовку, и принялась ее стирать. «Какой-никакой, а он муж. Жить с ним можно, только бы без свекрови...», - рассуждала женщина.

А мужики – все они одинаковые. Ванька хоть непьющий. Спецовку Злата стирала старательно. Ведь по одежке мужа будут судить и о ней: муж одет аккуратно – значит жена чистюля. А уж если муж ходит в грязной спецовке – что могут подумать о жене.

Злата терла спецовку о стиральную доску – машиной она шуметь не будет, пусть усталый муж спит. Повесила спецовку на батарею, завтра утром встанет пораньше и выгладит. Надо ему еще и завтрак приготовить: уж сколько времени уходит по утрам без завтрака. Он хоть и немудрящий мужик, а баб холостых нынче вон сколько! Подберут и спасибо не скажут.

Пожарив картошку, Злата на чистой кромке газеты написала: «Ваня, голодный не ходи. Ешь картошку. Спецовку не забудь взять – я ее выстирала».

Ванька долго не мог заснуть. Было жаль «пузырей», которые, считай, ни за что отдал водителям и ребятам. Было жаль мать, у которой нет ни полена дров. Неожиданно заснув, увидел сон, показавшийся явью. Будто Злата открыла дверь венткамеры, где Плаксин сложил дрова, облила их бензином и подожгла. Ванька стягивал с себя фуфайку – погасить ею пламя, но она никак не снималась с плеч. А рядом что есть мочи звонил телефон.

Иван открыл глаза. Будильник, заведенный на шесть утра, вызванивал все, на что был способен. Поглядывая на сковородку с картошкой, Плаксин прочел записку жены и

ринулся в ванну... Да, дрова сгорели, точнее размокли в кармане спецовки. Накладная и пропуск на дрова превратились в бесформенные комочки бумаги. Ванька опустился на край ванны, и слезы, крупные и горькие, побежали по его лицу.

ЭПИЛОГ

После августовской лжереволюции и насильственного развала СССР во всех насильственно рожденных государствах произошел упадок промышленности. Появились сотни тысяч людей. Появились они и на заводе, где работал Плаксин.

В цехе, где работал Ванька, числилось семь слесарей, но работали только четверо. Об остальных знал только начальник отдела кадров. Началась охота за «лишними» людьми. Плаксин, несколько месяцев собиравший подписи «на дрова», был объявлен «лишним» одним из первых. За что и был уволен.

Все равно он болтается по коридорам, только людей от работы отвлекает – решили в отделе кадров. Бригадиру, вступившемуся за Плаксина, начальник шепнул на ушко: «Думай только за себя – время такое. А тебе до пенсии надо дотянуть».

Бригадир, приученный за жизнь ругаться на начальников только про себя, беззвучно пошевелил губами и зашагал к своей слесарке.

Домой в городскую квартиру Ванька больше не вернулся. Из отдела кадров он вышел на проселочную дорогу, ведущую к деревне и зашагал от города, не оглядываясь. Он, выросший в стране, где нормой жизни был «моральный кодекс строителя коммунизма», никак не мог смириться с происходящим. Откуда взялись лишние рабочие в рабоче-крестьянской стране, где столько недостроено и недоделано? Кому не нравится норма отношений «человек человеку друг, товарищ и брат»?

Почему служба в армии стала наказанием? Разве может быть позором служение своему народу? Ваньке вспомнились годы службы в Туркмении – как хорошо к ним, солдатам, относилось гражданское население. Вспомнил роту, где служили ребята двенадцати национальностей, свой танковый экипаж, разбросанный по четырем государствам. Сколько новостроек во всех концах страны ждало тогда их молодых сильных рук!

Без работы Плаксин не боялся остаться и теперь. Была бы шея – хомут найдется, - успокаивал он себя. К деревушке он подошел вечером. Вспомнились слова песни юности песни солдатской, а он в душе всегда им и оставался:

Вернулся я на родину,

Шумят березки встречные...

- Да, вернулся, - повторил он вслух. – Выпихнули тебя, Ваня.

Завтра он пойдет в контору – слесари, наверняка, нужны. А нет – сядет на трактор. Что-нибудь будет делать. «Вернулся я на родину...» - Добрая старая песня. А теперь надо возвращать Родину

МОКРОЕ ДЕЛО

Деревенский электрик по прозвищу Тарантас бастовал. Гектар свеклы, который выделил ему совхоз, обрабатывать не хотелось. Роль свою в колхозе Тарантас считал не малой. Ну, и действительно, стоит ему отключить рубильник, и вся деревня остается без света, замолкают телевизоры и холодильники начинают квасить молоко. Народ идет просить Тарантаса «дать свет». За отключенный рубильник управляющий отделением спасибо не скажет. А вот если вместо целых предохранителей поставить сгоревшие – тогда другое дело. «С одной стороны все включено, а с другой – все отключено, - так думал Тарантас, - посмотрим как они за мной на свеклу прискачут».

Сменив годные предохранители на сгоревшие, Тарантас закрыл рубильник на замок и, поставив в сумку трехлитровую банку с бражкой, поплелся в поле. Жаворонки, с рассвета звеневшие в небе, устало опускались на землю. А жаркое июльское солнце медленно поднималось от горизонта. В разные концы от домов по полевым дорожкам и тропкам покатали машины и мотоциклы, загремели телеги, вышли в поле пешие. Деревня проснулась и начинала трудовой день.

Первой заметила исчезновение электричества бабка Проска. Она решила набрать воду у колонки, но насос не включался. Бабка пошла будить деда. Дед Егор спал по утрам очень крепко, и все от того, что с вечера до рассвета его одолевали разные мысли. В тот раз он думал о том, правильно ли он сделал, что в 1914 году, посланный в атаку фельдфебелем, он обежал стороной здорового немца, который наверняка бы пропорол его штыком насквозь, как пропорол он бегущего следом фельдфебеля. А после боя солдаты горячо благодарили Егора за находчивость: фельдфебель был плохим человеком. Сегодня ночью дед пытался сосчитать, сколько рублей пенсии он уже получил и сколько еще получит до конца жизни. Задача была не из легких. Пенсию он получал уже много лет, и суммы бывали самые разные: и 12 рублей, и теперь вот 70 рублей в месяц. Дед пошел на хитрость: взял среднюю сумму – 30 рублей, таким образом, первую половину задачи решил. Пенсию он получал 20 лет. Значит всего получил 7200 рублей. А вот со второй частью было сложнее. В первую очередь, неясно было, сколько лет осталось жить, да к тому же пенсию в последние годы стали увеличивать. Что на что множить – дед не знал. И уснул только на рассвете, признав задачу не разрешимой...

Бабка знала, что деда голосом не поднять и дернула его за морщинистую руку. Дед открыл глаза.

- Егор, света нет, сходил бы ты за водой в колодец.

- А что я тебе, лектор что ли? - Дед никак не мог привыкнуть к слову «электрик» и называл электрика проще: лектор.

Дед влез в валенки, теперь больше походящие на калоши, и вышел во двор. Дед был ворчлив как все деды. «Лежи, лежи, пока мыши тебе хвост не отъедят», - проворчал он на кота. Обозвал инкубаторских гусят безотцовщиной. И гусыню, ходившую по лужайке с единственным гусенком, назвал матерью-одиночкой.

- Времена пошли, - ворчал старик, - В газете пишут – по пять детей женщины в раз рожают, а тут гусыня выводит одного гусенка».

Ворча, дед по заросшей травой тропке подошел к колодцу. Колодец был старше деда. Раньше на нем стоял высокий журавель. С одного конца журавля свисала бадья на длинной веревке, а на другом висело колесо от брички. Потом журавель подгнил и свалился. Вместо него смекалистая молодежь соорудила ворот. А когда в деревню пришло электричество, люди понастроили себе у домов колонок, и позаросла травой тропа к колодцу. Бадьи на цепи не оказалось. Дед поразмыслил и привязал к цепи свое ведро. И, должно быть, слабо. Как только ведро с водой дошло до середины колодца,

стариковский узел развязался, ведро плюхнуло в колодец и утонуло. Было дома еще одно ведро, но сегодня оно стояло с тестом. Дед недовольно крикнул, «помянул» кого следует и пошел домой.

Бабка Проска была старухой молчаливой. Неделями, а может и месяцами она не ругалась на деда. Как плотина, вставшая на пути вешних ручейков, день за днем скапливает в себе воды, так бабка медленно наполнялась гневом. И, когда плотина терпения прорывалась, трудно приходилось деду. Выслушав дедов доклад об утонувшем ведре, Проска начала:

- А что же ты сам туда не свалился? Ходишь, спишь на ходу, кровопийца несчастный! И ты ведь всю жизнь такой. Ты ж всю жизнь лодырь. Ты ж меня сватать в чужой рубашке пришел...

Дед программу бабкиных концертов знал наизусть. Дальше, после свадьбы, она вспомнит Захара, с которым жизнь у нее была бы лучше. Потом пойдет голодный двадцать первый год, когда дед Егор ушел на заработки, да еще и женился – при живой-то жене. Да как потом, в двадцать девятом году ходил раскулачивать своего законного тестя. Дальше коллективизации сердце старика бабкиных концертов не выдерживало. Он повернулся и зашагал к колодцу. Надо было искать выход. От бабкиных воспоминаний о Захаре деду думалось плохо. «Ишь ты, уж правнуки женятся, а она все о Захаре. Ну, жила бы при Захаре, да ходила б с битой физиономией!».

- Ты что, дед, стихи сочиняешь? – Егор поднял голову: перед ним веселый -развеселый стоял Тарантас.

- Да вот..., - И дед рассказал Тарантасу всю историю с ведром. Электрик в душе ликовал

- Так вот нужных людей на свеклу отправлять. Один электрик на четыре деревни – и то не берегут. Теперь вот получайте, - думал он про себя, - Теперь вот получайте молочко прокисшее...

Приближался час обеденной дойки коров.

- Еще и «елочка» тоже работать не будет. Прибегут, ох как прибегут за мной, - в душе Тарантаса цвели розы. Хотелось петь и делать что-то доброе.

- Слушай, дед, давай я ведро тебе достану, - предложил Тарантас.

Он снял брюки и рубашку. Привязал к концу цепи палку, уселся на нее и скомандовал:

- Давай, раскручивай ворот, только помедленнее.

...Ворот заскрипел. Тарантас, довольный своей выдумкой, сидя на палке и держась за цепь, стал погружаться в колодец.

Дед, напрягая свои старческие мышцы, пытался удержать рукоятку ворота. Но электрик, выпивший три литра бражки, был намного тяжелее ведра. И рукоятка вырвалась из старческих рук. Рывкнул ворот. Звякнула цепь. Тарантас ахнул, а где-то в глубине колодца раздался всплеск воды. Крепивший цепь к валу деревянного ворота гвоздь разогнулся, и цепь упала в колодец.

- Ты живой? - крикнул дед в глубину колодца.

- Живой!, - пьяно раздалось из глубины.

- Что делать-то будем? – охнул старик.

- Вода ледяная, - несло из колодца.

- Глубоко там? – спрашивал старик.

- Не очень. По грудь, - отвечали из глубины, - Тащи, дед, веревку, а то я здесь замерзну.

Дед затрусил к дому. Он знал точно, что веревки в его доме нет, и бежал старик, просто выполняя команду Тарантаса. Возле дома дед остановился, чтобы перевести дух, и тут заметил соседского теленка, привязанного к вбитому колу длинной веревкой. Дрожащими руками дед отвязал конец веревки от кола и направился к лежащему теленку, чтобы отвязать с ошейника другой конец. Теленок вскочил на ноги и, напуганный дедом, рванул в степь, волоча за собой длинную веревку.

Дед снова потрусил к колодцу.

- Замерзаю я тут, - неслось из колодца – Ноги заоченели.

- Ноги... - бормотал дед. – Ах, ноги заоченели!

Дед быстренько стянул с ног валенки, бросил их в колодец. В колодце ойкнули и заматерились. А потом раздался пьяный хохот.

- Ты что, дед, обалдел? Здесь глубина воды полтора метра, а ты мне валенки бросаешь. Веревку давай! Давай веревку!

Дед снова затрусил к дому и чуть не сбил с ног вышедшего из-за угла Андрюшку, парнишку – пэтэушника, приехавшего к отцу на каникулы.

- Ты куда, дед Егор, бежишь?

Дед Егор, никогда с Андрюшкой всерьез не говоривший, сейчас заговорил:

- Андрей, веревка нужна, Тарантас в колодце погибает, понимаешь.

Парнишка метнулся к колодцу – дед следом.

- Ты беги за веревкой, - наставлял на ходу дед мальчика, - Тарантас пропадает, человек же.

Когда старик подбежал к колодцу, мальчик уже опускал блесну, раскручивая катушку спиннинга.

- Дядя Сергей! – кричал он Тарантасу. – Вы цепь за блесну прицепите, а я ее вытяну.

Тарантас, услышав свое настоящее имя и обращение на Вы, бросил материться и все команды выполнял беспрекословно. Конец цепи снова прицепили к вороту. И дед Егор с Андреем с великим трудом выволокли Тарантаса из колодца.

- Ну, молодец, Андрей, - дрожа нахваливал мальчика Тарантас. – И спиннинг у тебя отличный. Надо ж, как окуня меня из колодца выволокли.

- Леска то японская, - не удержался мальчик.

- Ты на рыбалку идешь? – поинтересовался тарантас.

- Нет, - ответил Андрей. – С рыбалки, только рыбачить не пришлось. Управляющий попросил рубильник проверить. Вот я и возился: пока замок открыл, пока заменил предохранители, пока вас доставали. Времени – два часа, а в жару какой же клев?...

КАРАСИК

Да чтоб чины добыть,

Есть многие каналы...

А.Грибоедов

В детстве Костя бросал по небольшим озерцам краденые верши, и каждый вечер возвращался домой с бидончиком карасей. Так и прозвали его пацаны – Карасиком. Костя на прозвище не обижался: не такое уж оно и обидное. У других по-хлеще прозвища – и то терпят.

К тому же Костя поступил учиться в ФЗО, где к нему обращались по фамилии. В деревню он приезжал в форменной фуражечке, со значками на груди. Ничем особым Костя не занимался, но на гимнастерке были значки всех немислимых обществ. Хотелось парню славы, и значки на груди тешили его самолюбие.

Не обошла Костю «слава» и в армии. Он отличался тем, что всегда делал шаг вперед, когда старшина вызывал из строя добровольцев для хозяйственных работ. За все три года Карасик ни разу не присел и не закурил на посту. Клял закордонные разведшколы за то, что не направляют на вверенный ему пост диверсантов.

Однако в отпуск «за отличное несение караульной службы» поехал земляк командира роты рядовой Турсун-заде, прослуживший в армии всего шесть месяцев. А по

окончании службы в карточке поощрений Карасика была всего одна запись: «объявить благодарность за отличное содержание прикроватной тумбочки».

После ознакомления с этой записью приснился Карасику сон. Будто играет духовой оркестр полка похоронный марш. Двигается процессия, а впереди, где несут на подушечках ордена заслуженных людей, робкий старшина Круть идет, согнувшись под тяжестью его, Карасика, тумбочки. Из-за раскрытой дверцы видны щетки: сапожная, одежная, асидольная и в футляре – зубная.

Сердце Карасика сжалось. Не того он испугался, что его хоронят, а того, что под сапожной щеткой лежит карточка обнаженной красотки, а старшина, объявивший благодарность, об этом, конечно, не знает. И в такой момент щетка может выпасть вместе с красоткой, так что авторитет рядового Карасика резко пошатнется. Карасик застонал и ... проснулся.

Мечта о «славе» сбылась неожиданно, после знакомства с вдовой младшего лейтенанта интендантской службы, участника войны. Сама вдова, по мнению Карасика, была «страшнее той войны», но на костюме его перекочевали медали покойного интенданта, поэтому уйти от нее он просто не мог.

И вдова тоже требовала, чтобы на все торжества он выходил с ней только при медалях. Стоило Карасику неделю не предстать пред ясные очи его пассии, как его пиджак оставался без наград. И он становился похож на человека, в военном билете которого значится лишь «не имеет», «не умеет», «не участвовал». Перенести этого он не мог и вновь возвращался к вдове.

Снова развешивая медали на своем пиджаке, в душе Карасик выражал протест: «С кем живу? Разве ж мне за это медали надо? Да при царе мне за такой подвиг не меньше Георгиевского креста полагалось...». Но вслух только хмыкал и говорил: «Дали – и за то спасибо. В мирное-то время другие и этого не получили. А тут все ж-таки медали, и не посмертно – на живом человеке!»

Р Ы Б А К

Сидел рыбак веселый
На берегу реки.

М.Ю.Лермонтов

Сильнее всего не повезло Карасику на второй день рыбалки... Конечно, и первый день счастливым назвать было нельзя. Но в первый день просто не клевало. А во второй...

Карасик, до темна просидевший с удочкой на берегу пруда, лег под скирду соломы и уснул. Пруд был рядом. Ночь была еще по-летнему теплая, и свой рюкзак и фуфайку он оставил на берегу. Хороша свежая солома. Какой от нее чистый запах! Уже горчит полынью легкий августовский ветерок, но все-таки хорошо.

«Вздремну,- думает Карасик, засыпая, - а утром, глядишь, и клюнет!». Сон ему снился рыбацкий. Будто пригнал пастух коров на водопой, и коровы перепутали и порвали все лесы на его донках. На донку с японской лесой попался бык. Карасик крутил катушку и, обливаясь потом от страха, тянул к себе быка. От ужаса он открыл глаза и тут же снова закрыл их: здоровенный совхозный бык обнюхивал его болотные сапоги.

Через мгновение карасик уже сидел на скирде. Сапоги уже остались у бычьих ног. Светало, и все было красиво – от скирды до горизонта, кроме быка, жующего портянку. Из-за горы показалась макушка солнца, на тропинке появился деревенский рыбак.

Он нес на плече большое удилище из ивы. Обвешанная репьями собака шла следом за ним. Карасик повеселел. Вот, подойдет поближе – крикну, чтобы быка отогнал», - успокаивал он себя. Да только рыбак, спустившись в овраг, так оврагом и прошел до самого дальнего конца пруда. Да там и скрылся в камышах. В свои пятьдесят лет Карасик вел себя как мальчишка: швырял в быка горстями солому, топал босыми ногами и даже плевался. Однако, поднявшийся ветер все возвращал ему обратно: и солому, и ругательства, и плевки. Его снял запоздавший на работу тракторист. Так, хохоча, и подвез на подъемнике к пруду. Обвешанный репьями собачий зад торчал из рюкзака Карасика. Он швырнул в собаку камень, и та, с рюкзаком на голове, заскулила, залаяла, освободилась от рюкзака и понеслась в деревню.

Карасик заглянул в рюкзак и ахнул: все было добросовестно съедено собакой. Осталась пареная пшеница – но это для рыбы...

«Ладно, с голода не умру», - успокоил себя Карасик. И для бодрости добавил: «Не такое видали». Он прошел берегом, осмотрел все донки – сторожки стояли на месте. Цела и невредима была и катушка с японской леской, приснившаяся во сне.

- Цела, милая, обратился к ней, как к живой рыбак, - Приснится же такое! Бык - на донке! – Карасик говорил вслух, не замечая этого.

Солнце поднялось уже над горизонтом, и голос пастуха, едва доносившийся издали, слышался все отчетливее. «Раньше пастухи на рожке играли, - заметил Карасик, - а сейчас одни матюки летят, того и гляди, у коров с перепугу рога выпрямятся. Хотя и тебя, браток, понять можно, - сочувствовал Карасик пастуху. Вон их – сотня голов, и одна другой бестолковей. А ты – один. Почти как начальник цеха. Так тот хоть с замами работает. А ты – кругом один.

Поклевки в тот день так и не было, но самое неприятное ожидало Карасика в конце рыбалки. Он попросил деревенского рыбака обменять ему карпа на что-нибудь, однако тот не прельстился ни колокольчиками с закидушек, ни даже японской леской.

К такому предложению отнесся даже с обидной усмешкой: чем, мол, докажешь, что японская?

- Попробуй, порви!, - предложил Карасик.

И деревенский рыбак, очень похожий на Карлсона, живущего на крыше, из мультфильма, оборвал японскую лесу, сложив ее вдвое, а потом и втрое. Он уже стал обматывать ее, чтобы порвать и сложенную вчетверо, но тут нервы Карасика не выдержали.

- Ты что, белены объелся?, - закричал он и выхватил катушку из рук растерявшегося мужика. – Ты сперва попробуй, достань такую леску, а потом рви!

- Ты же сам попросил, - пробурчал Карлсон.

Договорились на том, что в следующий раз Карасик привезет Карлсону бутылочное пиво, и в рюкзак к незадачливому рыбаку легли два килограммовых карпа.

ДОЛГ

Подпрыгивает на кочках мопед, позвякивают в рюкзаке бутылки с пивом.

- Фу ты, черти, допрыгались-таки друг до друга! Я ж между вами мешочек с тестом положил! Бутылки, а туда же – пообщаться, что те мужики...

И так «опаздывающий», Карасик, тем не менее понимал, что, не остановись он, и строптивые постояльцы рюкзака «порасшибут себе головы». Ворча, выбирал он глазами место, где поудобнее остановиться.

Все выходные он проводил в одиночестве на берегах озер и прудов, разговаривая сам с собой, но, как житель города никак не мог привыкнуть к мысли, что здесь, в поле, его никто не видит и не слышит. И что пиво он может пить, ни перед кем не оправдываясь. И все-таки он работал «на публику»:

- Да-а, как тебя ни поставь, ты, голубушка все равно треснешь, - обратился он к бутылке и выдвинул ее из рюкзака. – А вот теперь, - обратился он к остальным «собеседницам», - вам будет по-свободней, и мопеду по-легче, - приговаривал Карасик, срывая с бутылки пробку.

И снова затарахтел мопед, запрыгал, закрутился по разбитой полевой дороге. «И какой русский не любит быстрой езды!», - процитировал Карасик Николая Васильевича Гоголя, совершенно, впрочем не помня, кому из классиков принадлежит эта крылатая фраза. Он был уверен, что так сказать может только истинный рыбак. И то – не в наше время, а в далеком далеке. Ведь раньше – что были за слова! Ну, например, «Долг платежом красен». Это же надо - как метко! Действительно, если долг не возвращают, какая в этом красота?

- У меня с этим порядок, - гордился Карасик. - Пообещал мужику пиво, вот и везу! Ведь карпов в долг взял!

Довольный собой Карасик прислушался, не звякает ли в рюкзаке бутылка. Но бутылка не звякала. И по этому поводу рыбак опять остановил мопед.

- Что-то вы тут, голубушки, притихли, - обратился он к несознательным, открывая рюкзак. – Видно, тесно вам тут, душновато... Иди-ка ты, голубушка на свет, - выдернул Карасик очередную бутылочку.

Мопед побежал веселее. Добрая душа Карасика стала еще добрей. Залюбовавшись парящим в небе коршуном, он даже сам выбросил в стороны руки, готовый, кажется, взлететь. Мопед качнуло. Пришлось снова взяться за руль, направляя колесо.

До места Карасик добрался вполне «облегченный» со стороны рюкзака. Смущенный, оправдывался перед рыбаком - Карлсоном: « Сам не знаю, как и получилось. Ведь твердо помню, вез, чтобы должок вернуть... Но уж в следующий раз!» - и развел руками, что по-видимому должно было означать «крепость» данного рыбаку слова.

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ь

Благодарность командира в армии – награда. Она объявлялась исполнительным, дисциплинированным солдатам, выполнившим задание сверху беспрекословно, точно и в срок. А задание в тот раз было серьезное: мы сдавали внеочередную проверку по политической, строевой и огневой подготовке.

Проверку проводили офицеры из Министерства обороны. Включала она в себя еще подъем части по тревоге. Марш в заданный район. И заканчивалась, как правило, боевыми стрельбами. Это и был самый ответственный момент. Потому что можно хорошо ходить в строю, работать на спортивных снарядах, знать политическую обстановку в стране и мире, но если по огневой подготовке полк получал «неуд», оценки по всем перечисленным дисциплинам равнялись нулю. И мы старались.

Ну, во-первых, каждый из нас в отдельности не хотел выглядеть «бледно» в этот ответственный момент. А что уж говорить об экипажах, взводах, ротах и полку в целом. И мы выстояли. Сдали проверку на «хорошо». А это было немало. Многие солдаты и сержанты поехали в отпуск на родину. Офицеры поднялись вверх по служебной лестнице. Да и никто в полку не был обойден наградой.

Наш командир роты был в отличном настроении: его переводили с повышением в звании и должности, кажется в Казань. А это, согласитесь, чуть поуютнее, чем наша пустыня Кара-Кум. И он, расхваливая нас всех, не поспешил на похвалу: «Особо хочу отметить экипаж учебно-боевой машины сержанта Бычкова. Тут видна работа и механика, и огневики. Все крутилось, и все стреляло. Это не солдаты, это ж настоящие трутни».

Есть в пчелиных ульях лентяйская должность. Но командир в пчеловодстве был слаб. А вот командир танка Гриша Бычков был сыном пасечника. И после собрания, подойдя ко мне, сказал: «Только бы ротный не вздумал домой благодарственное письмо послать. Бате ведь дурно станет, когда прочитает, что сын его стал отличным трутнем».

П Е Н С И О Н Е Р Ы **Первоапрельская сказка**

Жил-был Тереня. Был у него будильник, по звонку которого он утром просыпался. Звонка Тереня не выключал, пока будильник, уставший от собственного звонка, не замолкал сам. Звонок был бойкий, и это радовало Тереню – по его звонку просыпались все соседи их крупнопанельного дома.

Завтракал Тереня в заводской столовой. Нет, не потому, что там лучше, чем дома готовили, а потому, что бесплатно: Тереня, оснастив огород заведующей столовой водопроводными трубами, получил пожизненное право на бесплатные завтраки и обеды.

Ополоснув лицо водичкой, Тереня изрекал: «Теперь опустимся на землю», - и выходил в коридор. Спрятав сигареты за пазуху, в руке оставлял лишь спички. На площадке первого этажа его поджидал сосед Захар, у которого Тереня и закурит, предложив ему свои спички.

Они были полными противоположностями: и по внешнему виду, и по духу. Захар – высок, сутул, худ. Тереня – плотен, румян и, если присмотреть внимательно, очень похож на главного героя сказки «Хрюк на елке». Захар всю жизнь проработал в литейном цехе и ушел на пенсию в 60 лет. Тереня – на молочном заводе и ушел на пенсию в 50 лет.

Захар уходил из дома с узелком, в котором был обед. Тереня, напротив, возвращался с работы с ушлищем, в котором было разное, но все государственное. У Терени было много грамот, а фамилия Захара на торжественных вечерах упоминалась под общей фразой «и другие».

Так вот и доработали до пенсии. Теперь работали оба на заводе. Захар – плотником, а Тереня числился слесарем. Работа у обоих была проста до предела. Захар, придя на работу, брал молоток, гвозди и шел забивать дыры в дощатом заборе, что в одном месте огораживал завод. Дыр было мало, и Захару поначалу казалось, что вот сегодня он забьет их все, и больше их не будет. Но ночью дыры появлялись снова. Захар злился на людей, ломающих забор, но потом решил, что за 150 рублей можно забивать и забор.

Тереня, числясь слесарем целый день мотался по заводу в поисках чего-нибудь круглого или плоского, чтобы оно было не более 50 кг и чтобы это «чего-нибудь» можно было утащить домой. Тащить можно было лишь через дыры в заборе. Раньше Тереня таскал и через проходную: тогда там стоял свой вахтер. Но и здесь были неудобства – украденное приходилось делить на двоих. А дыры имели положительную сторону: все что ни унес – твое. И отрицательную: дыры каждый день забивал Захар.

Домой соседи возвращались врозь. Захар шел к трамваю, а Тереня закоулками тащил краденое. За год работы на заводе он унес все, что пролезало через дыры. Но в последнее время он пришел к печальному выводу, что весь год он работал неправильно, что начинать надо было так, как он закончил: унес у Захара гвозди, ножовку, молоток, гвоздодер и горбыли, которыми он заколачивал забор.

Захар тоже понял, что работал не так: проще было устроиться вахтером. На проходной вертушку не ломают. Воры через нее редко ходят. Инструмента – всего ничего – один наган, который пристегнут к ремню и украсть его могут разве что вместе со штанами.

Утром, шагая на работу, соседи показали друг другу заявления на увольнение. Оба понимали, что приработок к пенсии не помеха. Но на том заводе, где они работали, Терене работать было не с чем, а Захару – нечем.

ДАЙТЕ СПИЧКУ

Воскресенье. Катит, погромыхая, по рельсам трамвай. Если смотреть чуть сверху вдоль салона, то напоминает он решето в руках расторопной хозяйки, просеивающей муку. Шлеп – все качнулись влево, шлеп – вправо. На остановке люди высыпаются, как отруби, в двери. А новые, еще не просеянные, заполняют снова трамвай. Салон напоминает немного пчелиный улей, когда он спокоен. Разговаривают вполголоса. Водитель изредка просит пассажиров компостировать билеты. Из равномерного гула где-то в центре вагона выделяется пьяный голос, обращенный ко всем: «Мужики, спичку дайте».

- Обнаглел, - тихо возмутилась женщина с корзиной, накрытой укропом.

- Мужики, ну что вам, спичку жалко!

- Нажрутся и без курева минуты потерпеть не могут, - прошипела женщина, обнимающая маленькую лупоглазую собачонку.
- Вот народ, - возмущается пьяный голос. – Неужели спичек ни у кого нет?
- Слушай, Леха, иди выбрось его из вагона. Он мне уже надоел со своими спичками. Леха с фирменными надписями «адидас» через весь могучий живот тихо предложил: «Пойдем вместе, легче будет».
- Ребята, не трожьте его, он же выпивши, - умоляюще попросила «адидасовцев» старушка.
- Мужики, ну спичку дайте кто-нибудь!
- Здесь вам не курилка. Доедете до дома, там и курите, - посоветовала седая женщина.
- Господи, как он надоел со своими спичками, - возмутилась красивая женщина, обращаясь к сидящему рядом мужу:
- Дай ты ему прикурить. Пусть он замолчит. Мужчина послушно достал из кармана зажигалку и протянул просителю.
- Ты зачем мне зажигалку даешь, земляк. Мне спичка нужна. Я мясу ел, а у меня дупло в зубе. Мне мясу вынуть надо. А ты мне еще примус предложи. Мужики, ну дайте спичку.
- Правда, правда, - подтвердила жена просителя спичек. – Мы из огорода едем. Я там шашлык жарила. А у него в зубе дупло. Мяса тудой и набилось. Если у кого есть, дайте спичку, пожалуйста...

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

Лохматый пес пытается вобрать свой непомерно длинный язык в пасть. Иногда это ему удается, но как только язык скрывается в пасти, нижняя челюсть отрывается от верхней, и непокорный язык снова свисает до земли. Жара.

Через плетень стремительно перемахнул мальчик, отмахиваясь руками от кружащих над ним пчел, и пулей влетел в избу.

- Дед, на Ванькову яблоню рой сел.
- Пусть сидит, Гришуха, на что он мне. У меня ни улья, ни роевни, ни дымаря нет. Дед повернулся со спины на бок, лицом к стене.

- От ведь лодырь чертов! У него роевни нет. У него улья нет. А кто же тебе их припасет. Всю жизнь за моей спиной прожил. Леню ему до огорода дойти, да пчел в мешок собрать. Лежи, вылеживайся, жди, когда рой Ванек соберет, - затараторила бабка.

Дед, крихтя, поднялся. Опустил ноги в валенки. Надел на руки рукавицы. Бабка набросила ему на голову мешок из-под картошки, а для роя сунула в руки старика мешок из-под муки. Потом мешки поменяла местами, рассудив: дед не пчела, не задохнется и в мучном, а пчелы, они чистоту любят.

Большущий рой издали напоминал сорочинное гнездо, но вблизи выглядел очень грозно. Дед понимал, что этот гудящий ком при одном неверном движении может взорваться как мина на семьдесят тысяч жалящих осколков. В давнюю войну, в дни молодости, дед служил минером, но пасечником никогда не был.

- Так, - проговорил дед, натягивая мешок поглубже на глаза и поправляя рукавицы, - держи, Гришуха мешок, под низ подводи, прямо под низ.

Дед стал веником осторожно сметать пчел в мешок. Пчелы покорно опускались в Гришухин мешок, сбиваясь там в гудящий ком.

- Да шевелись ты по-быстрее, - поторапливала издали бабка. – Спит, ну, как есть на ходу спит, - ворчала старая.

Старик, наклонил ветку к мешку и она, хрустнув, обломилась. Рой оказался в мешке вместе с веткой яблони.

- Ах вот как. В чужом огороде чужой рой ловить, грядки топтать, да яблоню ломать, которую я три года выращивала! Ты у меня, старый пень, сейчас наешься меду! – разъяренная Ванькова жена обрушилась на деда, как коршун на цыпленка, рванула из его рук мешок и вытряхнула пчел на землю.

Крестя свой лоб на бегу, вползла в баню и захлопнула за собой дверь бабка. Замелькали по грядкам босые Гришуткины пятки. Дед одернул с головы на грудь мешок и засеменял к дому. Кругами заходила вокруг яблони Ванькова жена и с разбегу плюхнулась в зеленоватую запруду ручья. Разъяренная пчелиная охрана еще отчаянно жалила своих обидчиков, а рой, поднявшись над деревней, медленно улетел в цветущее поле.

П Р Я Н И К

Ни богу свечка
Ни черту кочерга
Поговорка

Пряник рос веселым малым. Рассказывая анекдот, первым хохотал с самого начала, а под конец уже вместе с теми, кому рассказывал. И смех прекращал последним. Если в деревне ничего не было смешного, он начинал организовывать смешные истории сам.

Идя, например, в гости к соседям, заткнет у них предварительно вечером печную трубу и ждет, когда они начнут топить, чтобы вместе кашлять и рассуждать о плохой тяге. А то заколотит гвоздями дверь деревянного туалета и наблюдает за реакцией посетителя.

Учиться в школе Пряник не смог, а работать в колхозе не хотел. Отец жалел: вырастет – успеет хребет наломать. Отец умер. А Пряник женился и стал жалеть свой хребет еще пуще. От жены добивался, чтоб его сильней боялась. То есть, носился за ней по улице, но с таким расчетом, чтоб не догнать.

А про себя отмечал: сегодня быстрее бежали. Если так дело пойдет, скоро на соревнования ее буду возить. Так было до тех пор, пока во время очередной погони жену не посадил в кабину командированный на уборку шофер. С той поры Пряник стал холостым. Жена осталась в городе.

Дважды отсидел Пряник по 15 суток за мелкое хулиганство. Один раз после того, как свалил под обрыв общественную уборную, в которой в то время, как оказалось, находился участковый милиционер. Как уж «исправляла» его неволя – неизвестно, однако возвратившись после очередной «отсидки», в колхозе Пряник больше не стал работать ни дня. Зато стал пить все подряд жидкости из отдела «Бытовая химия».

Иногда из поездок в город привозил с собой женщин; особы это, как правило, были битые и поцарапанные, после первых проверок на скорость бега в деревню не возвращавшиеся.

Выселить Пряника из деревни было нельзя: как же, кормилец престарелой матери! Хотя на деле все было наоборот. Имел Пряник и вторую – после пьянки – страсть: рыбалку. В этом деле, пожалуй, никто в округе не мог с ним равняться.

Управляющий даже уговорил директора совхоза назначить Пряника сторожем совхозного пруда. Однако Пряник, прикормив карпов, стал их ловить и продавать в таком количестве, что и у него появились деньги, так что «ниже» тройного одеколona он уже ничего не пил, с презрением проходя мимо отдела «Бытовая химия».

Золотое это времечко для Пряника чуть было не закончилось трагически. Заплыв на середину пруда, он заснул в лодке и вывалился за борт. От верной гибели спас его пастух.

Место было неглубокое, и к месту происшествия пастух шел, а не плыл. Но пряник был настолько пьян, что худенький маломощный пастух едва ли смог бы провести его и по сухому берегу. Стоило пастуху поставить Пряника на ноги, как тот всем телом обрушивался на него и оба исчезали под водой.

Перепуганный пастух наконец-то оставил бесполезные попытки поставить Пряника на ноги, ухватил за воротник фуфайки и так, лицом вверх, волок до самого берега.

Бабы, рассудительный народ, вечером журили пастуха: зачем, мол, ты за ним полез? А если б сам утонул, кто бы стадо пас? Подумаешь, Пряник! Да все на свете пряники одного пастуха не стоят!

Пастух красноречием не блистал, только тихо мямлил: «Он же это... Как его... А я тут при чем?»

У Т Ю Г (Перестройка, год шестой)

Начальник смены Горемыкин, закрывшись в комнате, сдвинул голову ладонями и думал. Если бы вчера его, опытного мастера, спросили, есть ли задачи, которые не мог бы решить коллектив, он бы твердо ответил: «Нет!». Однако, сегодня Афанасий Ибатуллоевич был буквально поставлен на «колени» маленьким, можно сказать, ничтожным, по меркам застойных времен, вопросом.

Надо было «разделить» один утюг. Это задание он получил от председателя цехкома. Риторический вопрос «кому отдать» – туманил светлую голову сменного руководителя. Делить утюг на 50 рабочих ему еще не приходилось.

Как всякий, скажем так, маленький начальник, он ворчал в душе на начальников рангом повыше, которым, по логике Ибатуллоевича, в этом плане и делать-то было нечего. Ну, пришла, к примеру, на завод машина «жигули», там, или «москвич». Что же ее не поделить, когда на получение автомашины – очередь согласно рабочему стажу? Давай себе, очередному – и голову ломать не надо. Хотя, хрен они ее ему, очередному дадут, пока сами не получат.

Откровенность этой мысли вызвала мгновенный отток крови от лица Горемыкина так, что он даже оглянулся по сторонам. А вот как быть с утюгом? Где гарантия, что следующий экземпляр не поступит тогда, когда все будет едино, утюг ли, пылесос...

Эх, был бы в смене какой ни на есть ветеран или, там, герой – дали бы ему, и точка. А тут – все на равных. Афанасий еще сильнее сдвинул голову руками на манер покупателя арбузов на осеннем базаре. Но выдать нужной мысли так и не смог. Освободив голову, он снял телефонную трубку и попросил зайти профгруппорга.

Профгруппорг дежурный слесарь Кошкин в этот момент полировал ручку кухонного ножа для крановщицы из соседнего цеха, которая обещала за него талон на табачные изделия. Вася Кошкин спешил и, может потому, что в его голове была всего одна мысль – получить от крановщицы заветный талон, проблему с утюгом решил мгновенно:

- Чего тут думать? Разыграем в лоторею. Пятьдесят бумажек в фуражку и – кому Фортуна улыбнется, тот его и вытянет!

Афанасий Ибатуллоевич согласился, и слесарь Вася Кошкин пошел готовить бумажки для жребия. Мысль профгруппорга работала двадцать минут четко на лоторею, а там можно и ручку дополировать и завтра быть с куревом.

Рафинад Зайнуллин никогда в ни в какую лоторею не выигрывал и в последние годы, если их предлагали «на сдачу» в кассах магазинов, от билетов отказывался. Но утюг ему был нужен позарез. Свой у него сгорел вместе с гладильной доской год назад, когда жена, уходя на работу, попросила погладить выстиранный носовой платок.

Рафинад решил зайти в заводской магазин, чтобы посмотреть, на самом ли деле завезли утюги? Скрыть этот факт от «широких масс» было невозможно. Женщины в толпе, по очереди выхватывая у счастливых обладательниц нагревательный прибор, сверкали завистливыми глазами. У прилавка нетерпеливо ждали своей очереди несколько обладателей талонов на утюги.

Взгляд кариста упал на талоны: «Такие же по виду, как на бесплатное питание!» - прикинул Рафинад. И, достав свой талон из куртки, пристроился к прилавку.

- Утюг дайте, дайте утюг!, - канючил он, крутя талоном на спецпитание перед носом продавщицы. Та взяла деньги, сделала пометку в каком-то списке, и Рафинад выскочил с покупкой.

У Васи с Сеней сомнений в том, кому достанется утюг, не было: конечно Сене! Однако крановщица Зифа перепутала им все планы. Она настояла на том, чтобы члены «лоторейной комиссии» от шляпы отошли и, пересчитав бумажки, заявила, что их не пятьдесят, а только сорок девять.

Профгруппорг Вася рванулся к шляпе и, ненароком в нее бумажку, на которой было написано «утюг», потребовал пересчитать их снова. А крановщице Зифе объявил, что она не имеет права участвовать в розыгрыше, так как в августе месяце она уже выиграла зубную пасту.

В ответ Зифа сунула под нос профгруппоргу комбинацию, составленную из пальцев внушительного кулака, и сказала, что пойдет жаловаться в завком.

Афанасий Ибатуллоевич понял, что решить вопрос с утюгом сегодня уже не успеет и приказал рабочим разойтись по местам. Сам же позвонил в магазин и сказал заведующей, что их смена еще не решила, кому отдать утюг и попросил подождать с продажей до завтра.

На что и получил ответ: ваша смена утюг уже получила, а дуру, которая даст вам второй, поищите в другом месте.

П О Ж А Р

Двухэтажный дом горит,
А народ кругом стоит.
Рассуждают меж собой:
Догорит – пойдем домой...

Песня

Вася Окурков готовился к сдаче ночной смены. Вася работал дежурным слесарем. Работал давно и знал, что очень важно принять правильно смену, но гораздо важнее грамотно ее сдать. Для этого надо в конце рабочего времени выйти на закрепленный участок со щеткой и тряпкой в руках и, увидев идущего на работу механика, вытереть сухой лоб тыльной стороной ладони. Потом поздороваться кивком головы, чтобы не запачкать руку и сказать, что в цехе все нормально. Но были в этой процедуре и неприятные моменты. Чуть раньше механика в цехе появлялся технолог и всегда просил у Васи закурить. Папиросы все дорожали, но технолог, как и прежде, их не покупал. И Вася на призыв технолога «Давай закурим!» все чаще стал отвечать «Кончились!».

До конца смены оставалось еще 20 минут, и Вася решил, что еще успеет до появления технолога выкурить сигарету. Но ошибся. То ли будильник обманул технолога, то ли желание покурить подняло его раньше, но едва Вася прикурил свою «Мальборо», в

цехе появился он – технолог. Вася моментально сунул книгу в рукавицу и отодвинул ее под станок.

- Здорово, товарищ Огурков! – приветствовал Васю технолог.

Из-за того, что технолог издевательски произносил его не очень благозвучную фамилию, Вася ногой еще дальше задвинул под станок рукавицу с окурком. Фамилия Васе не особенно нравилась, да уж так распорядилась судьба. В юности отец Васи носил фамилию Огрызков, а мама была урожденная Огуркова. При регистрации мама настояла на своем, и отец принял фамилию жены. Вася по сей день не мог прийти к выводу, какая же из фамилий подошла бы ему больше.

Технолог, убедившись, что здесь не прикуришь, двинулся дальше. И в этот момент в цех вошел механик. Подпустив его на расстояние в пять шагов, Вася Огурков выпрямился, вытер ладонью сухой лоб и, улыбаясь, кивнул головой. После традиционного Васиного «Все в порядке!», механик пошагал дальше, поманив Огуркова пальцем. Он шел, ежеминутно указывая Васе на неполадки в механической части и закончил экскурсию тем, что попросил Васю до пятницы нарезать из труб столбы для забора на огород. С тем и расстались. Огурков рванулся в сторону бытовки, а механик поспешил в кабинет, чтобы сразиться со сменным мастером в шахматы.

Окурки в Васиной рукавице не погас. Сквознячок, потягивающий сквозь отверстие в пальце, раскуривал его, пока на кончике не появился маленький язычок огня.

Промасленная рукавица загорелась тотчас.

Первой пламя заметила уборщица и стала гасить промасленными опилками. Огонь не сдавался. Видя, что пропитанными маслом и соляной опилками с ним не справиться, хроменькая уборщица тетя Дуся закричала хриплым старческим голосом: «Пожар!».

Время для пожара было самое неподходящее. Ночная смена спешила домой, а принимающая еще не появилась. И, если бы кто-то посторонний посмотрел на горящую среди масла и опилок рукавицу, то подумал бы, что тетя Дуся кричит «Пожар!», чтобы все от него разбежались.

С небольшими паузами тетя Дуся добросовестно выкрикивала одно слово, пока пламя, подпрыгнув за подол халата, не обожгло колено. С новой силой крикнула «Горю!», тем самым сдвинув наблюдавших за пожаром с места.

В цехе было два пожарных щита, на одном из которых черным по красному написано, что ответственный - слесарь Дульнев, а на другом – токарь Дурнев. Токарь Дурнев знал, что на его щите остался один топор. Но снять его было невозможно, так как он собственноручно приколотил топориче к щиту двадцатимиллиметровыми гвоздями.

Слесарь Дульнев топориче гвоздями не прибавил и багор болтами не прикручивал. Он все решил гораздо проще. «Поставив» что-то там что-то там цеховому художнику, он попросил его нарисовать весь положенный для тушения пожара инвентарь. Очень похоже получилось. И начальник цеха прибавил Дульневу к основному отпуску еще три дня – за заботу о противопожарном состоянии объекта.

А рукавица уже полыхала вовсю. Опилки горели чуть тише, но горели. Токарь Дурнев кинулся к пожарному щиту Дульнева, а слесарь – к щиту Дурнева, каждый зная, что со своего щита взять нечего.

Проходящий через цех монтажник набрал воды в каску и уже хотел выплеснуть на горящую рукавицу, но его остановил инженер по технике безопасности Боженкин: - Ты куда? Водой нельзя – станок под напряжением! Я за тебя сидеть не собираюсь! Толпа вокруг рукавицы выросла до размеров митинговой. Начальник цеха послал табельщицу за кладовщицей, которая была в отпуске. На складе были огнетушители.

Электрик Федор, позвонивший в пожарку, доложил начальнику, что у пожарной машины не работает двигатель. Ответственный Дульнев пытался оторвать приколотенный Дурневым к щиту топор, а несколько близорукий Дурнев пытался схватить нарисованное на щите ведро.

Последним к горящей под станком рукавицей подошел слесарь-сантехник Ручейков в насквозь промокшей фуфайке. Ни слова не говоря, он стянул с себя фуфайку и накрыл ею рукавицу.

Люди стали расходиться по рабочим местам, чтобы там детально обсудить случившееся. Начальник цеха подозвал табельщицу и отдал указание:

- Подготовь список отличившихся на пожаре. Для поощрения!

Утром появился приказ за номером 1033 о поощрении слесаря Окуркова за добросовестное отношение к своим обязанностям. Вторым пунктом приказа значилось: «В целях улучшения противопожарного состояния противопожарный щит, за которым ответственен Дурнев передать Дульневу, а щит Дульнева – под ответственность Дурнева.

П Л А Т И Н А

Ожиревшая перепелка непрерывно насвистывала: «Спать пора, спать пора». И первым с ней согласился местный охотник Кирюшка. Умаявшись за день на свиноферме, он весь вечер простоял с ружьем в камышах в ожидании уток. Охотник он заядлый и, наверное, не вышел бы из своей засады, если бы мы его не убедили, что сегодня охоты уже быть не может. Вечерняя тяга уже закончилась, а до утренней заедят озверевшие комары.

Теперь он спал крепко и спокойно, как спят люди, прошедшие день в крестьянских работах. Август веял запахом свежей соломы, горчил полынью. И отвратительно вонял из бутылки свекольной самогонкой. Хотелось просто посмотреть в небо, подумать, помолчать. Но Медный – наш третий спутник (так звали его за рыжий цвет волос), хотел поговорить, порассказать. Все чаще посвистывали крылья утиных выводков, возвращающихся с полей на водоем. Ветерок тянул с пруда прохладу. Сонный Кирюшка поднял ворот фуфайки обеими руками и, как черепаха, втянул вовнутрь фуфайки свою голову. На востоке еще и не было признаков рассвета.

- Надо немного вздремнуть, - произнес медный, и подняв капюшон штормовки, ткнулся лицом в солому.

- Ты не спишь? – спросил он меня, опасаясь потерять последнего слушателя. И, убедившись, что я не сплю, начал свой рассказ.

- Случилось это в нашем цехе.

Потребовали вышеворующие у нижеворующих хозяйственников отчет о 45 килограммах платины. Цеховая кладовщица накладную на получение нашла, а вот кому, куда и для чего была отпущена эта платина, кладовщица не знала. И такой накладной не было. Платина была скручена в моток, и для рядовых слесарей ничем не отличалась от мотка простой проволоки, а потому, однажды, при уборке склада была выброшена в кучу металлолома рядом с цехом.

Плотник Васька Огурцов этот моток проволоки занес к себе в столярку, а потом натянул эту платиновую проволоку между металлическими трубами, вбитыми в землю. Получился не ахти какой, а забор. Корова не зайдет. И сажал там плотник Васька картошку. Он и спорить с кладовщицей не стал, когда та выдала ему взамен платиновой проволоки простую. Натянул на трубы проволоку, а платину вернул кладовщице.

И пополз по цеху слушок, что платиновая проволока дороже золота.. Что у Васьки Огурцова картошка платиновым забором была обнесена.. С тех пор стали в цехе произносить шепотом, глядя на термомпару: «А в ней семь граммов платины».

А раз платина дороже золота, да стоит в термопаре, которую можно запросто снять и утащить, то ее и утащили. Обнаружил это в четыре часа утра стекловар. Доложил диспетчеру. А в половине пятого милицейская собака уже загнала цехового кота на крышу. Нюхать горячую стекловаренную печь она наотрез отказалась. Весь день работала милиция, допрашивала стекловара: «Кто приходил в этот час в цех? Кто уходил?». А ночью решили допросить всех рабочих этой смены. Нет, не вызывая в отделение, а на дому...

Жена слесаря-вентиляционщика, разбуженная среди ночи, крикнула через закрытую дверь милиционерам: «Ребята, нет ни папирос, ни водки!» (времена были сухозаконные, горбачевские). Но ребята стучать не перестали, а разбудили Гришу-вентиляционщика и предъявили милицейские удостоверения.

Гришка стал в уме перебирать все свои грехи за неделю. В понедельник пронес бутылку на завод, но не пил, а обменял ее на гвозди у плотника. Во вторник после работы забегал к одинокой крановщице – так ведь все по согласию! В среду перебрал шланг для поливки через забор, так это же не себе, а для милиционера из охраны завода. В четверг играли в домино в рабочее время, так там в мастерской вообще была заперта на задвижку. В пятницу пришел домой пьяный, но не буянил, и Дуська в ментовку не звонила. В субботу. А-а, в субботу... Да, видимо, все из-за субботы.

В субботу он возвращался с рыбалки на мотоцикле. Сын сидел в коляске, и на нем был застегнут шлем. На перекрестке Грише показалось, что прозвучал милицейский свисток, но самого гаишника нигде не было видно. «Все-таки лучше сознаться», - решил Гришка.

- А, - начал он, возвращая милиционеру удостоверение, - теперь я понял, вы из ГАИ!

И Гришка честно признался в том, что шлем на сыне не был застегнут. А вот гаишника видно не было, и свисток был очень негромкий

- Нет, - сказал старший милиционер, - мы не по этому вопросу. Во время вашего дежурства украли в цехе термопару. Где вы находились в четыре тридцать утра?

- Нет, воровать я никогда ничего не воровал, - чистосердечно сказал вентиляционщик. – В четыре тридцать мы спали со слесарем по кранам. Можете его спросить или мастера.

Дело о платине, или, точнее, о термопаре было прекращено совсем неожиданно. Начальник цеха КИПиА обнаружил, что термопара, которую украли с печи, на печи и не стояла. Ее взамен сгоревшей должен был поставить слесарь КИП Жулькин, но не успел этого сделать. Сгоревшую он снял, а новая осталась у него в сейфе, так как время было 17.00.

И он ушел домой уверенный, что без этой термопары стекло будет также вариться. А у него в кармане лежало заявление на два отгула, подписанное начальником.

Мирно все закончилось. Но зато теперь у нас в цехе, если кто-нибудь берет кусок проволоки, то всегда переспросит: «Не платина?»

ШАЙТАНОВА ПАЛАТА

Первая койка от двери – койка мельника. Больной он правдашний. У него левый глаз стал плохо видеть. Врач сделал ему операцию, но выписывать не торопится. И при утренних обходах разговаривает с ним дольше, чем с другими. Кто-нибудь мог подумать, что Мельник тяжелее всех болен. Но больной Скрипач, со второй койки, знает точно: Мельника врач не выписывает так долго потому, что не все еще деньги из него вытянул, а деньги у Мельника водились. Мельница – она круглый год мелет, и

разберись в мучной пыли, в чей карман падают там денежки? Теперь Мельник уже не так сильно переживал за свой глаз, как боялся потерять должность. С деньгами можно и с одним глазом продавать, без денег – и с двумя туговато. Врач был того же мнения, потому и не торопился мельника выписывать.

Больной Скрипач болен с детства. У него болит все: голова, грудь, живот и все, что в них размещается. Он получает какую-то пенсию по инвалидности. И может лежать в любой больнице с любым своим органом. Все будет законно. Он как в детстве ходил в больниц с мамой за ручку, так и теперь в свои тридцать с лишним лет и при двухметровом росте ходит. Скрипач - это не фамилия. Так зовут его соседи по палате за то, что, едва заснув, он так сильно скрипит зубами, что остальным уже не до сна. Врач говорит ему всего одну фразу: «Поправляемся».

Третью койку занимает преподаватель из института. Врач к нему относится внимательно, потому что дочка будет поступать в этот институт. Преподаватель спешит как можно скорее выписаться. В институте скоро начнется прием вступительных экзаменов, а это что-то вроде медосбора на пасеке. К тому же он вел дополнительные занятия на курсах бизнесменов и боялся из-за болезни потерять дополнительный заработок.

Каждое утро он подходит к окну и проверяет зрение, глядя на прохожих. Но резких улучшений педагог не ощущал. Собачка, гуляющая по утрам за больничной оградой с хозяйкой, кажется ему кошкой. И он, грустный, отходит от окна. «Гляди, - сказал он ни к кому не обращаясь, сдурела баба: кошку прогуливает на поводке». Преподаватель взбодрился и при обходе намекнул врачу, что зрение улучшилось.

Четвертую койку занимает Духовик, семидесятилетний дед. Участник войны, он или спит, или дергает волосы из ноздрей, внимательно их рассматривая. Живет где-то в пригороде. Перед отъездом в больницу закрыл на замки все кладовки и подвалы, чтобы старуха не раздавала продукты детям. О войне не проронил ни слова. Что есть мочи материт коммунистов, и понятно, почему. Скрипач сказал, что воевал он во Власовской армии, то есть, на стороне немцев. Духовик – это тоже больничная кличка. Храпит он так сильно, что соседние палаты закрывают двери. А в одной с ним спят только те, кого привозят после операции и пока они находятся под наркозом.

Особая неприязнь в отношениях между Скрипачом и Духовиком. Тут все зависит от того, кто уснул первый. Если уснул Скрипач и начал скрипеть зубами, то возмущается Духовик. А если включил свой немислимый оркестр Духовик, то возмущается Скрипач.

Скрипач, как натура более чуткая и молодая, после ужина заявил, что, если Духовик включит сегодня свой оркестр, то он его ночью удушит.

Духовик в ответ ничего не сказал, но под одеяло рядом с собой стал на ночь класть деревянную клюшку. Потом было найдено компромиссное решение. Если засыпал первым Скрипач, то Духовик брал с собой подушку и уходил спать в больничный коридор. Скрипачу ничего не оставалось, как поступать так же.

Мельника участники оркестра мало волновали: он спал, накрыв голову подушкой. А преподаватель, спавший целыми днями, как ночь, уходил к дежурной медсестре, говорил, читать книжки, но возвращался утром с засосами на шее.

Пятую койку занимал инвалид. Мужик без возраста. Могло ему быть и пятьдесят, а может, и тридцать пять. Болел он, по его словам, всеми болезнями. Не было аппетита. Болела поясница. С трудом передвигались ноги. И что-то было со зрением. Видя, как он идет в столовую, можно было уверенно сказать, что долго он не протянет. Но при виде того, как он ест, мысли о его немочи исчезали.

Мельник говорил, что никакой он не инвалид, и не больной даже. Просто, что бы сына в армию не взяли в армию, он решил получить инвалидность. Тогда сына оставят для ухода за больным отцом. Но для получения первой группы инвалидности ему немного

не хватает денег. Теперь он обменивает трехкомнатную квартиру на двухкомнатную. А доплаты должно хватить, чтобы инвалида перевели из второй группы на первую.

Шестая койка – «автомат». С помощью специальных устройств больного можно положить в нужное положение. На нее кладут больных после операции. Очередным ее хозяином стал крепкий еще старичок-башкир. Трое суток он пролежал стоная и матерясь во сне. А на четвертые, ночью, открыл здоровый глаз и увидел черта, стоящего на подоконнике. Дед Ибрай был воспитан при советской власти и в чертовщину не верил. Но на всякий случай взял в руки клюшку, стоящую возле тумбочки. И не вставая с койки, ударил по нечистой силе. Шайтан исчез. Но тут же появился на постели Скрипача. Ибрай с трудом поднялся с койки, и подкравшись, снова ударил по Шайтану. На этот раз удачно. Клюшка ударила между лопаток спящего Скрипача, и тот, решив, что его бьет Духовик, с воем вылетел в коридор. А старик уже крался к новому Шайтану, плясавшему на подушке Мельника. Мельник на свое счастье спал, укрыв голову подушкой, и удар клюшки только сбросил подушку на пол. Второго удара Мельник не дождался. Он вслед за Инвалидом, развившим приличную скорость, вылетел в коридор и свалил спящего на стульях Духовика.

Учитель, читавший книжку у дежурной медсестры, вбежал на шум в палату, и дедова клюка ударила его в лоб.

...Машина мчала деда в психиатричку. Он вырывался из рук медбратьев, зная твердо, что шайтан остался все-таки в палате.

ОТЦОВСКИЙ ДРУГ

- Ого, кто пришел! Смотри, кто пришел! – Старичок бросил на крылечко охапку дров и улыбаясь пошел мне навстречу.

Заиндевшая собачка с лаем выскочила из конуры, но, увидев хозяина, дружески обнимающего меня за плечи, вернулась обратно.

- Ну, давай, заходи, заходи. – Пока я снимал с себя рюкзак, маскхалат, лыжи, пока обстукивал снег, намерзший на ботинки, горячие щи уже стояли на столе.

- Давно ты ко мне не заходил! – Мы вместе со стариком подсчитали, припомнили, и действительно, оказалось, что не виделись целых два года.

- Ты как, переночуешь у нас, или пойдешь до дома ?

- Пойду до дома.

- А что опять некогда?, - спросил старик с грустной улыбкой.

- Понимаешь, дядя Миша, обещал матери вернуться к ночи. Будет ждать, волноваться.

- Раз обещал, тогда конечно, надо возвращаться. Путь-то недалгий для молодых ног. Да еще на лыжах. Семь верст для охотника – прогулка.

- Какие же семь верст, - вступила в разговор тетка Марья, - весь день шел, да еще семь верст – это все пятьдесят.

Она с удивлением рассматривала мою фуфайку, насквозь мокрую от пота.

- Я ее сейчас к голландке положу, она и просохнет. В этакой мокрой враз застынешь на таком морозище. Пока ты передохнешь, она и просохнет, - говорила тетка Марья, развешивая фуфайку на печке.

- Лыжи тяжело идут сегодня: мороз сильный, - сказал старик.

- Лыжи идут нормально, дядя Миша, они у меня смазаны специальной мазью.

- Тогда еще ничего. Ведь мы, охотники, такой народ – чем легче идет, тем дальше уходим. И получается, что в любом случае возвращаемся, как говорится, на одних нервах. Идешь, бывало, к дому, а снег по колена, и силы нет вовсе. Идешь, и думаешь: «Чтобы я еще раз на охоту пошел – никогда!».

А утром распахнешь дверь – господи, погода-то, погодушка! Снег мягкий, морозец легкий. Ветерок не шелохнет, и вот он – свежий пресвежий след зайчишки от копны к баньке и дальше к речке. Мигом шубенку на плечи, ружьишко в руки – и айда в поле. Марья бывало крикнет: «Ты бы хоть позавтракал!». «Сейчас, вернусь!», - отвечу. Найду косога, думаю, подстрелю – и домой. И корм скотине дам, и все прочее по хозяйству.

А вернешься бывало только ночью и снова говоришь себе: «Чтоб я еще раз на охоту пошел – никогда!». Потом с годами понял, что никогда я охоты бросить не смогу.

Хорошее дело охота! Вроде бы развлечение, забава, а побродишь по полям не один десяток лет, так и кажется, что сам стал одним целым с природой. Ну как ветла, али дуб, - только корни невидимы, потому, что в сердце они, а вырви их из сердца – и нет меня, охотника.

А еще - выносливость. Втягиваешься, привыкаешь к большим переходам. Метким стрелком становишься. Маскироваться, скрадывать зверя учишься. А мужик без этого, я считаю, ненастоящий. Мы, мужики, прежде всего – солдаты! (Дядя Миша воевал в одном из отрядов партизанского соединения Ковпака).

- Мне в отряде, - продолжал он, - когда оставалось мало боеприпасов, отдавали патроны других партизан, кто стрелял плохо. Не обижались они. Знали: если я выстрелил, значит - одним фашистом меньше стало.

Старик закончил вопросом:

- Слушай, ты почему в деревню не вернешься? Ведь ты там, в городе, без природы, со скуки завянешь! Ты же охотник, ты же деревенский! Это получается, что ты там как будто не на месте. А тут в деревне рабочих рук не хватает, техники много. Да ведь техника без мужика силы не имеет!

- Ну, вот, фуфайка высохла, - сообщила тетя Маша.

Дядя Миша стал помогать мне собираться. Мороз после отдыха и горячих щей казался не таким уж сильным. Я прощаюсь с гостеприимными хозяевами. Дядя Миша задерживает мою руку в своей, смотрит в глаза и, похлопав по плечу, заключает: «Походи на отца!».

ДИКИЙ НАРОД

У военных людей, чтоб не блуждали они на незнакомой местности, есть топографические карты. Их всякий раз вручают командиры своим подчиненным, отправляя их в дальний и недалекий путь. А что может вручить шоферу, прибывшему на уборку, управляющий отделением совхоза? Полевые дороги не имеют указателей, и поди, разберись в чужих полях, куда и какая ведет...

Уборка, или как сейчас принято выражаться, уборочная кампания, требует скоростей. Управляющий решил этот вопрос быстро. Он подсел к молодому московскому водителю Сене и сказал: «Поехали во-он к тому дому, где на плетне висит фляга!».

Управляющий на минутку зашел в избу и вышел оттуда со здоровущим розовощеки парнем.

- Вот тебе, Сеня, проводник твой. Так сказать, Сусанин. Поездишь с ним денька три, а там и сам освоишься с дорогами. А ты, Гертруд, не дури, посерьезней будь!

На этом инструктаж закончился. Гертруд, несмотря на то, что красота имени обязывала, вроде к чему-то возвышенному, был заурядным лодырем. Он отличался тем, что любую порученную ему работу не выполнял.

- Ну, что стоим?, - обратился Гертруд к водителю, и машина тронулась.

Сеня получил водительское удостоверение недавно и машиной управлял с опаской: притормаживал перед каждой канавкой и подолгу ждал, когда куры или гуси перейдут дорогу.

За деревней Гертруд попросил остановить машину и, явно превышая свои полномочия, провел первую беседу:

- Я, конечно, покажу тебе, куда ехать, но я тебе еще и скажу, как надо ехать. Если ты будешь тормозить перед каждой курицей, то до элеватора не доберешься. И, естественно, ничего не заработаешь. Поэтому поясню, чтоб ты знал: за кур, за кур, задавленных на дороге во время уборки, у нас не наказывают.

Машина стала проскакивать сквозь куриные стайки. Средняя скорость увеличилась, а кур в Ивановке поубавилось. Гертруд был доволен.

- Вот теперь ты хоть что-то заработаешь, - удовлетворенно говорил он. – А с теми, прежними, скоростями – ничего. Вам, шоферам жить тяжело. Вот я, к примеру, скотником в зиму пойду работать. Так у меня всегда надежная зарплата. И я – самый нужный человек для тех, кто держит скот. А в деревне его держат все. Какой отсюда вывод? Я нужен всем. Я им - мешок фуража, и они в долгу не останутся, что-нибудь, да выдадут. И никто ко мне не придерется: я всем этим буренкам мешком из-под муки по мордам нахлопаю – поди, докажи, что они мучного не ели...

На квартиру молодого москвича устроил тот же Гертруд. Точнее, он его переустроил, так как по распоряжению управляющего водитель должен был жить в общежитии на центральной усадьбе. Гертруд это не понравилось.

- И будешь ты каждое утро десять верст до меня ехать.? Прикинь...А здесь лишний час поспишь утром, а вечером лучше подольше с девками погулять.

Поспать Сеня любил, потому и быстро согласился с доводами местного жителя. Хозяина дома Гертруд уговорил еще быстрее.

- Вот тебе ,Кузя, машина с водителем. Хочешь – за дровами, хочешь - за сеном, а, может, и зерна подбросит, - шепнул он в оттопырившееся ухо хозяина. Кузя согласно кивнул, и они пожали с Сеней друг другу руки.

- Ты пока тут умойся, - предложил он постояльцу, - а я пойду свиней покормлю.

О свином ужине Сеня не имел никакого представления. Единственная информация о питании этих животных была почерпнута им из басни Крылова: «Свинья под дубом вековым наелась желудей...».

Гертруд знал не только больше Сени, но пожалуй больше великого баснописца Крылова о свином ужине, который готовил Кузя. Конечно, никаких желудей в этом вольном степном краю не водилось, а Кузя просто-напросто варил свеклу. Сладкий отвар он сливал в ведра и выделял из него ужасно крепкий и вонючий самогон, а свеклу отваривал свиньям.

Никто в Ивановке доносов на Кузю не писал, потому что при случае он мог угостить любого земляка, да и участкового, так, что тот долго вспоминал потом: «Вот однажды я у Кузи нахрюкался...». Словом, Кузя был добр и в деревне уважаем. Имел он, пожалуй, один лишь недостаток: был ужасно вспыльчив.

- Где помыться? – обратился Сеня к своему проводнику, достав из кабины мыло и полотенце.

- Вот же, в ведрах теплая вода, - указал Гертруд на парящий свекольный отвар.

- Прямо в ведре, что ли?, - удивился Сеня.

- Конечно! – подтвердил проводник. – Чать не в Москве находишься.

Сеня из ведра умывался в первый раз. Вода расплескивалась, и с каждой минутой становилась все мутнее от пыли и мыла, попадала под брючную ремень и, казалось, даже липла к телу. Вот и вода в ведре кончилась, а мыло все щипало глаза.

Сеня знал, что еще рядом стоит ведро с чистой водой, но решив, что это для хозяина, стал вытирать лицо полотенцем. Ведя его ото лба к подбородку, чуть задержался над

щиплющими глазами и, едва дотянул до кончика носа, как из переулка ударил в уши дикий крик:

- Ты что делаешь, курва?!

Сеня выронил полотенце, а на него, как бык на тореадора, с поднятыми вверх кулаками несся Кузя.

Ожидая удара, Сеня закрыл глаза. За спиной из оставшегося ведра плесканула вода и затопал мокрый с ног до головы Гертруд. Потом пустое ведро отскочило от пятки беглеца, и на весь сельсовет разнесся панический крик:

- Сеня, рви!

Ах, как быстро неслась машина! Кузина мотыга не долетела даже до кабины и обессиленная упала в кузов.

Возле общежития Сеню ожидал мужик с дохлой курицей в левой руке и с монтировкой в правой. Двое парней схватили мужика под руки и стали оттаскивать от кабины.

Мужик размахивал курицей, болтал ногами и орал:

- Его что, зерно возить прислали или кур давить?

Он повторял этот вопрос, как старая заезженная пластинка, пока парни не бросили его в телегу и, держа по-прежнему крепко, не укатили в переулок.

Вечером Сеня писал письмо родителям в Москву. После «Здравствуйте...» в следующей строке вздрагивающей рукой вывел: «места здесь красивые, но народ – дикий...».

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ

...Поразмыслив, я воткнул в снег рядом с обломками оставшуюся целой лыжу, и повернув на 90 градусов, пошел в сторону дороги. Как-то сразу почувствовалась усталость. Испортилось настроение. Так бывает, когда непредвиденная случайность вдруг разом рушит все планы.

Снег набился в короткие лыжные ботинки, и я подумал: почему ботинки, которые предназначены для ходьбы по тротуарам, шьют с высокими голенищами, а лыжные – почти как домашние туфли?

Тем не менее, надо было идти. До деревни оставалось немногим больше пути, чем у меня сил, и я понял, что разумнее переночевать в одиноком домике недалеко от кошары.

Из-за холма как-то вдруг выкатилась луна, а от кошары ко мне с лаем бросилась здоровущая собака. «Ты что же это – не поздоровалась, а сразу лаять», - усомнился я ее.

- Петя, замолчи! – раздался голос из сеней, и в ту же секунду дверь отворилась. Петя, виновато помахивая хвостом, поплелся к кошаре.

- Вот собачья душа, - добавил хозяин, - пока не кормлю – готов лаять на свою тень, а как наестся – хоть ошейник с него стягивай – не проснется.

Я сказал ему о своем намерении переночевать, а он, показалось мне, даже обрадовался.

- Во-во, я сегодня как раз один. Скучновато. Жена в город уехала – никак не привыкнет к деревне. Мы ведь здесь всего вторую зиму, говорил он, развешивая вокруг голландки мою промокшую одежду.

Роста хозяин был невысокого, сутуловат. На обрामленном темными волосами лице, выделялись серые, с грустинкой, глаза.

- А почему из города уехали? – спросил я.

- Э, брат, это целая история. И он, разливая чай, начал рассказ.

- Я на заводе слесарем работал. Работа сменная, но мне нравилась. Времени свободного больше. Отдежурил ночь, а днем занимайся, чем угодно. Я тогда самодеятельностью

увлекался. Наши заводские спектакли ставили, и при старом художественном руководителе у меня шло нормально...

А как ушел он на пенсию, к нам пришел молодой. Нервничать стал. «Ты, - говорит, Дубов, простейших вещей исполнить не можешь. Заходишь к начальнику и говоришь: «У меня жена тяжело больна», а сам улыбаешься. В роль надо вживаться. Чтоб правдиво было».

А я ему говорю: «Я о своей, если умрет, не заплачу, а ты хочешь, чтоб я по пьесе...». Ну, а потом, когда руководитель из-за моей игры до крика дошел, стал меня коллектив упрашивать, чтоб я из самодеятельности ушел. Ну, я и ушел.

И все же они потом за мной сами пришли. Ну не сами, а...

Вызывает меня заместитель директора, спрашивает: «Как с жильем у тебя, Дубов, обстоят дела?». «Слава богу, - отвечаю, - живем – не скучаем, на пять хозяев квартира». «Ну, говорит, - при следующем распределении получишь. Ты и рабочий неплохой, и общественной работой занят. Я вот за помощью к вашему художественному руководителю обратился, а он мне сразу: лучше Дубова эту роль никто не исполнит - говорит».

Я хотел сказать, что уже не занимаюсь в художественной самодеятельности, но он меня не слушает. «Прошу тебя, Дубов, прийти утром 9 мая к проходной. Мы тут кое-что придумали».

В праздничное утро встал я рано. На улицах полно народу, у многих на груди ордена и медали. И солнце яркое, как самый главный орден.

У проходной стоит машина с открытыми бортами. В кузове – пограничный столб, а рядом плакат на большой раме. На плакате карта СССР с большим отверстием в западной части. Меня торопят: «Скорее, Дубов, переодевайся, тебя ждем». Зашел я в автобус, а там Ромка Солнцев, грузчик из транспортного цеха, пытается в гимнастерку влезть. Я ему говорю: «Ты, наверное, мою натягиваешь?». «Нет, - отвечает. – Твоя вон лежит». Поглядел я – и мороз по коже: форма фашиста! Но, когда оделся, все заулыбались. «Ну, вот. Приклейте усы, и все в порядке».

А когда я втиснулся в дыру, что была на плакате – все зааплодировали, а в руки мне дали пистолет. Передо мной, как скала, встал Ромка Солнцев и направил мне в лоб штык.

Машина тронулась, и мы покатили к городу. Ромку я упросил, чтобы он штык держал пока подальше.

На параде нашей машине не аплодировали. И понятно, хоть и не настоящий в ней был, ряженный, а все-таки Гитлер. И только мы начали сворачивать с главной площади, какой-то пацаненок так крикнул: «Ребята, бей Гитлера!»- и вlepил мне в лоб свое мороженое. И пошло, и полетело все в меня: камни, ботинки и даже сорокарублевый японский зонтик. Самое мягкое было мороженое, но зато оно таяло и текло мне за воротник.

Ромка пытался меня загородить и крикнул шоферу: «Гони!». И машина так резко дернулась, что на ней только пограничный столб остался. Ромке что! Он винтовку под мышку, и бежать. А у меня плакат на шее. Пока я из него выбирался, пацаны меня пинать начали. Зато потом я Романа догнал, и машину.

Начальник наш был очень доволен. Да и я, если честно признаться. Ведь кого не исполняй, а если роль получилась, артисту приятно. А я, хоть и самодеятельный, но артист. Квартиру я получил. Правда, в порядке очереди, согласно рабочему стажу. А вот жить в ней не пришлось. Ребяшня после того парада как завидит меня, так кричит: «Гитлер, Гитлер идет!».

«Ладно бы меня одного, а то и Ньюрку стали «гитлершей» звать. Стала меня жена упрашивать уехать хоть куда-нибудь. Так мы здесь и поселились.

- Вот какие ведь поганые роли бывают! – закончил он свой рассказ. – Ну, ладно, ты, поди, устал. Давай спать.

Петя, стоя на сугробе вдвоем со своей тенью, лаял бойко на какие-то дальние звуки.
- Надо покормить пса, - сказал хозяин, - иначе пролает всю ночь.

«БАТЮШКА»

Под гудение телевизионной антенны слушал я беспокойную речь матери:
- Не ходил бы ты завтра на охоту. Послушай, какой буранище! Замерзнешь – и искать не знаю где. Отдохни денек-другой. Ну, что у тебя за отпуск? Ты, поди на работе и то так не устаешь! Ведь вся одежда мокрая от пота, за ночь и просохнуть не успевает. Подумать только! На улице морозище, а он приходит как из бани. Уходит из дома, когда черти в кулачки бить не сходились, а приходит ночью!

Теперь, когда и сам я стал уже отцом, понимаю ее вечные опасения за меня. И засыпаю, убаюканный монотонным гудом антенны, усталостью и заботливым голосом матери.

А утром и впрямь начался буран. Белая прядь метели, вчера легко вившаяся над сугробом, сегодня стремительно падала вниз и скользнув по стене дома, взлетала вверх до самого карниза. Погода, по моим понятиям, была нормальная. К вечеру добрался я до оврага, недалеко от которого была деревушка Дубровка. День и без того мрачный, с прибытием сумерек стал мутным, и надо было ожидать, что ночь будет вовсе непроглядная. И, хотя уверенность в том, что не заблужусь, меня не покидала, я все-таки обрадовался, когда увидел во мгле раскачивающийся сноп света. Это ветер размахивал светильником, повешенным на деревянной опоре, как будто для того, чтобы предупреждать, что путь опасен и лучше остановиться.

Но я уже пришел. Вот она, изба, в которой живет дед Василий, по прозвищу Батюшка, человек нестандартный. Эта «нестандартность» передается и его окружению. В палисаднике у него под окном, на невысокой березке, устроила гнездо сорока – редчайший случай. В старом рукомойнике, прикрепленном к ветле его руками, по весне жили скворцы. Вместо собаки по пятам за ним ходил кот, с виду ровесник деда. На голове его всегда- зимой и летом – шапка, и всегда одета козырьком то влево, то вправо, но никогда так, как ей бы полагалось.

Ругается дед нередко, но «крепких» выражений не использует. Уж если что-то сильно не по нем, произнесет свое привычное «Фу, ты, семью-восемь, черт чахоточный!», но и то, как-то не зло.

Я долго стучал в дверь, но дед вышел только тогда, когда я собрался уж было уходить восвояси.

- В подполе был, картошки набирал, - пояснил он на мое «Здравствуйте!». И, приказав мне проходить в избу, принялся устанавливать свои крючки, вертушки, задвижки в положение «заперто».

На просьбу переночевать дед ответил: «Живи хоть до морковкина заговенья!». В каком это бывает месяце - я не знал, но понял, что ночлег мне обеспечен.

Продукты, которые я достал из рюкзака, дед решительно отодвинул в сторону. Только бутылку портвейна осмотрел с уважением, спросив «Почем?» и отправился в чулан за огурцами.

После выпитого дед разговорился:

- Я, ведь, вот, в детстве тоже мечтал об охоте. Даже петли на заячьих тропах однажды наставил. Замела их пурга. А весной в одну попала наша овца и удавилась. Вышиб из меня тогда отец всю охоту хворостиной.

От усталости меня клонило ко сну, и тепло натопленной печи показалось мне раем. Сначала я почувствовал неловкость перед стариком, за то что не поддерживаю с ним беседы. Но потом понял, что мое участие и не обязательно. Старик вел беседу один –

задавал себе вопросы, отвечал на них. И когда ответ ему нравился – посмеивался от удовольствия.

Вопросы были самые разные. Заснул я, когда дед удивленно спрашивал себя: «А вот этих сырков, в красивых бумажках, неужели хватит на всех? Это сколько же надо заворачивать?». И отвечал утвердительно: «Пожалуй, хватит. Что им делать в городе-то? Круглые сутки все крутят да заворачивают...».

БАНЯ ПО-ЧЕРНОМУ

Сегодня возвратился я с охоты засветло. Неяркое январское солнце еще не коснулось горизонта, и в предвечерней морозной дымке походило на желток куриного яйца. Ветра почти не было, и дым, идущий из трубы печи Батюшки, поднимался высоко в небо. Вороны, недружно перекликаясь, летели на ночлег к старым ветлам.

- Решил вот истопить голландку. Думаю, придет, намерзнется, устанет, а в избе-то холод...

Об охоте дед не спрашивает. Сам он не охотник, это по-моему, фактор, решающий. Слушать охотника, понимая до конца каждое его слово, каждый жест и даже мимику, может только охотник. А деду самому нужен слушатель, ему самому есть о чем рассказать.

На ужин у нас приготовленный дедом картофельный суп. Снова слышу его беседу с самим собой: «Что в городе делать-то? Горячая вода в избе, холодная в избе, газ тоже...». Нахваливал он город. Но, помолчав, возразил: «Ну и что ж, что в избе? А остальное-то все - в магазинах. И кругом очереди. Смех и грех...».

Я от сына Кольки из Туркмении домой собирался ехать. Его в часть по тревоге вызвали, а сноха в положении. Ну и пошел я один на вокзал.

Очередь у кассы огромная. Все стоят и я встал. А как подошла моя очередь, подал деньги кассирше и говорю: «Один билет до Оренбурга.» Кассирша как захохочет – аж самодельные волосы с нее свалились на пол. «Тут,- говорит,- дед, в кино билеты продают. Вокзал чуть подальше». Дед рассмеялся: - Вот тебе и вода в избе.

Суп получился отменный, только старик сначала забыл его посолить, а потом вспомнил и... насыпал соли в чайник вместо кастрюли. Суп мы все-таки посолили, а чай пришлось кипятить заново. После ужина я чистил ружье, а дед снова вспоминал о прелестях городской жизни.

- Там же ванна в избе. Захотел помыться – пожалуйста. А что в деревне – трудно баню истопить? – возразил сам себе. – Если облениться, то и в городе можно грязью обрасти.

А баня у меня неплохая. Если хочешь, можем завтра истопить. Топится по-черному, зато жарится – настоящая. Попарила меня эта банька, семью-восемь.

Дед сердито сплюнул.

- Вскорости после войны завернула в нашу деревню машина с прицепом, груженная сосновыми бревнами. А у нас, что ж, степь. Оглобли срубить и то негде. А тут такие бревна! Мне уж больно баню свою иметь хотелось.

Ну, я к машине. Ребята там – молодежь. В магазин зашли, а я к старшему:

- Слушай, парень, несколько бревнышек не продашь?

- Нет, - говорит, - этих не могу.

- А каких можешь?

Он головой двинул в сторону телеграфной линии, что за нашей деревней. «Вот те-пожалуйста».

- На них же провода?

- Провода, - говорит, - сматывайте и изоляторы снимайте. Мы эту линию все равно скоро менять будем.

Вот, думаю, повезло! Десять рублей(старыми) за столб. Отдал им триста рублей. А сам – пилу в руки и за кумом Игнатом. Да и старуха покойная еще в силе была, и ее с собой прихватил. Провод, думаю, мотать и она сможет.

И пошла работа. Двадцать столбов свалили почти без перекура. Ну, думаю, покурим, свалим еще десять и пойду старухе помогу провода сматывать.

А тут наш колхозный телефонист как оглашенный на лошади подлетел верхом.

- Ты, Батюшка, что вытворяешь? - орет.

- Что ты на меня за мои законные деньги орешь? Я за эту гниль, - говорю, - три сотни отдал, да работы с ними на 500 рублей.

А потом, ох и парили меня за эти столбы. Может, и посадили бы, да нашли тех обманщиков, что деньги с меня взяли.

А за меня председатель вступился, да и парторг. Да и вся деревня, раньше она большая была. Лучше меня никто не мог ни косы отбить, ни хомута сшить. И никому я не отказывал. Да и в бане этой потом вся деревня мылась.

ПОЧТИ СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ

В субботу утром дед объявил банный день и попросил меня прийти с охоты пораньше. Я пообещал, но вернулся только в девять часов вечера. Едва перешагнул порог избы, дед бросил к моим ногам валенки и сказал:

- Бегом в баню, пока там есть пар. Спички возьми с собой. Коптилка стоит на окне. Мыло, мочалка, веник – на полке. Голову мой жидкостью из флакона – я ей всегда мою.

Баня еще не простыла. Раскаленные камни потрескивали от выплескиваемой на них воды, горячий пар приятно пощипывал кончики ушей и носа.

Тело наполнилось приятной слабостью. И только жидкость из флакона никак не могла промыть волосы. Они стали жесткими, а кожу головы сильно щипало. Промыв голову мыльным раствором и одевшись, с трудом прочитал при свете коптилки надпись и инструкцию на флаконе: «Предназначена для чистки раковин. Избегайте попадания на полированную мебель». Слава богу, мебели в бане не было.

Чай из смеси зверобоя и матрешки мы пили не торопясь.

- Думал, сварить что-нибудь, но не успел, - начал дед. – Да и зачем варить? Сало есть. Хлеб-калач. Чем не еда? Все есть слава богу. Я вот восемь десятков прожил, а лучшей жизни не видал. А ведь какие страсти были в 1921 году? Люди на ходу с голоду помирали. А во время войны? Да и после ...

Дед помолчал, припоминая что-то, пытаюсь выбрать из сотни случаев тот один, о котором нужно рассказать сейчас.

- В сорок шестом, помню, возвращались мы на лошадях с лесоразработок. Для лошадей корм хоть немного, да был, а нам самим и пожевать нечего.

Заехали ночевать в одну деревню. Выбрал я дом получше и думаю: уж хоть хлеба да выброшу. Я самый старший был, остальные – пацанва, 16-17 лет. Распрягли лошадей. Еще в избу не зашли, а хозяин уже деньги за ночлег просит. Э, думаю, такого зимой снега не выпросишь, не то что хлеба.

Позвал к себе Кирилл – самый смысленный был парень – и говорю: вот тебе иголка. Как только все войдут в избу, воткни ее под хвост вон той пуховой козе.

Настелили мы соломы в пристройке, легли. А спать никто не может: сон голодному не друг, любит сытое брюхо. Кирилл мне на ухо шепчет:

- Дядя Вася, коза как сумасшедшая по хлеву носится, кричит.

- Ладно, лежи, говорю. А если хозяин спросит, нет ли среди нас ветеринара, покажешь на меня.

Действительно, вскоре к нам зашел хозяин дома. Выслушали мы его беду. Посочувствовали ему: жаль, конечно, такую хорошую козу, но я не специалист по козам. У нас в колхозе все больше свиньи.

Пришла и хозяйка, начали вдвоем упрашивать.

- Земфира, - говорят, - самая пуховая, самая умная коза.

Вздыхнул и говорю: что мне ваша коза, когда мы двое суток не ели.

- Накормлю, всех накормлю, - говорит хозяйка, - только вылечи Земфиру.

Попросил я у хозяина одеяло. Вошли в хлев. Кирилл схватил козу за рога, хозяин нас накрыл с козой одеялом. Нащупал я иглу. Пошевелил. Коза закричала так, что по словам Кирилла хозяин зажал уши и убежал в дом. Выдернул я иглу, вылез из-под одеяла. Коза отбежала в угол и стоит, бородой помахивает.

Наварила нам хозяйка конины. Вскипятила чаю. И угощала как самых желанных гостей.

Дед закончил свой рассказ и улыбнулся. Январский мороз четко выписал на оконных стеклах хлебные колосья...

М Е Т Е Л Ь

Ночью январь опомнился. Крепкий мороз заковал отсыревший снег в ледяную броню. Понаторил из вчерашней капли причудливой формы сосулек. И с хмурой северной стороны студёный ветер ударил по земле жесткой снежной крупой. Притихли взъерошенные воробьи.

Настроение было невеселое: утром я распрощался с Батюшкой. Старику тотчас было не весело, но он отлично понимал, что я должен идти. Жизнь изредка сталкивает меня с плохими людьми. Добрые люди – знакомые и незнакомые – окружают меня ежедневно. Кажется, должно уже стать привычным это явление. Но вновь вздрагивает восторженно сердце от теплой улыбки, ласкового слова и добрых слов. И нет большего желания, как успеть ответить улыбкой на улыбку, добрым словом – на доброе слово и ежедневно делать для вас добро, добрые люди.

Дед снова оставался в одиночестве со своим котом. Но он не обижен на людей. Сколько раз в долгих наших ночных беседах с благодарностью говорил он о нашем строе, который дал старикам вот такую сытую и нетрудную жизнь. И всякий раз перечислял частично получаемые блага, в которых значились: пенсия (пенсия), электричество, газ для плиток(в баллонах).

Сын Колька – офицер, раньше этого только барские сыны устаивались. На прощанье он сказал мне: «Умирать буду здесь. Земля – она большая, но меня только сюда сердце тянуло, где бы я ни был». Так дед выразил свое отношение к Родине. Повторяя в мыслях стариковские слова, я удивился их точности. Повторяя в мыслях стариковские слова, я удивился их точности: «Только сюда сердце тянуло, где бы я ни был».

Только поэтому он не едет к сыну Кольке жить насовсем. «С неделю я еще там могу потерпеть, а больше – ни за что». Я повернулся, чтобы еще раз взглянуть на избушку Батюшки, но деревни уже не было видно за холмом.

Снежная крупа, покрывшая жесткую ледяную корку, делала лыжи более устойчивыми. Теперь они уже не скользили поминутно в стороны, а оставляли за собою почти нормальную лыжню. Вместе с крупинками стали падать пушистые, легкие снежинки. Чем дальше уходил я от деревни, тем гуще сыпал снег, и часа через три мои беговые лыжи полностью утопали в пушистом снегу. Ветер медленно затихал. И

снежинки, падавшие недавно на землю под острым углом с большой скоростью, теперь подолгу кружились в воздухе.

А во второй половине дня, когда солнце, чем-то напоминавшее рыжую лисицу, медленно ползло к закату, потянул ветерок. Сначала он стряхнул снег с вершин высоких ветел, затем сбросил белую шапочку с прошлогоднего сорочинового гнезда, построенного в густом шиповнике, а потом белые струйки снега потекли в мою лыжню.

Начиналась метель. Ветер становился все сильнее, и теперь уже не робкие струйки, а сплошной белый поток несся по полю. Поле превратилось в огромное белое море. Нет – это больше похоже не на море. Это половодье, только зимнее, бойкое наше русское половодье.

Уж не приснился ли седым снегам чудный сон? Что они никакие не седые снега, а вешние бойкие ручьи. И попробуй, удержи их любой запрудой. Нет для них неодолимых преград. Нет силы, способной их покорить. Так и кажется, что вот те заснеженные стога сейчас взметнут над собой парус, и понесутся они по бурлящим волнам.

Есть явления, подобные тебе, но нет тебе равных, метель!

У ВСЕХ СВОЯ ТАКТИКА

Не люблю я, возвращаясь с охоты, выходить на дорогу, чтобы доехать до дома хоть на каком-нибудь транспорте.

Почему? Ну, хотя бы потому, что охотник должен до конца верить в свою удачу. Бывало, и не раз, что именно на подходе к дому, пройдя десятки километров, сделаешь свой удачный выстрел. Да и просто пройти по заснеженному полю, понаблюдать за жизнью птиц в эту суровую пору интересно. А птиц зимует у нас много. Только вот пение у них не такое бойкое, как у вешних птиц. Ну, допустим, жаворонка, скворца или соловья. Но как приятно услышать среди заснеженных кустов тиканье синицы, опереньем своим напоминающее зеленый вешний листочек, оставшийся на дереве, тревожное куропадье «цивирк, цивирк». Заслушаться морзянкой дятла или полубоваться сказочным опереньем снегиря.

А как красив в своем стремительном броске за добычей ястреб! К своему стыду я не знаю, как он называется. Есть ястреба-тетеревятники, перепелятники. А этот с грудью, напоминающей матросскую тельняшку, с когтями формы и остроты турецкой сабли.

Он ежедневно восседает на вершине сухой ветлы и зорко осматривает пойму реки и небо. Голубые стаи, пролетающие мимо, редуют после его стремительных перелетов. А выводок куропаток, державшихся в пойме речушки и состоявший из двадцати особей к середине моего отпуска сократился до трех птиц. Мне было жаль куропаток, но всякий раз, когда рука тянулась к ружью при виде хищника, я вспоминал, что он, а не куропатки, занесен в Красную книгу. Ученым виднее.

А сегодня издали заметил я серый ком, напоминающий зайца, лежащий недалеко от скирды соломы. Подойдя с подветренной стороны, я узнал в этом сероватом коме сову.

Я замер. Вдруг сова стремительно сорвалась со своего места и вонзила когти в солому скирды. Увы, она промахнулась. Птица возвратилась на свое место. Для меня осталось загадкой: почему сова именно с расстояния в двадцать метров совершила свой бросок на мышшь? Ведь, будь она ближе...

Решив, что у всех своя тактика, я осторожно отошел, пожелав птице удачи. Солнце цвета расплавленного металла коснулось горизонта. Справа и слева от него – от небес

до земли стояли красные столбы. Казалось, вот только опустится за горизонт этот единственный теплый шарик, и мороз скует все живое.

Но живое жило. Галки и вороны шумной стаей тянулись к ночлегу. В дальних деревнях из печных труб поднимались струйки дыма. Я зашагал быстрее. До дома было далеко, а ночь стремительно надвигалась. И поэтому автобусная остановка в ближайшей деревне показалась сегодня просто чудом. Мало приятного шагать ночью, когда снег мастерски делает бугры и ямы удивительно одинаковыми.

ПРОНЬКИНА ДЕРЕВНЯ

Было когда-то у этой деревни гордое название Орловка. Но чем лучше становилась жизнь в деревне, тем меньше оставалось в ней народу. Хотелось людям жить лучше, и они разъезжались во все концы России. Кто где из Орловки живет сегодня – сказать трудно, но в одном уверен, что нигде они не помеха: крепкие мужские руки и открытые русские сердца везде ко двору придутся.

А в деревне осталось пять домов. И, хотя недалеко отстроилась центральная усадьба совхоза, где и вода, и туалет в избе, не оставили орловчане свою деревеньку. И стоят они – пять деревенских изб, летом утопая в зелени, а зимой по трубы печные в снегах. Живет здесь председатель совхозного месткома Пронька. Мужик исполнительный и требовательный. И, может, потому, что чаще всех Пронька бывает в центральной усадьбе, и должность у него ответственная, мало-помалу Орловку стали называть Пронькиной деревней. А самые молодые люди в совхозе и вовсе не помнят настоящего ее названия.

Во второй избе живет бабка Груня, маленькая старушонка, ровесница русско-японской войны 1905 года. Правда, она собирается уже лет двадцать «на зиму» уехать в город, но... Все двадцать лет каждая из семи ее снох никак не может понять, почему свекровь должна зимовать у нее, а не у какой-нибудь из шести остальных. Бабушка терпелива и горда тем, что вырастила таких хороших сыновей.

Третий дом занимает дед Леонтий с бабкой Марьей. Бабка с лицом, перепачканным сажей, большую часть суток готовит деду еду. А дед весь день передвигается по двору и огороду и, останавливаясь, подолгу чешет лысую макушку, вспоминая, куда же и зачем он шел и что хотел делать, а потом садится на перекур.

В четвертом доме живет одинокий мужик Костя. Он давно приехал сюда к Орловской девке Женьке из города и женился на ней. Мастер на все руки, он имел одну, но большую слабость – пил. Из всех его занятий пьянка была самым любимым. Этому он обучил и жену, которая умерла от запоя.

Пятый дом принадлежит Ольге, женщине такого богатырского роста и таких строгих правил, что из ближайшего района никто, никогда не осмелился не только посвататься к ней, но даже проводить с вечеринки до дома. Рядом с домом – строение, похожее на деревенский амбар, на котором висит полинявшая вывеска «магазин». Там Ольга и работает. Торговля идет в основном летом: заезжают горожане после рыбалки, грибов да ягод. А зимой – Ольга обслуживает только жителей Пронькиной деревни, да по совместительству работает на центральной усадьбе завклубом.

В стороне от шумных дорог обитатели Пронькиной деревни живут полнокровной активной жизнью. Пожалуй, такой активной, что если брать, как сейчас принято, на «душу населения» - нигде так активно не живут и не участвуют. Все жители Пронькиной деревушки являются членами ДОСААФ, Красного Креста и Полумесяца, охраны памятников культуры, автомотолюбителей и, наверное, каких-нибудь других, которым я не знаю названия.

Все жители платят взносы совершенно добровольно. Стоит Проньке сказать, что надо вступить в такое-то общество, как все и вступают. И говорят каждый свое. Бабка Груня: «Вступлю, милоч, лишь бы войны не было». Дед Левка, расписываясь за себя и за бабку: «Нет денег, и это не деньги». Костя, платя взносы, приговаривает: «Все равно пропью». Ольга, ойкнув: «Это еще што за опчиство?» - требует значок.

Сам Пронька состоит только в обществе автомотолубителей: к членам этого общества меньше придирается ГАИ, а у Проньки «Жигули». Так бы и жила она дружно, эта деревушка, но... Однажды Пронька, обходя дома с новым предложением вступить в общество трезвости, встретил сопротивление. Безропотно отдала два рубля бабка Груня, произнесла свое: «Лишь бы не было войны».

Дед Леонтий попросил Проньку подождать до пенсии, так как сейчас ни копейки в доме нет. Ольга потребовала от Проньки значок и устав. Но ни устава, ни значков у нового общества не было. Взносы Ольга, конечно, уплатила. А сопротивлялась так, для приличия. Чтоб пококетничать с Пронькой. А вот Костя отказался от вступления в общество наотрез: «Не могу я без нее жить. Как ты не поймешь?» - объяснил он Проньке.

Пронька и сам в душе был выпить не против, но вслух сказал: «Нет, я тебя не пойму». И, припугнув: «Ну, смотри, Костя!» - ушел.

С тех пор и кончилась тихая жизнь в Пронькиной деревне. При следующем завозе товаров Ольга водку не получила. Костя стал пить одеколон, называя его троюродным братом. Пронька попросил Ольгу больше одеколону не завозить. Костя стал пить дорогие духи, называя их ласково «левонихой» и по запаху стал напоминать то черемуховый куст, то цветущую сирень, то что-то французско-зарубежное, что при его приближении его же собственная собака пряталась в конуру. Ольга сама перестала пользоваться духами, чтобы не пахнуть с Костей одинаково. А при следующем завозе она не получила и духов.

Маленькие стекла в окнах бабки Груни от несметного количества мушиных следов свет почти не пропускали. А средство для чистки окон Пронька запретил завозить в магазин. После того, как была съедена зубная паста, Костя перешел на сапожный крем. Кремовые баночки так малы, что уже через неделю дед Леонтий ходил в совершенно рыжих сапогах, а Пронька в ободранных ботинках. Ольга крема не завозила. Пронька уже готовился праздновать победу. Наивная душа, он ждал, что Костя вступит в общество трезвости, но все произошло не так.

В обмен на самодельную курительную трубку дед Леонтий с большими ошибками из-за склероза выдал Косте рецепт самогонварения, который узнал еще в германском плену в 1914 году.

В магазинчике на следующий день исчез сахар. А вечером, прикрепив шерстяной ниткой очки на лбу, дед писал в районную газету: «Еще в нашем магазине долгое время нет одеколону, духов, зубной пасты, сапожного крема и сахара. Наш председатель месткома запрещает завозить эти товары в лавку. Просим к нему самые строгие меры. К сему жители деревни Орловки». Дед надел валенки, подумал. Забыв надеть шубу, бережно уложил письмо в шапку, пошел собирать подписи односельчан.

В январе, возвращаясь с охоты, зашел я в Орловку, чтобы купить себе что-нибудь на ужин. Метель гуляла по деревне. Мороз крепчал к вечеру. В магазине стоял в фуфайке нараспашку Костя и улыбался. «Слышал?, - сообщил он мне, пожимая руку, - Проньку сняли. По просьбе населения. Теперича деревня снова Орловкой станет».

РИМ, «ПОГИБШИЙ» ОТ ГУСЫНИ

Охота не получилась. Подраненная Римом лиса ушла в заснеженный кустарник поймы. Бойкий гончий пес по кличке Ветерок метнулся по кровавому следу, однако минут через пять вернулся обратно. Виновато повилив хвостом, он пробежал мимо нас и скачками понесся к пегой красавице Волне. Та бросилась навстречу ему, и они, не злобно рыча и покусывая друг друга, закружили по полю.

Рассерженный Рим сплюнул в снег и, вскинув ружье на плечо, сказал: «Не получилась охота». Перехватив мой недоумевающий взгляд, пояснил: «Любовь!».

Собаки нас уже не замечали. Для них не существовало ни зверья, ни хозяина. Они видели, чувствовали и понимали только друг друга. Январское солнце, повернувшее «на лето», еще не грело. Но зима, повернувшая «на мороз», работала на совесть.

Все, что было выше снега, покрылось плотным инеем. Черные брови Рима стали совсем как у Деда Мороза. Настроившись на охоту, так внезапно окончившуюся, мы молча шли в сторону шоссе.

Шли так, на всякий случай: подвернется автобус- уедем. Нет – дойдем пешком. Не растраченные на охоту силы да бодрствующий мороз подняли настроение. Заговорил Рим, оправдывая своего любимца: «Он бы след не бросил, если бы не Волна. У него еще такого не было. А любовь – она хоть кого с ума сведет».

И с грустной усмешкой продолжил:

- Неизвестно, чего от любви на земле больше – бед или радости.
- Сам-то ты чего от нее больше получил, - спросил я, - беды или радости ?

Проведя ладонью по лицу, Рим сдвинул иней с бровей и, снова усмехнувшись, сказал:

- Пожалуй, больше беды.

Я думал, что Рим – убежденный холостяк. Но оказалось, что он был когда-то женат.

- Ты думаешь, - сказал он, - я никогда не женился? Женился, брат. Это уж потом все пошло как попало. Женился я в двадцать семь. А Веруньке моей было восемнадцать.

До того, как пожениться, жила она у мачехи, которая была старше Веры лет на пятнадцать. Через какое-то время отец погиб у нее в аварии, но мачеха с Верой, привыкшие друг к другу, так и остались вдвоем.

Мачеха жила в деревне, в той же, что и сестра отца, Верина тетка, которая внезапно сильно заболела. Вера, конечно, быстро собралась, и мне говорит: «Поехали, тетя Надя у меня одна осталась; может еще живую застанем...».

Ну, вот, приехали мы в их Плетневку. Остановились у мачехи: все-таки родной Верин дом. Вера к тетке ушла, с ночевкой. Апрель тогда стоял. Воздух такой – будоражащий. Ручьи шумят. А я устал. После ночной смены даже весна меня не могла взбодрить. Завалился я на раскладушку, да и уснул, считай, за двое суток сразу. Ночью чую – дергает кто-то одеяло. Подергает – перестанет. И так – несколько раз. Я уже проснулся, только глаза не открываю. Кто же думаю? Веры нет. Значит теща!

Что же в этом удивительного? Ей – всего 33, а она одна-одинешенька. Ну, я и ринулся к ее кровати.

А она как вскочит – как солдат по тревоге. Только двери захлопали – и нет ее.

Так и сел я на свою раскладушку – обдумываю свое положение. Вот, думаю, и пойми этих баб – сама тянула за одеяло, а теперь всю деревню на ноги поднимет. Уходить, думаю, надо.

Только просунул ноги в штанину, вдруг кто-то меня больно за ногу ухватил. Я так и подпрыгнул. Глянул под тещину кровать – а там гусыня в корзине сидит. Птенцов, стало быть будущих обогрывает. Так вот кто ночью дергал за мое одеяло.

Теща, конечно, Вере все рассказала. Ну, не все, конечно, а почти все: про коварство гусыни она ничего не знала. И дала мне Вера отставку.

Не поверишь – стыдно мне до сего дня. Вот что натворила чертова гусыня».

...На дороге нас подобрал проходящий автобус. Рим до самого города не проронил больше ни слова.

НОЧНАЯ ОХОТА

Когда святое засыпает,
То все нечистое встает...
А.С.Пушкин

Ты никогда не охотился на зайца ночью? Какой же ты охотник! Идем сегодня же. Пока ночи лунные. Пока ночи крепкие. Пока ты в отпуске.

...Мы устроились в остожье. Сено было с запахом плесени. Подсохшие колючки татарника жадно впивались в ладони, стоило снять рукавицу. От пыли першило в горле, стоило пошевелиться в нашем укрытии.

Стога из люцерны и клевера с душистым ароматом стояли рядом, но там должны были кормиться зайцы, а мы, на правах охотников, должны были лежать в этом порченном сене.

Луна, задумчивая и загадочная, стояла на самой вершине холма, и казалось, подтолкни ее сзади хоть легкий ветерок – покатится она вниз как большой снежный ком.

А зайцы на обед все не шли. Зато со стороны деревни послышался скрип саней и темное пятно, появившееся на дороге, быстро увеличиваясь, вскоре превратилось в сани, запряженные бойкой лошадей. «Управляющий», - шепнул мой охотник.

Санки подкатили к стогу клевера и остановились. Мужчина не спеша сошел с них, обошел вокруг стога. Попытался взять охапку сена, но оно слежалось так плотно, что без вил или специального крючка нельзя было оторвать его от общей массы.

Управляющий негромко выругался, присел на спинку санок и закурил. Вдруг лошадь его подняла настороженно голову, зафырчала и стала смотреть в сторону деревни. Вскоре послышался скрип саней, и к стогу подкатила еще одна повозка. «Фуражир», - шепнул мой охотник.

- Абдрахманьч, ты, что ли? – обратился он к управляющему. – А я гляжу – лошадь, санки. Думаю, кто-то сено ворует. Голову, думаю, отверну жулику. Помолчали.

- Да вот, - начал управляющий, - хотел сенца немного: да ни вил, ни крючка с собой нет.

- И я, как на грех, ничего с собой не прихватил. Ты знаешь, Абдрахманьч, подожди здесь, я за вилами и крючком мигом слетаю.

Мороз пощипывал ноздри. Мышь где-то рядом со щекой грызла былинку. Фуражир вернулся очень скоро. И сразу принялся дергать сено. Управляющий стоял рядом, но участия в погрузке не принимал. Стоял, покуривал и, когда на санях было уже добрых полвоза, произнес: «Ладно, Никита, хватит».

- Ты знаешь что, Никита! – заговорил управляющий. – Отвези-ка завтра сенца директору. А то у него тоже сено к концу подходит. А он ведь сам никогда не попросит, пока ему не предложишь. Сам отвези. Никому не поручай, а то пойдут болтать. Да скажи, что я прислал.

Жеребец рванул с места рысью, и сани с управляющим помчались в сторону деревни. Фуражир вытер вспотевший лоб рукавицей и присел на сено.

«Совсем облошадел», - произнес он вслух, когда сани с управляющим подкатывали к деревне. – Летом косу в руках не держал, а скотины развел как на совхозной ферме. Но и мы не лыком шиты. Фуражир принялся нагружать сено в сани. Грузил он не торопясь, выбрасывая смерзшиеся клочья сена. Грузил, приговаривая: «И мы не дураки!».

В свои сани он погрузил сена поменьше. А погрузку закончил пословицей: «Сено не боится, кто его много грузит, оно боится того, кто за ним часто ездит. А я тут каждый вечер бываю!».

После этого он взял ком снега и подсунул его под верхний пласт сена в стогу. Два других кома, поменьше, он положил по краям стога поверх сена.

- Это он метки ставит, - сообщил мой напарник, - Чтоб заметно было, брал ли кто-нибудь сено после него...

Наконец и сани с фуражиром умчались в сторону деревни.

- Всю охоту испортили, - ругнулся мой охотник.

- Давай, ты наблюдай в сторону речки, а я буду смотреть в сторону дубняка!

Луна давно уже оторвалась от холма и стояла почти в зените. Стога подтянули к себе свои тени, а зайцы все не шли.

Мыши попискивали где-то рядом в сене, и что-то похожее на дрему тяжелило веки.

- Смотри!, - тронул меня за плечо охотник. Далеко-далеко показалось темное пятно. Оно медленно приближалось к нам, это слышалось по усиливающемуся скрипу.

«Тетка Клавка за сеном идет», - шепнул мой друг.

Шла она полем. Снег, перетертый бесконечными ветрами, не проваливался, и маленькие санки скользили по твердому насту, порой ударяясь о ее валенки.

«Да черт бы его побрал, и такое молоко!» - ворчала женщина. – Всю жизнь воруй! Всю жизнь бойся! Она поставила на снег мешок и стала класть в него сено. Комья снега, заложенные фуражиром под сено, она выбросила. И, привязав веревочкой пузатый мешок к санкам, пошла обратно к деревне, ворча и поругиваясь.

- Вот бестолковая баба! Ну, баба, она и есть баба! И снежки фуражировы по выбрасывала! Попадется, вот посмотришь, завтра же попадется, - сделал вывод мой охотник, - и скотины-то у нее – одна коза. А шуму будет на весь сельсовет.

Луна стала клониться к западу. Мороз крепчал. Мы вышли из своего укрытия и отправились домой. А зайцы на обед все не шли.

ЗАТЕРЯЛАСЬ

Опять я в деревне
хожу на охоту...

Н.А.Некрасов

Какой же гениальный человек открыл добычу огня? Как любили его, должно быть, в то далекое время озябшие соплеменники! Нет, вы подумайте, какое чудо – огонь. Среди заснеженного поля он кажется даже чем-то сказочным.

Знаю, что там, за холмом, их, огней, будет еще несколько: там утонула в снегу деревушка. А пока виден только один-единственный. К нему я и подошел.

Едва успел снять лыжи, как сенная дверь отворилась. Вспыхнула лампочка, и какая-то старушка проговорила:

- Заходи скорей, холод...

Меня приветливо встречали во многих деревнях, но тут от неожиданности я несколько растерялся. Чуть помедлил, потом только вошел в избу.

- Фу ты, господи, никак чужой? Я думала, кто из моих... Глаза-то ничего не видят.

Старушка, кажется, заметила мою неловкость, предложила раздеться.

- Жду сыновей. Или внуков. А они не идут. Дела у всех, дела... В городе живут, не едут в деревню. А я вот тут одна. Пока сам был жив, ничего. А сейчас скука задавила: углов много, и во всех – скука.

Раздеваясь, я осмотрел комнату, которую в деревне называют задней. Половину ее занимала русская печь. Запечек, где в зимнее время обычно держат новорожденного

Утро выдалось метельное. Бабушка помогала мне одеваться. Советовала обмотать лицо шарфом, предложила, хотя и не новые, но крепкие еще варежки. И, когда я уже надевал лыжи, робко попросила:

- Ты, может, к моему младшенькому зайдешь ? Он там у вас в девятиэтажном доме живет, на самом верху. Гринькой звать. Скажи ему: «Что же ты, сукин сын, второй год к матери глаз не кажешь ?».

Я исполняю просьбу старушки. Что ж ты, сукин сын, а ?

БАБКА НАДЯ ИЗ РАЯ

- Господи, да какой же ты мужик – миску щей выхлебать не можешь ! Оттого и худущий такой. Спину через живот, наверное чешешь. Ей богу, правда !

Миска была литров на пять. И при всем моем желании столько щей я выхлебать не мог.

- А вот мой папаня, бывало с этими щами буханку хлеба съест, да еще добавки попросит. Зато и силища была ! Бывало в холщовую наволочку с перины картошки насыплет – пудов двенадцать, на спину взвалит и понесет.

Кто как ест, тот так и работает. А в ком сила – в том и душа добрая. Ты злой, поди ?

Старушка собрала со стола посуду, долго гремела ею на кухне, вернувшись, вытерпела тряпкой стол.

- Значит, и злой бываешь ? А может, так и надо. Мой папаня покойный, царство ему небесное, - старушка торопливо перекрестила лоб, - добрый был. Он и на скотину-то не ругался, бывало. А людям все помочь старался. Только что с его доброты проку ? Жил впроголодь, да так и умер.

Меня любил. Я меньшая в семье была. Бывало, какую конфетку али пряник купить – все мне.

В 1914 году на войну забрали папаню, а вернулся он оттуда на деревянной ноге. Работа по хозяйству вся на меня свалилась. Но мы с мамой справлялись.

А потом и отец стал к деревянной ноге привыкать. Стал помогать мужицкую работу делать. Вроде и обжились малость. Скотинешкой обзавелись, лошадь купили. Сивушку – хорошая была лошадь.

Бывало, начну на нее верхом садиться, а ведь девчонка все же, хваткости-то да верткости как у пацанов нет. Вцеплюсь ручонками в гриву, и по ноге Сивушкиной, как по дереву, вверх карабкаюсь.

И ведь до чего умная скотина: пока верхом не сяду – с места шагу не ступит.

А тут и Советскую власть сделали. Жить стало полегче. Да случился у нас пожар – избушка наша сгорела. Одежонка и все нами нажитое погорело.

Вот и начали мы жить сначала. Я-то уж девка на выданье была. На лицо-то я не очень была чтоб красавица – а тут еще бедность. Женихи-то деревенские все норовили какую побогаче сосватать.

Отцу меня жалко было. И как стали выписывать новые документы, записал он меня на десять лет моложе. Любил меня папаня, потому и записал так. Потому и пенсию стала я получать на десять лет позднее.

Замуж я все же вышла. Хороший муж у меня был. Стройный да красивый. Мне с ним даже как-то не по себе рядом ходить было, думалось, за что такое счастье ? Сказала как-то ему об этом, а он обиделся. «Ты, Надя, брось глупости говорить. Что в ней, в красивой-то скорлупе, если душа к нее сволочная ? Жизнь надо красивую прожить, вот что главное !».

Счастливо я жила, да недолго. Знаешь, милок, как радуга над лугом покрасовалась – и нет ее. Погиб мой милый на Хасане-озере. Письмо командир прислал. Геройски погиб, говорит. И осталась у меня от него дочка да это письмецо. Если бы не это, то так бы и думала я, что все это приснилось.

Дочка моя в городе живет. Отпустила я ее. Там все же жизнь полегче, говорят. Мне самой-то в деревне больше нравится. Там у вас все бегом да бегом. И больно народу много. У меня там от людей голова кругом идет.

А Катьке, дочке моей, нравится. Замуж вышла по объявлению. Правда, по газетному, а вышла. Жених, вишь, условие в газете поставил, чтоб невеста его родной язык выучила. А Катька моя в ту пору в техникуме училась. И сказала ему, что сейчас она язык выучить не сможет – времени нет.

«Пока, - говорит, - хранцузский учить надо», по нему оценку в диплом поставят. А твой, - говорит, - всю остальную жизнь учить буду». На том и порешили. И живут не хуже людей. И по нашему чисто научился разговаривать.

Вот так сижу ночью и думаю – жизнь к концу подошла. Все повидала я на своем веку. Жизни, лучше нынешней, не было. Райская жизнь, ей богу.

РЫБАЦКАЯ УДАЧА

Ветер вместо обещанных пяти метров в секунду несся с такой скоростью, что рукавица, упавшая с моей руки, запрыгала стремительными скачками. Снег повалил еще сильнее, и я хорошо видел, пожалуй, только концы своих лыж. Идти дальше было, явно, бессмысленно. Охота не получилась.

Спустился к Сухайле. Скрываясь от порывов ветра за крутыми ее берегами и кустарником, шел я в сторону дома. В голове почему-то вертелась пословица о «хорошем» хозяине, который в такую погоду собаку на улицу не выгонит...

Глухой собачий лай, донесшийся до слуха, показался мне неестественным. Это был голос небольшой собачки, предупреждающей хозяина о приходе чужого человека.

Повернувшись лицом навстречу ветру, я увидел человека, провалившегося в снег по пояс. Человек не двигался с места, видимо, решая, шагать ли ему вперед или вернуться назад, своим снегом на берег. Лицо его было укутано шарфом, а глаза он прикрывал от ветра рукавицей. И я подошел к нему почти вплотную не замеченным.

- Молчи хоть ты, - ругал он кого-то, - без тебя тошно. А то ведь я тебя быстро на снег вытряхну.

- Здравствуйте, - крикнул я громко.

Человек убрал от глаз рукавицу и что-то пробурчал в шарф, прикрывающий его рот.

- Возвращайтесь на берег, - сказал я ему, - здесь вам не пройти.

Роста человек был богатырского. Голос, почти женский, никак не вязался с его громадной фигурой. Рюкзаков на человеке было два. Один висел на груди, другой за спиной.

- Что вы тут делаете? – спросил я.

- А вы что? – ответил он вопросом на вопрос.

- Я - охотник.

- А я рыбак, - отрекомендовался незнакомец.

Мой рюкзак был пуст. Лыжи скользили сносно, ветер дул почти в спину. И я предложил рыбаку перевесить один рюкзак на меня.

Спорить он не стал. Но когда снял с плеча рюкзак, что-то в нем заскулило, и послышался лай.

- Вы что, собаку выудили? - улыбнулся я.

- Нет, принес из дома. Кто ее там накормит? Отдать кому-нибудь жалко- привык. А рыбалку тоже бросить не могу.

- Что, выудили что-нибудь?

- Да вот, два голавлика.

- Крупные?

- Один с ложку, а другой в горлышко бутылки запросто войдет.

Внутренне подивившись способу измерения величины рыбы, я направился в сторону деревни. Рыбак вслед за мной, иногда спрашивая: «Не заблудимся?».

Мы не заблудились. Мать, кормя нас щами и кашей, все удивлялась:

- Господи, да какая зимой рыбалка? Думала, один мой по полям-то бродит. А тут еще собак в мешках носят...А рыбы-то, поди, не ловите?

- Э, бабушка, - ответил рыбак, - рыбацкая удача – дело шаткое – Он вынул из миски кусок мяса, положил его на газету к порогу для собачки. – То погода шалит, то разные житейские неурядицы. Взять, к примеру, меня – по-настоящему я не рыбачил вот уже два года. А все почему? Да тут тысяча причин.

Сижу я раз на берегу, насадки на крючке меняю. Уже все крупы перепробовал, а ни одной поклевки не было. Ну, думаю, голубушка, посмотрим, как ты запоешь, когда я сыр начну на крючок насаживать.

Разворачиваю бумагу, в которой сыр у меня лежал, а там - масло сливочное.

Перепутал, значит, свертки. Вылезаю на берег – и чуть обратно в воду не скатываюсь: возле моего «жигуленка» бык здоровенный стоит и землю ногой роет. Видно, красный цвет машины ему не нравится. Понюхал дверцу – да как саданет рогами. Машина закачалась, как лодка на волнах. А он все сильнее и сильнее рогами по ней громыхает. А у меня ни палки, ни камня под рукой. У машины уж и дверцы нараспашку, и багажник открылся.

Хорошо, там у меня крупа для прикорма лежала. Почуял ее бык и, видно, сердцем подобрел – стоит, жует. Тут я запустил в него блесной от спиннинга – блесну-то я бросать мастак. Зацепил быка за загривок и начинаю к себе блесну подтягивать.

Бык, пока меня не замечал, сопротивлялся, не шел. А потом как понесется, словно лучшего друга встретил. Я едва успел в речку нырнуть. Он – за мной. Хорошо еще, что быки нырять не умеют. Я под водой к своему берегу вернулся, а бык выплыл на другой стороне вместе со спиннингом и понесся за рыбаком, который там рыбачил. Загнал его на ветлу, а сам покружил-покружил и улегся под этим же деревом.

Гляжу я на того рыбака и смеюсь еще громче, чем он надо мной смеялся. Подходит ко мне мужик из местных и говорит:

- Здорово, счастливчик!

- Издеваешься, - спрашиваю.

- Нет, - отвечает. – У твоего «жигуленка» только дверцы помяты, а вчера эта скотина «запорожец» вовсе в речку столкнула. Хозяин за автокраном в город поехал, а я вот сижу и караулю, чтобы запчасти не сняли.

- А ты что, рыбачить с ним приехал?

- Нет, я пастух.

- Бык из твоего стада?

- Да.

- Так ты бы лучше быка караулил.

- Э, - говорит, - его все равно осенью закалывать будут: больной. Другой бык, здоровый, его из стада гонит, так он за рыболовов взялся.

- Вот какая она, рыбацкая удача. Кругом одни подвохи, - закончил рассказ великан.

...Пурга бушевала двое суток.

НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА

Солнце еще высоко, и снежные вихри с вершины обрывистого холма, взвившись вверх, никак не могут дотянуться до него своими холодными пальцами и падают вниз с обрыва, рассыпаясь на мелкие снежные песчинки.

Я налюбовался уже вдоволь этой снежной вольницей, и мысли мои были заняты планами на вечер и на завтра, как вдруг что-то резко хрустнуло под ногами. Я покачнулся, и правая лыжа, выскользнув, стремительно понеслась под гору.

Нагнувшись, я поднял торчащий из снега обломок пружины от крепления. Пружины в запасе, конечно, не было. После ходьбы на лыжах пешком идти тяжело. Подошвы скользят то и дело.

Идти по распаханному полю, покрытому сыпучим снегом, - дело нелегкое. И я обрадовался узенькой дороге, проделанной санями. Занесенная во многих местах мягким снегом, она тянулась от дальней деревушки к бойкой шоссейной дороге. Наверное, это была единственная в сельсовете, а может, и в районе конная дорога.

Как скоротечно время! Как быстро меняется жизнь. Давно ли санные дороги были главными и единственными в зимнее время? А весной, когда влажные снега начинали оседать на обочинах, санные дороги горбатились над полем, и прилетевшие грачи, шагали по ним, долбя круглые шары конского помета. И думалось, что птицы эти пришли с юга пешком.

Стой! Стой, нечистая! – раздался испуганный голос за спиной. Я отпрянул в сторону – и клочок пены с лошадиных губ через удила упал мне на лицо. Концы оглобель поднялись вверх, хомут съехал на голову лошади.

- Тпру! Тпру! – Сани остановились. – Тебе что, жить надоело?

- Нет.

- Али ты глухой? Садись айда, по-тихоньку доедем. Чего двум душам мучиться? Пусть уж одна терпит. Мы, люди, дольше живем. Каждый человек – три лошадиных века. Сколько ей, душе-то, достается, ой, ой!

Женщине было за шестьдесят. Голова ее укутана шалью.

- Ты чего ж так легко? – спросила она. – В такой одежонке летом – и то не жарко, а сейчас зима. Ты чей будешь?

Я назвался.

- Я так и думала. У тебя ведь и отец охотник был. Как говорят: овес от овса, а пес ото пса. Кто чем на земле занимается: кто книжки читать любит, кто песни петь, кто плясать, кто охоту. Все хорошо. А есть некоторые – только водку пьют. Вроде и живой еще человек, а уж свету божьему не рад... Все радости у него в бутылке уместились.

Отчего люди пьют так много? Может от того, что о куске хлеба не надо думать стало? Вдоволь хлебушка. Голодный человек – он о хлебе думал, не о водке. Господи, в войну-то как было!...

Женщина подала мне кнут.

- На, тебе с руки погонять-то. В войну, - продолжает она, - прихожу с поля, а большенький-то мой, шестой годок ему шел, говорит: «Мама, какой-то дядя приходил с большими глазами и с большим ртом, всю похлебку у нас выхлебал». Это он меня обманывает, Саня-то. Боится, что ругать его буду за похлебку, которую он съел. Разумом ребенок понимал, что маме надо оставить супа, а голод, он, вишь, сильней разума.

Все ждала конца войны. Думаю, придет Иван, и все наладится. В деревню – похоронка за похоронкой, а мой дом – обошли. Я ведь все ночи молилась, чтоб не убили его. И выпросила я бога, чтоб не погиб, да не выпросила, чтоб домой вернулся.

Женился мой Ваня в Харькове. Осталась одна с троими.

Ребятам сказала, что погиб отец. А сама с год все ночи напролет проплакала. Потом сама себе сказала: раз нет его, значит, погиб! Для меня и детей моих погиб.

И выжили, выросли мои малыши. Никто о них слова плохого не сказал. Все работают, все женаты, у всех дети.

А весной этой мой Ваня приехал. «Прости, - говорит, - если можешь». А что он мне теперь? Как выпавший зуб. Ничего от него в памяти не осталось, кроме боли. Да ты погоняй малость, а то лошадь на ходу заснет! Заговорила я тебя.

Лошадь, увидев кнут, перешла на галоп. Сани встряхивались на переносах, и снег из-под ног копыт бойко полетел в лицо.

- За внучатами еду к автобусу. Городские они, а деревню любят. Свобода тут у нас. А в городе что? Шум да гам! А у них сейчас каникулы, пусть хоть от телевизора отдохнут.

ЧУДАК - ЧЕЛОВЕК

Деревушка, к которой я приближался, начинала зажигать огни. И по тому, как далеко друг от друга они находились, было понятно: людей в ней живет мало.

Печально выглядела она, некогда бойкая и живая. Большинство изб стояло с забитыми наглухо ставнями. Казалось, веселый, жизнерадостный народ собрался поиграть в жмурки и завязал глаза избам на время игры, но разбежался так далеко, что никого уже не дозваться.

Куда в какую из изб со светящимися окнами постучаться, я знал. Старый мой товарищ по охоте давно мне советовал: «Ты, когда ночь застанет в степи, заходи в Ключевку – народ там гостеприимный. Но лучше всего заходи к Соловью: он живет один. Места в избе много. И сам он весь полон смеха. Зайди - не пожалеешь.

На стук в дверь отозвались вопросом: «Кого там черти принесли?».

- Меня, - ответил я в тон хозяину.

Дверь отворилась, и я, гремя обледеневшим халатом, шагнул в темноту сеней.

В избе был не то чтобы беспорядок, но просто все, чему положено было лежать не там – так и лежало.

- А зайцы где? – бесцеремонно спросил хозяин.

- Вот об этом я и зашел вас спросить, - ответил я.

- Ну, тогда раздевайся. Ты ружье-то разрядил? – спросил меня хозяин.

- А я его и не заряжал.

- Почему?

- А чтобы нести было легче.

Хозяин хохотнул, оценив мой ответ очень высоко.

- Ну, ты артист!

Был он невысок, крепок и лыс. Лицо его всегда улыбалось. Стоило ему открыть рот, чтобы произнести любую фразу, как все морщины его лица складывались в подобие улыбки.

- Садись чай пить, - произнес он голосом отца, усаживающего ребенка за обед.

Хозяин сел напротив, но чая не пил. Он, по его словам, был сыт по горло этими чаями. Обедал в совхозной столовой, а утром и вечером дома пил чай.

- Хозяйка в городе, а я здесь один. Она у меня городская, а я – деревенский, - рассказывал хозяин, - Нормальная баба. Но деревню не любит. Я ее двадцать пять лет уговаривал уехать из города, а когда дети выросли, уехал один. Думал, она за мной потянется, а она за целый год одну телеграмму прислала: «Скотина, вышли денег». Всю ночь я думал над ответом, а утром пошел на почту и дал ответ: «Му-у, му-у, му-у».

Город, он- убежище для ленивых. Я это понял.

Попал я в город случайно, а вот выбрался из него только через двадцать пять лет. Интересно все получилось. Хозяин провел ладонью по голове, словно хотел придать блеск сверкающей лысине. Открыл рот, чтобы положить в него мундштук, и морщинки на лице мигом изобразили улыбку.

- Гипертоник я. И давным-давно направила меня деревенская фельдшерица в городскую больницу. А там за неимением мест поселили меня в инфекционный корпус. Поначалу все было хорошо. Отоспался, отдохнул. По сравнению с деревенской жизнью в больнице – рай. Работы никакой. Сыт, в тепле и чист всегда. Обед нам аж в палату носили.

Но не могу я долго без дела жить. Да и сосед по палате такой зануда попался, что не рад. Домой в деревню потянуло. А врач не выписывает. «Успеешь, говорит. – Никуда твоя деревня не денется. А мне от этих слов еще сильнее домой охота стало.

- Все опротивело. Белые стены, белые халаты, запах лекарств и сосед-зануда. Он и болеть не болел, но надо ему было в году два месяца полежать в больнице, чтобы получать пенсию. Инвалидом числился. Жадный был до ужаса. Ключи от всех кладовок держал при себе и жене никогда не давал: боялся, что та что-нибудь отдаст сыновьям из его хозяйства.

- Эх, - думаю, - дай я ему сделаю потешную сцену. Пришла ко мне мать с передачей и принесла вареную курицу. Положил я ее в тумбочку. А когда принесли обед, накрошил в тарелку с супом до краев мяса.

С соседом мы сидим спина к спине. Каждый на своей тумбочке и обедает. Ну вот, - говорю я вслух, - ведь все врачи говорят, что при повышенном давлении мясо вредно, а сами наложили полную тарелку. Заглянул мой сосед через плечо в мою тарелку да и взвыл: «Я им устрою!». И рванул по больничному коридору. Не успел я первое съесть, а уж в палату вваливается целая орава: впереди мой сосед, за ним, вся в слезах, старший повар. И еще несколько человек, не знаю каких званий. Меня вежливо спрашивают: «Что у вас здесь произошло, больной!».

- Ничего, - говорю, - мать мне курицу принесла. А чего он раскричался, я не знаю.

А сосед мой кричит: «Ты скажи им, что мне сказал!».

- Я, - говорю, - с тобой сегодня не разговаривал.

Выписали нас обоих из больницы за тридцать минут. За нарушение режима. Вышли мы из больницы, а я соседу и говорю: «Ведь могут лечить быстро, а не хотят».

Зарычал на меня мой сосед, да и ушел, «до свидания» даже не сказал.

Тут бы и сказке конец. Да познакомился я там с одной медсестрой. Да так познакомился, что аж женился. Ну, и стал горожанином.

Заметив, что чаем я уже сыт, хозяин прервал свой рассказ: «Ложись, отдыхай на кровати, а я по стариковски на печи посплю».

- Ну, вот, - продолжал он, укладываясь на печи. – Стал я работать стропальщиком на стройке. Работа не тяжелая, и заработок неплохой. Но был у нас прораб, черт не знает, что за человек. Задерет, бывало, морду и шагает так важно, и с таким достоинством, вроде он выиграл все сражения, которые были на земле и имеет за все победы награды: ордена, медали и кресты, которые у него висят где-то под рубашкой. Смотрю я на него, и смех меня разбирает.

- Можно, - говорю, - вас на минуту?

- Что вы хотели?, - спрашивает высокомерно.

- Спросить, - говорю, - хотел .

- Что спросить?

- Можете ли вы вот так сделать, - и пальцами подергал у себя нижнюю губу. Ну, как дети это делают. Получается что-то вроде: баб-баб-баб.

Он растерялся так, что до самой машины не смог принять своей рыцарской позы. Ну, а мое «баб-баб» он не забыл. Чуть что – на меня уж приказ готов. Чуть что – я уж в его кабинете, «на ковре».

И вот, не помню за что, вызывает он меня на профком. Записку прислал. Прочитал я эту бумажонку вслух и говорю: «Опять ковер».

А крановщица Клара рядом стояла. А ей ковер позарез нужен. Она спала и во сне ковер видела. «А ты что, - говорит, - ковер брать не хочешь?».

- Нет,- говорю, - вешать мне его некуда.

- Тогда мне бумажку дай.

И понеслась деньги с книжки снимать. А потом с деньгами, да с моей запиской на цехком заявила. «Я, - говорит, - вместо Соловьева. Он от ковра отказался: ему вешать некуда».

А на следующий день эта стокилограммовая Клара за мной до обеда носилась с лопатой по стройке.

Утомленный долгой ходьбой, я проспал, видимо, самую смешную историю. Я не слышал из нее ни единого слова. Но в конце ее рассказчик так заразительно и громко хохотал, что я проснулся. Взглянув на часы, увидел, что долгая зимняя ночь подошла к концу.

МЫ С ОТЦОМ ХОДИТЬ УЧИЛИСЬ

Мы с отцом ходить учились.
Я - впервой на ноги встав,
Он - полгода пролечившись
В полевых госпиталях.
Мы учились очень много,
Мне казалось - без конца.
Но простреленные ноги
Плохо слушались отца.
А мои за все цеплялись,
Меж собой узлы плели,
И слезинки оставались
С моего лица в пыли.
Сколько падали мы за день -
Вам и за год не упасть!
И на нас сквозь слезы глядя,
Успокаивала мать:
«Ты потише плачь немножко,
Не пугай честной народ.
Ты же маленький, Алешка -
Все до свадьбы заживет!»
Каково же было бате
Успевать в учебе той?
Кровь из ран текла до свадьбы
До его, до золотой.

ОГОНЕК

Мчалась огненная лава
Все на запал, словно смерч,
А у нашей бедной мамы
Спичек нет, кизяк разжечь.

Утром шла она к соседям
Ну и, если Бог сберег
То она брала последний
Не протухший уголек.

А когда дымок несмелый,
Разлохмаченной дугой
В мерзлом небе, в снеге белом
Поднимался над трубой

Приходили к нам соседи
Огонечек попросить, -
И сумели до Победы
Мы его не погасить

РЯБЧИК

И голодный, и прозябший,
В шкуре, серенькой от блох,
Охранял дворняга Рябчик
Наш сарай и наш порог.

Но однажды ночью волки
Шли, охотясь на собак, -
Волчья стая или полк их,
Но не менее никак.

И хотя в жестокой схватке
Пес от страшной боли выл,
В дверь, подпертую ухватом,
Он врагов не пропустил.

Рябчик в клочья был разорван,
Но кровавая река
В эту ночь текла из горла
И по следу жожака.

В поединке этом жутком
В дни войны, в жестокий час,
Пес корову спас Анютку,
А она кормила нас.

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Кто в пилотке, кто в кармане
Нес зерно в родную клеть.
Нет, конечно же, не крали –
Брали, чтоб не умереть.

И тогда, беду почуяв,
До конца, борясь за жизнь,
Людам мельницу ручную
Смастерил кузнец Борис.

Без особенных усилий
Даже те, кто хил и слаб,
Эту мельницу носили
По деревне на руках.

Очень редко без работы
Тосковали жернова.
Так и выжила Свободка
До сих пор еще жива.

ПОБЕДА

По бурьянам темным, старым,
Через поле напрямиком
К полевому мчится стану
Конь с мальчишкой-седоком.
Рубашонка пузырится,
Ноги босые вразлет.
Он летел почти как птица,
Он летел крича взахлеб.
И неслоь по полю следом,
До небес и впереди
Непрерывное «По-бе-да!»
Из мальчишеской груди.
Кто в платок, а кто в ладони -
Стан смеялся и рыдал.
И впервые старый конюх
За коня не обругал.

ЗАЩИТНИКИ

Врач сказал: «Отвоевался.
Повезло тебе, браток.
Нет ноги, но жив остался.
Видно, Бог тебя сберег».
А когда пришла Победа,
И сладка, и так горька,
Внук протез примерил дедов,
Снятый бабкой с чердака.
На лощеную бумагу,
Где-то взятую, бог весть,
Лег с медалью «За отвагу»,
Деда умершего «Крест».
За икону на божницу
Убрала старушка их,
Чтобы каждый день молиться
На защитников своих.

ГАРМОНЬ

А гармонь была губная
Так, игрушка – не всерьез.
Гармонист ее в кармане
Из Германии привез.
Мы в нее усердно дули,
От волнения вспотев.
Только зря блестели слюни
На щеках и животе.
Ничего не получалось
Ни «Катюша», ни «Варяг».
И Серега, наш товарищ,
Объяснил нам это так:

«Зря стараемся, зря дуем,
Наша песня ни одна
Не понятна этой дуре:
Ведь фашистская она».

БЕЗОТЦОВЩИНА

Кто на Буге, кто на Псковщине,
Полегли отцы в боях.
Вот и стали безотцовщиной
Ребятишки в деревнях.
Мы голодные, чумазые,
Заявились в первый класс.
На листок журнала классного
Переписывали нас.
Ах вы беды наши, бедушки.
На вопрос: «Как звать отца?»
Толя бойко крикнул: «Дедушкой!»
И на место сел пацан.
Наша бедная Филипповна,
Все-то знавшая о нас,
За столом тихонько всхлипнула,
Опустив платок до глаз.

КОНЬ

Сколько пашен! Сколько топей!
Страшно вспомнить, Боже мой!
По полям домой протопав,
Возвратился конь домой.

Уши саблею смахнули,
А обрубки заросли.
И седло порвали пули
На коне местах в восьми.

Конюх радостно захлюпал,
К председателю – бегом.
Ну, а тот, мужик не глупый:
«Пусть решает военком».

Левитан стране поведал,
Что пришел конец войне.
И по случаю Победы
Конь остался в табуне.

БОЛЕЛЬЩИК

Мы в конюшню прибежали,
Любопытно сорванцам:
Там сегодня объезжали
Молодого жеребца.
Лучший конюх Леня Суслик,
На глазах у всех людей,
Демонстрировал искусство
Укрощенья лошадей.
Но свобода не сдавалась,
Ну, попробуй, удержи!
Вмиг оглобли поломались,
Оборвались гужи.
Конь взметнулся, словно птица,
Вольным голосом заржав,
И убого волочился
Укротитель на вожжах.
Было страшно, было дико,
Но с начала до конца
В этом жутком поединке
Я болел за жеребца.

ПАЦАНЫ

О, мальчики! О пацаны!
Нам тихо, мирно не сиделось.
Нам после страшной войны
Войны игрушечной хотелось.
Седлали мы своих коней –
Сырые в палец хворостины
И вряд ли кто хотел сильней
Идти на смерть за честь
Отчизны.
Играя в страшную игру
Мы бессердечными не стали
И если мамы позовут
Домой «убитых» отпускали.
Но знамениты мы и тем,
Что ни единственного раза
Никто быть «немцем» не хотел.
Никто. И даже по приказу.

РЯДОВЫЕ

А в деревушке нашей малой
При дедах наших и до них
Все рядовых рожали мамы
Все рядовых, все рядовых
Как я жалел, в войну играя,

Что те, кто славой велики
Не то, чтобы родня какая
Но даже и не земляки.
Но мой отец, солдат бывалый,
Сказал, немало удивив:
«Ну что, мой мальчик, генералы,
Когда они без рядовых».

КОЗЬЯ НОЖКА

Я дядю Андрея не видел с медалью,
И вешать-то некуда, хилая грудь,
Но помню кисет тот, на фронте подаренный,
Которым любил он у нас щегольнуть.

Достанет, бывало, его из кармана,
Расправит его на коленях рукой,
И держит, покуда мы все прочитаем
Ту просьбу-мольбу: «Закури, дорогой!»

И он исполнял эту девичью просьбу
И, как не понятно, с кисетом в руках,
Он «козью» такую сворачивал «ножку»,
Мне кажется нынче – на фунт табака.

И дымом табачным изба наполнялась,
О многом хотелось бойцу рассказать,
И той самокрутки до Вены хватало
И, кажется, чтобы вернуться назад.

ЯПОНСКАЯ ШАПКА

Шапку армии японской,
Весь сияя от наград,
Обменял на самогонку
С фронта прибывший солдат

На ногах онучи, лапти,
Полушубок древних лет,
Но в японской новой шапке
Щеголял в деревне дед.

На подкладке теплой лисьей,
С ветром спорила она.
Дед Японии дивился –
Что за чудная страна?

Мы ведь их не обокрали, -
Рассуждал с собою дед, -

Что им делать на Урале?
Разве дома дела нет?

Для чего им самураи?
Где сейчас они? Спроси.
Только шапка до Урала
И сумела добрести.

И внушал, подвыпив, бабке:
- Странно, бабка, но, увы,
Видно, есть на свете шапки,
Что умнее головы.

Я ВЫРОС НА СТЕПНЫХ ВЕТРАХ

Я вырос на степных ветрах,
Где волны ржи с холмов стекали.
От имени цветов и трав
Там ручейки звенят стихами.
И в том, что я пишу стихи,
Нет вовсе никакого чуда -
Виновны наши ручейки.
Я с детства воду пью оттуда.

ЦЫПКИ

Был я в детстве земноводным
И сейчас сказать могу:
Мне всегда жилось свободно-
В речке и на берегу.
Не святой и не безбожник,
Был одет почти никак,
И рвалась от солнца кожа
На руках и на ногах.
Как-то в книгах медицинских
Называлась эта жуть,
А у нас в деревне цыпки
Просто цыпками зовут.
Я их мазал солидолом,
И стоявший на меже
Был мне чем-то вроде «скорой»
Старый трактор ХТЗ.

Тракторист со мной был ласков
И во время посевной
Солидол делил по-братски
Между трактором и мной.

ВАНЬКА ВЕТРОВ

Конвойные явились мигом
И, проявив большую прыть,
Не только выловили «зэка»,
Успели Таньку соблазнить.
У них военных все конкретно:
Пришел. Увидел. Победил.
А по деревне Ванька Ветров
Голубоглазенький ходил.
И все расспрашивал у деда:
Кто был отцом: солдат иль «зэк».
Пока однажды не ответил
Старик, небойкий на язык:
«Запомни внук, в моей сторонке,
Где я всю жизнь скотину пас,
Кто б ни обгуливал буренку,
Был все равно теленок наш».

АРХИП

На Сухайле жесток разлив,
И льдины скоры.
Перевозил нас дед Архип
На лодке в школу.
Была посудина худа.
И к нам сквозь паклю
Бежала под ноги вода.
И не по капле.
Мы воду черпали со дна,
За борт плескали.
И Сухайлу день изо дня
Пересекали.
Учителям за мудрость их
Вовек спасибо.
За то, что я поныне жив —
Хвала Архипу.
Учителя — они на свет
Из тьмы тянули.
Но если бы не тот Архип —
Мы б утонули.

НАСТЯ

А Настя, она в мужиках не копалась.
И где было взять их тогда мужиков?
Хватала, который навстречу попался,
И с ним совершала один из грехов.

Какая уж ревность? Какая неверность?
Когда совершались святые дела.
В голодной, почти безмужичной деревне
Она пятерых сыновей родила.
Трудилась сама, не дремали и дети.
На зависть прекрасна у Насти семья.
И что же, что общего отчества нету?
Зато у Отечества есть сыновья.

КУРИНЫЙ КАРАУЛ

А коршуны всех птичниц знали-
Считали, видно, за подруг.
И когти в перышки вонзая,
Цыплят таскали из-под рук.
Курятник наполнялся плачем,
И воплями, и криком кур.
И бригадир меня назначил
Тогда в куриный караул.
О, я на совесть дело делал,
Цыплят спасая от беды,
Стрелял и сильно поредели
Пернатых хищников ряды.
И все ж цыплята убавлялись,
Хоть я заслуживал похвал.
Птиц, что от хищников спасались,
Ночами сторож пропивал.

УСТЮШКИН ОВРАГ

А у нас все суша, суша
Ни морской волны, ни скал,
Лишь один овраг Устюшкин
Деревушку рассекал.
Был овражек, не овражек
И, конечно неспроста,
По мужицким меркам, даже
Не заслуживал моста.
Но зато волною полой
Мог коня волною сбить.
И тогда ребятам в школу
Разрешали не ходить..
Две недели вольной воли
Он давал из года в год.
А потом на нем построил
Мост какой-то идиот.
Стали люди как по суше
По оврагу проходить.
И с тех пор овраг Устюшкин
Перестал великим быть.

ХОДИКИ

Таких часов теперь не сыщешь
У тех, что с гирей на весу,
Ходили стрелки среди мишек
В сосновом шишкинском лесу.
Часы случалось, барахлили
И начинали отставать,
Тогда, для точности, на гирию
Черпак подвешивала мать.
Потом соседка – тетя Маша,
Ни на секунду не присев,
Шла поправлять свои по нашим,
Чтоб одинаково у всех.

КИЗЯКИ

Кизяки - почти как свадьба,
Собиралась вся родня.
Все, конечно в старых платьях.
Ну а тоже на два дня.
Все вокруг навозной кучи:
Скачет лошадь, свищет кнут.
Мужики штаны засучат,
Бабы юбки повернут.
Загремит на конной бричке
Расторопный водовоз.
И водичка будет литься
Из его ведра в навоз.
На станках бабье попляшет,
Пропотевшее насквозь.
И в прямые строчки ляжет
Окультуренный навоз.
Будет ужин не убогий,
По житейским меркам – шик.
И, конечно, понемногу
Самогону для больших.
Петуху не отвертеться
В этот день от топора.
И останется соседский
Петушок на два двора.

ЧУГУНОК

Ну до чего ж он был огромен.
Ведро борща вмещалось в нем.
Не зря печалился дед Горин:
«Дочь надорвется чугуном».
Тогда не аисты носили –
Рожали матери сынов.
Избушки были повместимей
Всех новорусских теремов.

«Зачем вы столько нарожали?»-
Сношонки спрашивали мать.
«А чтобы щи не прокисали,
Щи было жалко выливать».

БРАТЬЯ

Я всю жизнь донашивал обноски
Потому что пятым был в семье.
Шапка опускалась мне до носа,
Брюки волочились по земле.
И тепло от братних телогреек,
От рубашки, валенок и брюк,
Только стал я чуточку взрослее,
Из меня стихами вышло вдруг.
Я душою чувствовал и сердцем
За собой невозвращенный долг.
Но помочь моей братве одеться
Я, всегда безденежный, не мог..
Да и братья злобно не косились.
Что за долг? Какие пустяки!
Лишь порой, подвыпивши, просили:
«Почитай о матери стихи».

ЮНОСТЬ СОЛДАТСКАЯ

ПРОВОДЫ

Как шмели, подвыпившие люди.
Тихий женский голос за спиной:
«Ничего, уж коль войны не будет,
Что с ним станется, придет домой...»
Но всегда, уверенный по-детски,
В том, что я нигде не пропаду,
Я сказал вздыхающей соседки:
«И война, так все равно приду!»
Вот уже галопом конь несется,
Сани что-то весело визжат
На дороге, по которой к солнцу
Я пытался в детстве добежать.
Кто-то пел, а кто-то тихо плакал.
И, должно, о проводах узнав,
Мне с плетня махала вслед рубаха,
Рукава по ветру разбросав.

ПРИЗЫВНИК

Я утром поднимал гантели
А вечерами бегал кросс:
Мне сильно в армию хотелось,
И я готовился всерьез.
Однажды, донага раздетый,
Что мог, руками прикрывал,
Я во врачебных кабинетах
На медосмотре побывал.
И четко помню, как сегодня,
Когда лысеющий медчин
Сказал мне наконец-то: «Годен», -
Я словно орден получил.

ТЕПЛОЕ МЕСТО

Я был за то и уважаем,
Что был солдатский внук и сын.
«В каких краях служить желаешь?»-
Сам военком меня спросил.
Я не хотел, туда, где легче.
Хотел туда, где потрудней.
И военком пошел навстречу
Безгрешной юности моей.
Он не был сватом мне и кумом,
Но место теплое нашел:
Служил я в центре Каракумов.
Куда теплее-то еще.

С Ю Р П Р И З

Вот это, братцы, был сюрприз
В наш полк, к границе южной
Девчат однажды привезли,
Для прохожденья службы.
Наш старшина, наш фронтовик
Дошедший до рейхстага
Готовил к ратной службе их
И от бессилья плакал.
И роты шли, чеканя шаг,
Но все на удивленье
Старались больше на девчат
Придерживать равнение.
Нас, чтоб порядок навести,
Пугали гауптвахтой.
Мы за девчат могли пойти
В те годы и на плаху.
Какая нежная беда
В наш полк с весной входила.
И все мы поняли тогда –
Любовь главней комдива.

ЗАОЧНИЦА

Как-то вынув из кармана
Широченных галифе
Мне вручил сержант Абрамов
Адрес девушки в Уфе,
Я солдатские приветы,
Где-нибудь, укывшись в тень,
Запечатывал в конверты,
Отправлял ей каждый день.
Продолжалась переписка
Аж в течение трех лет.
Посылал в конверте искры,
Получал огонь в ответ.
Что сгорел почтовый ящик,
Откровенно говоря,
Я виновник настоящий,
А ругали почтаря.

ПОВАР

Халат застиран, но не порван
Но сам, почти всегда чумаз,
Во всех походах ехал повар
В хвосте колонны сзади нас.
Он на ходу готовил каши,
Чай, компоты и борщи,
Да вкусно так, что было даже
От котелка не оттащить.
Он как-то непонятно даже,
Друзей имея полполка,
Подбросить мог и лишней каши
Или борща полчерпака.
И шли мы, не пугаясь драки.
Шли иногда в такую даль,
Куда без повара, однако,
И танки доползли б едва ль.

АХМЕТ

Ахмет, он не из важных птиц,
Наводчик с нашей батареи,
И потому мог приходить
К нам в батальон в любое время.
Придет то с банкой молока,
А то притащит папиросы,
«Ну, позови-ка земляка»,-
Ахмет дневального попросит.
Как по тревоге я бежал
Полубосой, полуодетый.
И, улыбаясь, руку жал,
А то и обнимал Ахмета.
Потом мы пили молоко
Сгущенное из Карламана,
И о Башкирии с дружкойм

Он был солдатскою душой.
И над полком, застывшим немо,
Как будто сказочную песнь,
Прочел Есенина поэму
С названьем кратким
«Двадцать шесть».

ПЕРСИЯ

Памяти С.А.Есенина

Прохладой Персия дышала
Струится вдалеке дымок.
Тень от скалы ее лежала
Почти у самых наших ног.
Легко скользя, ночная птица
Неслась к темнеющим кустам,
Через притихшую границу
В страну чудесную, а там...
Луна селенье освещала.
И в ярком сказочном окне
Смеялась девочка Зишана,
Быть может, внучка Шаганэ.

ПЕТЬКА

Тоска свела бы, может, нас с ума,
Но грусть не предусмотрена уставами.
На целый взвод ни одного письма,
А Петька шутит: «Дочитаем старые».
О, чудо-парень, взводный весельчак,
С тобой тоска, конечно, дело пятое.
Не зря погоны на твоих плечах,
Не зря артистом прозван ты солдатами.
Опять схватились все за животы.
От хохота дрожит курилка ротная.
И снова, Петька, выступаешь ты
С короткими, смешными анекдотами.
И все убеждены, что Петька-шут.
И вряд ли думал кто, на Петьку глядя,
Что Петьке вовсе писем не пришлют
Отец и мать, погибшие в блокаде.

ПЕЛ ЖАВОРОНОК НАД ГРАНИЦЕЙ

Пел жаворонок над границей,
Пел песню сразу для двух стран,
И понимали голос птицы

Моя Отчизна и Иран.
Он в небе был звенящей точкой –
Скрывала крылья высота.
И слушали без переводчика
Две стороны – моя и та.
И было радостно, приятно,
Когда известно стало мне,
Что гнездышко певец пернатый
На нашей выбрал стороне.

ТЮЛЬПАНЫ

В песках не слышен вешний гомон
Весна идет от нас вдали.
А к нам, в траншею танкодрома,
Лишь три тюльпана забрели.

Мы их ласкали, как умели –
Чуть грубовато, по-мужски.
За то, что нежностью согрели
Сердца их чудо - лепестки.

К ним подходил комбат суровый
С улыбкой доброй на устах:
Знать, Прага вспоминалась снова,
Победный май и танк в цветах.

ЖАРА

А что нам делать остается?
Иссяк заброшенный родник.
В руках дрожит «десятиверстка»
Как обманувший проводник.
А вихри лютого «афганца»
Злорадствуя, пустились в пляс
И крупинки песка ложились
На подпись: «Двести литров в час».
Комбат, сворачивая карту,
Сказал: «Кончай привал! Пора!».
И нам навстречу от заката
Опять плыла жара, жара.
Песок и воздух раскаленный,
Казалось мертвым все в тот миг.
Лишь песня билась средь колонны,
Как жизнерадостный родник.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Последний бой, учебный бой,
Дымятся стрелянные гильзы.
Ты помнишь, Колька, мы с тобой
Из раскаленной башни вылезли?
В пыли от пяток до волос,
С трудом вращая бычьей шеей,
На ряд расстрелянных мишеней
Ты головой кивнул: «Хорош!».
Окурок выбросив к ногам,
Рукою лоб вспотевший вытер.
Ты гордо шел как победитель -
Спиной к поверженным врагам.

ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА

Идет вечерняя поверка.
Стоит ночная тишина
И с ротным списком на фанерке
Встал перед строем старшина.
Как будто мы не отслужили,
И не уволены в запас,
И он, как прежде по-фамильно
Сейчас выкликает нас.
Как я поверкою доволен!
Прогрохотало столько лет,
А из друзей никто не болен,
Да и отсутствующих нет.
Мы молоды. Мы не устали.
Нас пощадила седина.
Вот только отчествами стали
У парней наши имена.

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД В СТЕПИ...

САЛАВАТ

Где стрелы свистели, неправду разя,
Где бились полки Салавата-вождя,
Мы город воздвигли у Белой- реки,
Салаватом его нарекли.

Мы строили город, росли вместе с ним,
Был каждый влюбленный и каждый любим.
И с новой силой бушует любовь
В сердцах дочерей и сынов.
Прекрасен наш город, хотя невелик,
Здесь утром смеются росинки с гвоздик.
И самая яркая светит звезда
Со шпилья героям труда.

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

Черны вороны кружат
Над аулами.
Бары с баями дрожат:
Смерть почуяли
И вершит честной народ
Суд свой праведный,
Барам петли раздает
С перекладиной.
Бунтари летят как вихрь,
Под знаменами.
Ноздри вырваны у них,
Лбы клейменные.
Хлещет царская картечь
По головушкам.
На рассветах долго течь
С неба кровушке.
Но не ранен, не убит
Сквозь столетия.
Мчит над городом джигит.
Сквозь бессмертие.

БРАНИ МЕНЯ, МОЙ ДОБРЫЙ ПРЕДОК...

Мой молчаливый добрый предок,
Слуга сохи и бороны,
За то, что я деревню предал,
Брани меня, родной, брани!
Ну как такое получилось?
В кого я выдался такой,
Что так умело обучился
Нетрудной жизни городской?
Без сенокосов и конюшен,
Без хомутов и без удил
Мне, удивительно, послушен
Мотор в сто лошадиных сил.
Но кто поймет и кто поверит,
Что в том условном табуне,
Где ветер гривы не шевелит,
Так тяжело бывает мне?
Слуге железа и бетона,

Друзья, ни капельки не лгу,
Ночами снится жеребенок
Гнедой, со звездочкой на лбу.

В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Уж которую неделю
Небо в белых куполах
Тополиные метели
Разгулялись в кварталах.
Эх, с дороги бы не сбиться!
Как в туманной мгле плыву.
То ли это просто снится,
То ли это наяву.
Светофоры тускло светят
В белом вихревом цвету.
Вот опять кого-то встретил,
Только ту или не ту?
Ох и трудно разобраться,
Как хотите, в двадцать лет.
С кем расстаться? С кем остаться?
Вихревой мешает цвет.

СНЕЖНАЯ БАБА

Мальчики снежную бабу слепили
И с наклонившейся ветки схватив,
Мерзлую ягоду красной рябины
Спрятали в бабьей холодной груди.
Что натворили, мальчишки-негодники?
Снежная баба, да с сердцем в груди,
Сразу влюбилась в нашего дворника,
Что по утрам здесь с метлой проходил.
Он для нее даже слова не молвил,
Слова не молвил и песни не спел,
И от волнения носик морковный
У растерявшейся бабы краснел.
Как ей хотелось услышать: «Любимая!».
И, безответно всю зиму прождав,
В лужу растоплена сердцем рябиновым,
Люди же думали, что от дождя.

КАКАЯ ТЫ ОБЫЧНАЯ, ОДНАКО...

Какая ты обычная, однако!
За оскорбленье это не сочти –
Ты от цветущих тихим цветом маков
Ничем не отличаешься почти.
Ну, разве тем, что ты голубоглаза,
И потому чуть больше, чем хотел,
Чуть больше, чем соцветиям, обязан,
Танцует для тебя мохнатый шмель.
Ты над рекой идешь, нетороплива,
Но, оставляя кольцами следы,
Тобой, любуясь, глупенькие рыбы,
Выпрыгивают с шумом из воды.
Мне все равно, но отраженье в лужах,
Стоящее в воде вниз головой,
К тебе само протягивает руки,
И я не в силах удержать его.

ЛЮБИМАЯ

Будьте, пожалуйста, будьте.
Будьте сейчас и вовек.
Добрый и ласковый лютик,
Нежной души человек.
Все мы, конечно же, люди.
Каждый хорош и пригож.
Каждый по-своему чуден,
Каждый прекрасен, но все ж
Вымазав ноги о пашни
И исколов о жнивье,
Солнце, на цыпочки вставши,
Смотрит в окошко твое.

МОЛОДОЖЕНАМ

Любите, милые, любите
На радость нам, на зависть всем,
Вы жизнь как песню сочините:
Без ссор, без распрей, без проблем.
Чтоб долго-долго темный локон
От седины Господь берег,
Чтоб детский смех из Ваших окон
Звенел как горный ручеек.
Богаты будьте, но не слишком,
Богатство- вечный друг тоски.
Имея с деньгами кубышку,
Любите детские горшки!

НА СТЕНЕ, В ТРАМВАЙНОМ ПАРКЕ

На стене в трамвайном парке,
На бетоне высшей марки
Кто-то буквами большими
От души, а не фальшивя
Написал зеленой краской
Нежно, ласково, по-майски:
«Люся, я тебя люблю!»
А в проемчиках оконных
Пробегающих вагонов
Едет очень много Люсь:
Внучек, дочек и бабусь.
И они умрут от горя,
Если выкрасят заборы.
И останется под краской,
Фраза, дышащая лаской:
«Люся, я тебя люблю!».
Уважаемый директор,
В мир любви внесите лепту:
Попросите маляров
Не закрашивать любовь.

КОТЕНОК

Дождь моросит и моросит,
Конца нет осени.
Котенка в сумке принесли
И в лужу бросили.
Хозяйка юркнула в вагон,
Умчал трамвайшко.
А что с котеночком?
А он -
Он дожидается.
Уверен маленький зверек,
Дитя продрогшее:
Придет хозяйка, заберет.
Она ж хорошая.

ВОЖДЬ

Вот и выпросили снега.
Кто-то- Бог или пророк-
Очень щедро сыпал с неба

Снег на спящий городок.
Все ночующие авто
С головой занесены.
И стоять бы им до завтра
Или даже до весны,
Если б «кировец» не вышел
Весь в мигающих огнях.
Как Горыныч дымом дышит,
Снег лопатой обняв.
А за ним дорогой чистой,
Ведь его не обойдешь,
Едут медленно таксисты,
И для них он нынче вождь.

ОТТЕПЕЛЬ

Как удар в ладоши
Перед бурной пляской
По асфальту щелкнула
Первая капель.
Струи солнца в окна
Полилися ласково:
Это март, хмелея,
О весне запел.
Тенькает синица
Средь акаций звонко.
Галкам хоть насильно
Клювы закрывай.
С рельсов, как с проталин,
Звонким жаворонком
Затрезвонил в небо
Утренний трамвай.
В водосточных трубах
Шумные потоки
Поболтать сбежалась
Первая капель.
Паровоз-громада
В даль стальной дороги
Заревел чугунной
Глоткой: «От-те-пель!».

НЕ ПРО БАБ

Дали землю под картошку.
Я одна пошла сажать:
В Нижневартовске Сережка,
Был бы здесь, помог немножко б,
Потому что все же – зять.
Дочка нянчится с ребенком.
Муж в запое – страшный вид.
Глянуть в зеркало боится:

«Там антихрист», - говорит.
Я картошку посадила,
А поднялся молочай,
Я его одна рубила
По-чапаевски, сплеча.
Дочка нянчится с ребенком,
Муж и зять на мотогонках.
Пополю, домой бегу,
Дочке с внуком помогу.
За бутылкою ходила,
Мужа с зятем угостила,
Да пришлось вторую брать:
Их команда победила,
А могла бы проиграть.
А потом, когда поспела,
Я одна пошла копать:
Дочка с внуком улетела
К зятю в Адлер отдыхать.
Муж сидит седьмые сутки,
Потому что ради шутки
Хвост за хвост связал собак,
Развязать не мог никак.
Возвратилась ночью поздно,
Правда, на мусоровозе,
Но картошку привезла
Девяносто два ведра.
Говорят, один – не воин,
Что один, мол, в поле слаб.
У военных есть такое,
Но ведь это не про баб.

ГРИБНИКИ

Разрослись в лесу опята,
Хоть лопатою гребли.
Наша сборная бригада
Нынче вышла по грибы.
На рассерженных пиратов
Наш отец весьма похож:
В каждой ручке, в каждой лапке
Обязательно есть нож.
То как кошки, то как танки
Не щадим ни ног, ни пней,
Стали бледные поганки,
Видя нас, еще бледней.
Мы все глубже, мы все дальше,
Знаем мы из разных книг:
Только в чаще настоящей
Настоящий боровик.
Мы кружили, колесили.
Был привал на пять минут,
Но успели, закусили-

Многих под руки ведут.
Вышли из лесу под вечер
И заметили теперь:
Стало место нашей встречи
Местом грусти и потерь.
Потерялся дядя Слава.
Не услышит вой не вой:
Он на тумбочке оставил
Аппарат свой слуховой.
Знаем точно, где-то рядом,
Где-то близко, где-то здесь...
Помогите нам, ребята
Из отряда МЧС.

МУЖИК

Идет по городу мужик,
Он настоящий.
И на плече своем несет
Рассадный ящик.
Идут другие мужики.
Лицо морозят
И уши стылые свои
В ладонях носят.
А этот, Господи, прости,
Мой настоящий –
Уже, наверное, застыл
Но держит ящик.
Я думал: чем
 мужик силен?
Плевал на холод.
И понял,
 понял – это он
Весну нес в город.

РЯБИНА

Для кого цвела рябина?
Ветки гнулись от цветков.
Ведь проходят люди мимо
Соком налитых плодов.
В городской нечистой зоне
Посадил тебя народ.
И никто не соизволит
Даже ягодку взять в рот.
А в январский день морозный
Видит каждый человек:
Красны ягоды, как слезы,

Тихо падают на снег.

РЕПЬИ

Репьи со свалок и канав
И с загородной дачи
Кочуют в город на штанах
И на хвостах собачьих.
Идет репьевый переезд
Для сорняков привычный,
Коль нет для них приличных мест,
Сидят на неприличных.
И верно, хвалятся всерьез
Потом репьи всю осень:
«Меня мужик на брюках нес»
«А нас кобель подбросил».

ГАРМОНИСТ

На базаре непогода.
Всюду лужи – не пройдешь.
Обещали солнце вроде,
А идет осенний дождь.
Кто под зонт, а кто под крышу
Понырлял торговый люд,
Только в шляпу гармониста
Ледяные струйки льют.
Он поет «Златые горы»
Но в кармане денег нет.
А ведь надобно Егору
Мелочишки на обед.
Он прозябшими руками,
Проклиная ремесло,
Бросил в шляпу мокрый камень,
Чтоб ее не унесло.

МНЕ ШЕСТЬДЕСЯТ

Мне шестьдесят. Вот это дата.
Вот это здорово, ребята!
Всего-то ничего пожил,
А сколько званий заслужил.
Я дед, отец и муж как будто.
Кому-то свекор и тесть кому-то.
Я братьям – брат, сосед соседу.
Я внуком приходился деду,
Я зять и чей-нибудь свояк,
И свой среди солдат-воjak.
Не лодырь я и не бездарность,
Мне сам ефрейтор благодарность

Ко дню рожденья объявил,
Когда комбат в загуле был.
За труд мой – пенсия награда
На сахар, чай и сухари.
Ну, полно, сматываться надо,
Пока друзья не забрели.

НА ПЕНСИЮ

И что с мужиком происходит?
Никак мужика не пойму:
На пенсию, дурень, уходит,
А хмурится - как на войну.
На пенсию с песней уходят.
На пенсии так хорошо!
Копайся весь день в огороде -
И вечер прихватишь еще.
На пенсии волен, как птица.
Желаешь в кровать - так в кровать.
И если колбаска приснится,
То можешь во сне пожевать.
На пенсии пенсию платят.
Вы можете жить не тужить!
А к празднику новое платье
Из старых своих же пошить.
На пенсии в поисках странных
То грустен, то счастлив до слез,
Когда наконец под диваном
Очки или челюсть найдешь.
В трамвае не платишь ты боле,
Но, самая главная суть,
Кондуктор вам шепчет с любовью:
«Куда ж тебя черти несут?»

ЭТО ЧТО СО МНОЙ ТАКОЕ?

Это что со мной такое?
Встал ни свет и ни заря,
Глажу теплою рукою
Новый лист календаря.
Вымыл пол и сам умылся.
Во дворе почистил снег.
Сел и даже удивился:
«Я ж хороший человек!»
Тишина по переулкам
И в кармане тишина.
Хлеба в хлебнице полбулки,
А в ведре стакан пшена.
Но на сердце перезвоны!
На душе сады цветут!
Сильно чешутся ладони:

Видно пенсию несут.

ПРОСТОФИЛЯ

Да, февраль еще не лето,
Я от холода дрожу.
Чтобы чуточку согреться,
За дровами выхожу.
Всюду снега по колено.
Наспех варежкой мету.
И полено за поленом
Прижимаю к животу.
Потихоньку выпрямляюсь,
Чтоб дрова не уронить.
А в калитке, улыбаясь,
Солнце красное стоит.
Долгожданное Светило!
Я готов его обнять.
Только вот у простофили
Руки заняты опять.

28 февраля 2008г.

МОБИЛЬНИК

Дождалась свою Олесю
Утомившаяся мать.
Ей запеть охота песню,
А еще гостей позвать.
Возле дочери любимой
Ходит, гордая, вокруг.
А у дочери «мобильник»
Зазвонил в кармане брюк.
И пошла она алекать,
И смеяться, и рычать,
И «прекрасному далеко»
На вопросы отвечать.
И поглядывая косо
Из-за трубки и плеча,
Дочь сердито маму просит
Отойти и помолчать.
Слава Богу, путь не дальний
Пять шагов – не сотня верст.
Ну а там подушка в спальне,
Не просохшая от слез.

12 февраля 2009г.

ОВЦЫ

Застрелили последнего волка,
Чтоб не грабил отары, подлец.
Мужики были рады настолько,
Что держать перестали овец.
Точно высчитал чей-то компьютер,
Что овечьи отары – разор.
И овечки не только на хутор,
На Россию наводят позор.
Но неясно мне, милые, только,
Объясни, кто-нибудь, наконец:
Мы как хищника выбили волка,
А за что порешили овец?

27 февраля 2009г.

ДЕВЧАТА

Наши русские девчата
В этот бешеный мороз
Пальцы срезали с перчаток-
Замерзать, так уж насквозь.
Продавцам нельзя иначе,
Потому, что этот грош,
Эту мизерную сдачу
В рукавице не возьмешь.
Ничего мороз не вечен –
С октября да по апрель
Организмы водкой лечат
От простуды и соплей.
Поживут – еще не стары.
Одолеют водкой грипп.
Лишь бы только на Канарах,
Да от солнечных ударов
Их хозяин не погиб.

28 января 2005г.

САНИ

Эти сани в полбазара
Как-то сварены из труб.
Конь не сдвинет их, пожалуй,
Ну а женщины везут.
Не заснеженное поле-
Снег, засыпанный песком.
Может тонна, может боле
В них коробок и мешков.
Чьи-то дочки, чьи-то сестры,
Мамы маленьких детей
На базаре очень просто
Превратились в лошадей.
И выходят из «конюшен»,

По утрам впрягаясь в воз.
Потому что детям нужно
Заработать на «овес».

БОМЖИ

Чтобы усевшись за столом
Есть человеческую пищу,
Крадут бомжи металлолом
И с огородов, и с кладбища.
Крадут ограды и кресты
С изображением Иисуса,
А что им грех, а что им стыд,
Когда им нечего покушать?
У тех, чья жизнь ушла в кювет,
Нет даже перед Богом страха:
Не для себя крадут цветмет,
Для процветанья олигарха.
И кажется, еще чуть-чуть-
Бомжи по воле олигаршей
С церковей колокола снесут,
И купола с Кремлевских башен.
Растет бичующая рать,
И если олигархам надо,
Бомжи всегда готовы сдать
И милицейский кокарды.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Где-то там, в лесу и поймах,
У истоков диких рек
До сих пор, никем не пойман,
Бродит снежный человек.
Много умных экспедиций
Путешествуют окрест,
Чтобы только убедиться
В том, что он на свете есть.
На него капканы ставят,
Чтоб потом, вспоров живот,
Перед фактом мир поставить,
Что он пьет и что жует.
Мой любимец, осторожней.
Ты мне, кажется, сродни.
На меня ведь ставят тоже
Самоловы-западни.
Маскируют их улыбкой,
Доверяют ей вполне,
И за каждую ошибку
Плаха бьет по голове.
Забери меня с собою,

Разучи меня читать,
Рядом с подлостью людскою
Так охота снежным стать.

НАСЛЕДНИК

Дед ни капельки не выпил,
Но веселье бьет из глаз:
Первый снег сегодня выпал
В шестьдесят девятый раз.
Внук то спереди, то сзади,
То проносится вокруг:
Не устал в детсаде за день
И не тянет деду рук.
Дед идет неторопливо,
Снег сбивая с бороды.
И кричит внучок счастливый:
«Дед, смотри, твои следы!».

ВНУКУ ЯШКЕ

Был ты, Яшка, маленькую бякой,
Голосил по поводу и без.
Никогда не убегал от драки,
А напротив, в эти драки лез.
Но от этих детских потасовок,
От твоих ребячьих кулаков,
Друг твой заикающийся Вовка
Овладел нормальным языком.
Вырос ты при бабушкиной ласке
С кулаком и сердцем храбреца.
Офицерский сын и внук солдатский
Скоро сменишь в армии отца.

ВНУЧКЕ РАЕ

Ах, взять бы в свою ее детскую ручку,
Да в школу пойти с первоклассницей-внучкой.
Солидно шагать, как положено деду
С большим-пребольшим и красивым букетом.
И встретить ее после первых уроков,
Да вот незадача – живешь ты далеко.
Чего я не сокол, чего не летаю,
А пенсии только на кашу хватает.

1 сентября 2008г.

НИКИТА

Наш Никита – внук крестьянский
Ходит с дедом в огород.
И на солнечной полянке
Не спеша опенки рвет.
Он в футбол играет с дедом.
Все в девятку лупит мяч.
И усевшись рядом где-то
Баба Маша смотрит матч.
Дед с мотыгой. Внук- с мотыгой.
Рвут и рубят сорняки.
И, хотя читают книги,
Все равно- озорники.
Нет, не шахматные маты
Внук при дедушке постиг.
И Никиту страшновато
В садик бабушке вести.

САША

Уже целый годик исполнился Саше,
И Сашенька стала на годик постарше.
На годик взрослее, на годик умнее.
И Сашенька многое делать умеет.
От бабушки деда она отличает,
По телефону она отвечает.
Растет и умнеет она ежедневно.
Она же у нас – Александра Сергеевна.

ВАМ

Х.В.Л.

И что ж, что далеко до лета?
И что подснежники во льду?
И я сегодня без букета,
Без полевых цветов приду.
В туманной дымке город тонет.
Я, как разносчик телеграмм,
Шагаю с сердцем на ладони,
Чтобы сказать: «Возьмите, вам».

ТЫ ДАЛЕКО

Ты далеко, а вечер резов.
И слышат только пастухи,
Как я читаю у березок
Твои любимые стихи.
Я здесь у нашенских березок
Простую истину постиг:
Нет, не сумели паровозы

Тебя из сердца увести.
Ты поселилась доброй птицей
Во мне на долгие лета.
Я стал нежнее относиться
К зверью, деревьям и цветам.
Нас развели с тобой дороги.
Меж нами верст не перечеть.
И все равно спасибо Богу
За то, что ты на свете есть.

ПЕС АДЖАР

У соседа в огороде,
Цепью длинную звеня,
Пес большой красивый ходит,
Грустно глядя на меня.
Пес, конечно же, элитный,
Привезен за сотни верст.
У него и уши сбриты,
И отрублен напрочь хвост.
Он старается, как может,
Дом богатый сторожит.
Ведь и он, как люди тоже,
Не голодным хочет жить!
Здесь ему бросают кости,
Конура его жильё.
Кое- что с собой уносит
С псиной кухни воронье.
Коль хозяин на работе,
И не видит нас уже,
Мы к друг другу в гости ходим,
Место встречи на меже.
Он и косточки, и крошки,
Потому что с ним знаком,
У меня берет с ладошки
Теплым алым языком.
Он сказал мне грустно как-то,
Уронив слезу на снег:
«Ты б хорошей был собакой.
Ну зачем ты человек?».

ДЕРЕВЯННАЯ СОБАКА

Возле барского имения
У елового дворца,
Чуть пониже, поскромнее,
Конура стоит для пса.
Люди ходят на работу,
На базар и в магазин,
Но не помню, чтоб кого-то

Пес хозяйский укусил.
Псы соседские охрипли,
Охраняя нашу голь.
Ну а барский пес из липы-
Папа столяр у него.
Он с улыбкой непременно,
Встретит жулика и знать.
Он хотя и не полено,
Но и псом нельзя назвать.
Только рядом с конурою
Утром лужица из слез,
В ней хозяин обувь моет,
Барин думает, что дождь.
2 ноября 2008г.

ПРОВОДЫ (почти по Д.Бедному)

На Рязанской ли земле,
иль на Курской,
Вдруг повестку получил
«новый русский».
Собралися всей родней
и запели:
Военкомы все, блин, что,
офигели.
Наш любимец, наш Вован,
да под пули,
Ну, уж, нет уж, дулю вам,
дулю, дулю.
Купим «липу» у врачей
в сто печатей,
Будто болен наш Вован
с дня зачатья.
Для защиты рубежа есть
Иваны,
Потому, что ни гроша нет
в карманах.
За Россию кровь прольют
пусть до капли,
Лишь бы Вова отдохнул
наш на Капри.
На Рязанской ли земле,
иль на Курской,
Столько дряни развелось
«новой русской».

ШЕЛ Я ПОЛЕМ

ШЕЛ Я ПОЛЕМ

Шел я полем, полем вешним,
Никуда не торопясь.
Удивительная песня
С неба синего лилась.
В мягком воздухе апреля
Пашни плавали, дыша.
Небо пело, поле пело,
Сердце пело и душа.
Пело все до горизонта
И за ним. Да и к тому ж
Улыбалось нежно солнце
Изо всех ручьев и луж.

ЯГОДЫ ДЛЯ МАМЫ

Хожу по солнечной поляне
В лугах ликующий июнь.
Я собираю ягод маме
В фуражку детскую мою.
Уже и солнцем разрумянен
И, кажется, успел устать.
А красной ягодной поляне
Конца и краю не видать.
Шмели устраивают пляски.
А у меня свои дела:
Мне жаль, что детская фуражка
Моя до грустного мала.

ФЕКОЛКИНА ИЗБА

Стоит изба Феколкина
Своей кончины ждет.
Полынь на крыше горькая
Который год растет.
Ушла хозяйка к дочери,
Да там и умерла.
А дочь избушку бросила,
Бродягам отдала.
Они еще по осени,
Чтоб не окоченеть,
В голландку ставни бросили
И двери от сеней.
Зима в России долгая,
Хоть караул кричи.
Горит изба Феколкина,
Горит в своей свечи.

6 марта 2009г.

ИЗБУШКА

В избушке маленькой
В избушке брошенной
Забиты ставенки
Крест-накрест досками.
Стоит по грудь в снегах
Совсем безглазая,
И не поймет никак,
За что наказана.
Ревет печной трубой
Про злые бедушки,
И подвывают ей
Избы-соседушки.
А в спящем городе,
Бессоньем мучимый,
Мужик льет в бороду
Слезу горячую.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

Он держался еле-еле-
Ветерок его качал,
И пугающе скрипели
Два худущие плеча.
Был он схож с огромной птицей,
В небо поднятый рычаг,
И желающих напиться
Всех поклонами встречал.
Громычала цепь по срубам,
И смотрел я не один,
Как сухие чьи-то губы
Целовали край бадьи.
Он взлетел бы к стае птичьей,
Утомленный ремеслом,
Но к хвосту от старой брочки
Прицепили колесо.

ХАЗРЕТКИНА ГОРА

Здесь весною ветры дуют,
А зимой мороз свиреп.
Ну, а раньше сабантуи
Проходили на горе.
Пели весело кураи,
Ржали кони на холмах,
И в красивых юртах баи
Ели вкусный бишбармак.
Беркут в облако не прячься,
Гордо рея в небесах,
Наблюдал лихие скачки
И борьбу на поясах.

И, конечно же, не редко
Зоркий хищник замечал:
Победивший всех Хазретка
Шел с бараном на плечах.
Ликовал народ в ауле,
В честь Хазретки песни пел.
И глотал уже не слюни:
Пил хурпу и мясо ел.
И за вкусные обеды,
Что устраивал герой,
Стали люди гору эту
Звать Хазреткиной горой.

НА МАЛЕНЬКОЙ РЕЧУШКЕ

Там, на маленькой речушке,
Средь цветущих буйных трав
Жили наши деревушки
На поющих берегах.
Те же избы, те же крыши,
Те же мысли и дела.
Только ваша чуть повыше
По течению была.
Ах, какое время было!
До чего ж я счастлив был!
Ты повыше ноги мыла.
Я пониже воду пил.

ИДУ К РОДНОМУ ШАЛАШУ

Иду к родному шалашу,
К своей избе на курьих ножках,
На все любимое гляжу,
И на меня здесь смотрят тоже.
Над бровью выставив ладонь,
Мужик, стоявший средь картошки,
Проговорил: «Так это ж он,
Тут и сомнений быть не может».
Пошел старухе доложить,
Чтобы потом, меня встречая,
Спросить по-дружески: «Как жизнь?»,
И я до ночи отвечаю.

СУХАЙЛА

Маленькая реченька
По камешкам журчит.
Хочется кузнечнику
Ее перескочить.
Смотрит на кузнечика
Голавль из омутка.
Вьется дым кречками
Над трубкой рыбака.

Пересчитал все камешки
И очень удивлен
Кулик трезвонит маленький
Над речкой: «Триллион!».
Всегда ей нежно встреченный,
Я слов не говорю.
Целую мою реченьку –
Все думают, что пью.

КРАДИНО-МИХАЙЛОВКА

Крадино-Михайловка исчезла.
Раскупили избы на дрова.
И стоит на брошенных поместьях
Как скелеты тощая трава.
На золе поблескивают стекла.
Молодым рассказывает дед:
«Там, где жили Воронковы- свекла,
Там, где жили Горины- чабрец».
Но еще не прервано общенье
Бывших деревень и городов.
И несут кресты на тощих шеях
Хомуты искусственных цветов.
У дороги памятные камни,
Крупные, как будто из былин.
Кто-то сделал добрыми руками
Памятник родителям своим.
Пляшет жаворонок над лугами,
У гнилой дощечки от крыльца.
Все стучат кузнечики ногами,
Иль пришли на Родину сердца.

ДУРАСОВКА(СУХАРЕВКА)

Не было в деревне агитаторов
И Москва, и Питер далеко.
Ну, а все ж от белых бабы прятали
В погреба и риги мужиков.
Слава Богу, пушки здесь не бухали,
Не стрелял по окнам пулемет.
И в полки Чапаева и Блюхера
Уходил овшивевший народ.
Ружья брал, на бога не надеясь,
А деревня, чудные дела,
Выросла в колхоз «Красноармеец»,
А всегда Дурасовкой была.

СВОБОДКА

Здесь и ручей, как мужичок,
Весь в канители,
По ежевичнику течет,
Слегка потея.
Здесь и полынь не так горька,
Приятна даже.
Глотнешь с полынькой молока
И скажешь: «Наше».
Колючка кожу разорвет,
Гвоздем поранишь, -
Золой посыпь и заживет.
Не к свадьбе – раньше.
Здесь самый лучший пес Дружок,
Кобель горластый.
Навстречу сделает прыжок
И скажет «Здравствуй!».

СПИТ ДОЧЬ

На свежескошенной траве
На чердаке избушки нашей
Спит дочь. И к русой голове
Припала белая ромашка.
Играет зайчик на стене,
Коровье стадо луг копытит.
Дочь улыбается во сне.
Знать, что-то ласковое видит.
Ворона села на ветлу.
Прошлась, нахохлилась, взъершилась,
Почистила о лапу клюв,
Но каркнуть так и не решилась.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Я грущу о прошлогоднем снеге —
В нем твои следы с моими рядом.
Если б так всегда — поверьте, мне бы
Ничего другого и не надо.
Но пригрело солнышко лучами,
И следы, его не переспорив,
Сделались весенними ручьями
И ушли к волне большого моря.
И сейчас седой могучий Каспий
Ровный след твоих красивых ног
На волне покачивает ласково
И поет им песню ветерок.
Мой же след, я в это тоже верю,

Далеко, насколько только смог,
Старый Каспий выбросил на берег,
На горячий камень и песок.
И поднялся след мой легким паром,
Разойдись с твоим уже навек.
Вот и все, и мы уже не пара.
Где ты? Где ты, прошлогодний снег?

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Звезды водят хороводы,
Слышен дальний скрип саней.
Нет на свете небосвода
Ни прекрасней, ни родней.
Над заснеженной деревней
бездна хрупкой тишины.
Целый мир как будто дремлет,
Видя сказочные сны.
Если крикнуть сильно-сильно
Со ступенечки крыльца,
То услышит вся Россия
От конца и до конца.

ОГОРОДНИЦА

У любимой огородницы
Руки добрые в земле.
И поэтому так хочется
Целовать те руки мне.
Ходит милая с мотыгой,
Ходит с раннего утра.
Солнце ласково подмигивает
Ей из полного ведра.
Вроде все, как и положено,
Только дивится народ,
На нее взглянув: «Не роза ли,
Раньше времени цветет!»

1974г.

ПУГАЛО

Ты думал, пугалу легко?
Ты думал, я стою на ножке?
А я посажено на кол.
И столько лет — в одной одежке.
На мне все старое тряпье.
Питанье? Кто же пугал кормит?
Хозяин ест, хозяин пьет,
Но с грядки воробья не сгонит.
С чужою бабой вишню рвет.
Хозяйка — нет глупее бабы,
Меня за эту вишню бьет
Лопатою, да все по шляпе.
Я жду зимы — зима милей.
Поправлюсь, отдохну немного.
У пугал отпуска длинней,
Чем у любого педагога.
Весной я снова возвращусь,
Средь грядок встану и малины.
Я — пугало, и тем горжусь.
Профессией неповторимой.

ТЫКВА

Ну и тыква! Ну и сила!
Здоровей любых колес.
И поэтому к машине
Нам катить ее пришлось.
Мы ее в большой багажник
Кое-как втолкнуть смогли,
И присели набок даже
От нагрузок «жигули»...
Сплю я в чистенькой постели,
Под кроватью тыква спит.
Сорт отличный в самом деле:
Даже ночью не храпит.

ПАСТУХ

Мужики пастуха нанимают
Осторожно, с хитринкой, не вдруг.
Потому что они понимают —
Не из каждого выйдет пастух.
Горожанин, мужик плутоватый,
От него этот пост — на засов.
Он не против хорошей зарплаты,
Чтобы сидя. И — восемь часов.
В пастухи нанимают такого,

Чтобы сила в уме и в ногах.
Чтоб мычащее стадо коровье
Перед ним преклоняло рога.
Вот такого встречают как брата,
И мужчицкой — не барской — рукой
Назначают такую зарплату,
Словно он генеральный какой.
Со своими буренками бабы
По утрам его ждут у ворот.
Он в деревне у нас самый главный.
Перед ним даже солнце встает.

СПИТ ПАСТУХ

На глаза фуражку сдвинув,
Спит пастух на берегу
Две больших здоровых псины,
Кнут пастуший стерегут.
Не пойму, где был, где не был,
От меня невдалеке,
Чуть покачивая небо,
Цапля бродит по реке.
На песке кулик пасется.
И, пока погожи дни,
В Сухайле стирает солнце
Пятна темные свои.

КОРОСТЕЛЬ

Почему ты не спишь по ночам, коростель,
Возле гнездышка в шумной осоке?
Ожидаешь гостей? Зазываешь гостей?
А они не идут, это очень жестоко.
Прячут птицы гнездо от людей и зверья.
А потом и детей обучают тому же.
Прятать проще, конечно, а вот доверять
Дар особый, почти человеческий нужен.
Ты меня, коростель, подзываешь к гнезду.
Доверяешь мне все, и за это спасибо.
Хорошо на душе и смотрю, как звезду
Ловит в речке кулик, словно сонную рыбу.
Но июль сенокосом у нас знаменит.
Не с того ли грустится мне в дни этой славы,
Что холодная сталь леденяще звенит,
Подрезая под корень цветущие травы.
Ну а ты все кричишь и кричишь, коростель,
Возле гнездышка в мутной осоке.

Поджидаешь гостей, зазываешь гостей.
А они к тебе с косами. Это жестоко.

СИНИЦЫ

У меня живут синицы
В старом домике скворцов.
Две серьезных, взрослых птицы,
Ну и дети – шесть птенцов.
Скачут взрослые, как дьявол,
По деревьям без конца.
Гусениц таскают с яблонь
На прокорм своим птенцам.
И не надо химикатов
Для спасения садов.
Целый день гоняют гадов
Шесть голодных птичьих ртов.
У меня в хрустальной вазе,
Как земная благодать,
В день обычный и на праздник
Будут яблоки стоять.
Я же семечек в кормушку
Принесу в любой мороз.
Ведь у нас и дружба дружбой,
Но и семечки не врозь.

ПЕТУХИ

Петухи совсем сдурели,
За соседскую межой,
Побросав свои гаремы,
Насмерть бьются за чужой.
Эти яростные споры-
Петушина беда.
У кого-то гребень порван,
У кого-то борода.
И тоскуют страшно куры,
По округе голося:
«Нам бы лучше старым дуррам
Выйти замуж за гуся».

ГАЛКИ

Чуть поласковой солнышко стало,
И земля показалась окрест.
Вмиг рассыпалась галочья стая,
Превратясь в женихов и невест.
Строят гнезда в железных комбайнах,
Щиплют шерсть с исхудавших коров
И хранят, горемычные в тайне
От куниц и мальчишек свой кров.
Любят галки селиться в церквушках.

Здесь до церкви лететь целый день.
И молилась у нас тетя Груша
В одиночку за пять деревень.

МАМА

Да, детство снова не вернется,
Ах, жаль, какое это диво!
Представьте, мне казалось солнце:
Мать по утрам меня будила.
Тогда, склоняясь надо мною,
Она мне ласково шептала:
«Пей молоко, оно парное,
И поднимайся, солнце встало».
Не сомневался я, что мама
Моя была и вечно будет.
Ее не станет, мне казалось,
Так кто же солнышко разбудит?

ДОРОГОМУ БОЖЕНЬКЕ

Дорогому боженьке
Поклонюсь я в ноженьки.
Он придумал маму нам,
Лучшую из мам.
Сколько в маме прелести!
Всем такой хотелось бы.
Но она единственная,
И досталась нам.

МАТЕРИ

Вроде вчера еще мятою пахло,
Вечером росным из наших полей.
Время несется, как круг твоей прялки,
Даже стремительней, даже быстреей.
Что же ты смотришь с тоскою иконной?
Думаешь, что закружила пурга?
Это, любимая, белые кони,
Белые кони на белых лугах.
Что ж ты дрожишь на пурги завывания?
Это спешит табунок жеребят,
Это несется их звонкое ржание –
Я попросил их поздравить тебя.
Все наши нежности, милая, грубы.
Мы никогда и не скажем нежней.
Нежности этой, что вышепчут губы,
Белые губы белых коней.

ВЕСНА

Весна не первая, но все ж
Я на нее гляжу влюблено.
Весь мир, как заново рожденный,
На прошлогодний не похож.
Боюсь чего-то пропустить
Вот чайка мчится. Но какая!
Она крыло в волну макает
И в небе пишет белый стих.
Трудяги пчелы ищут мед
Кусты полны их томным гудом.
А кажется - свершилось чудо,
И куст черемухи поет.
На смех в распахнутом окне
С откоса эхо отзовется.
А кажется – река смеется,
Волной притронувшись к волне.

Нет, не-по юношески робко,
А, как мальчишка, озорно,
Подснежник выбежал на тропку,
И смотрит в лужу, как в окно.
Запахло тополем из сада,
И соблюдая свой закон,
Навстречу солнышку рассада
Земной отвесила поклон.
С проталин пар в долину тянет,
Ручей, спеша к морской волне,
Чуть с грустью, словно новобранец,
Поет об отчей стороне.

ПОДСНЕЖНИК

Дождями вешними омыт,
Головкой солнышку кивает,
Подснежник — нежный сын земли
И гость ликующего мая.
И ты заметила: пчела
Его среди снега отыскала.
Она не мед с него брала —
Она его поцеловала.
А в небе жаворонок пел.
И тот цветок на тонкой ножке,
Казалось, хлопает в ладошки —
Ну, лепестком о лепесток.
Мой ласковый, мой нежный друг!
Ты никогда не постареешь,

Все потому, что ты умеешь
Рождаться каждую весну.

ГРАЧИ

Сквозь узор морозный
Я грачей заметил.
За рукав фуфайку
И во двор лечу.
Я уже не мальчик,
Но совсем по-детски
Прилетевшим птицам:
«Здравствуйте!», - кричу.
Нынче нараспашку
Не одна фуфайка,
Нынче нараспашку
Сердце и душа.
Мне от первой встречи
С гомонящей стаей
Сразу стало легче
Думать и дышать.
Ожили вершины
Тополей и кленов.
И совсем неожиданно,
Тихо, как всегда,
По щекам стекают
Ручейки соленые.
После стужи зимней
Первая вода.

ЖУРАВЛЬ

В синем небе стаи птиц
Мчатся с песнями
Лишь журавль один летит
Так невесело.
Возвращается домой
Птица славная.
Крылья с темною каймой-
Крылья в трауре.
Возвращается вожак
Стаи сгинувшей,
Чтоб о жизни рассказать
На чужбинушке.

ЖАВОРОНОК

Над проталинкой над первой
Озорные чудеса:
Взвихрив серенькие перья,
Песня рвется в небеса.
 Хочет песня вольной воли,
 И от нашего села
 Мчатся ввысь над снежным полем
 Два поющие крыла.
А ребячий голос звонкий
Оторвал сельчан от дел:
«Эй, смотрите, жаворонок!
Жаворонок прилетел».

СКВОРЕЧНИК

И к нам, наконец-то,
Весна заявила,
По шиферной крыше
Капель покатила.
Соседский мужик
Спозаранок, поспешно
Сколачивать принялся
Новый скворечник.
Жена негодует:
«Да ты же бездельник!
В хлеву не порядок,
И в доме нет денег.
А ты, как мальчишка
Двенадцатилетний,
Скворечником занялся.
Дело ли это?»
Молчит мужичок,
Продолжает работу
И думает:
«Только успеть бы к прилету!»

ДОЖИВУ ДО СЕНОКОСА

Раньше ел я кашу с мясом,
Был я весел и не худ.
А потом при новой власти
Перешел на требуху.
Требушина калорийна.
Но в квартире запашок.
Будто к нам на кухне свиньи
Заходили на часок.
Я привык бы, я ж мужчина.

Я б купил противогаз.
Но цена на требушину
До колбасных поднялась.
Каждый день цена взлетает,
Хоть держи ее за хвост.
Мне же пенсии хватает
Лишь на сахарную кость.
Только стали псы коситься.
Зреет праведная месть:
Я же стал собачью пищу
Не совсем законно есть.
Доживу до сенокоса
Перейду на щавеля.
Чтобы сахарные кости
Доставались кобелям.

ВСТРЕЧА

Ручеек как сердце
Бьется подо льдом.
И опять как в детстве
Рядом мы идем.
Сразу все забилося
В трепетном огне:
Как тебе грустилось
Как скучалось мне.
Мы легко смеемся,
Говоря всерьез:
«Верил, что дождешься».
«Знала, что придешь».

А Я ПРИШЕЛ НА МЕЛЬНИЦУ

А я пришел на мельницу,
Где много лет назад
Я маленькую девочку
Любимою назвал.
Не хочется, не верится,
Но все случилось так:
Смололо время мельницу
И превратило в прах.
И на могиле мельника
Ворона на кресту,
А здесь вокруг репейники
Огромные растут.
«А где стояла мельница?»-
Спросил я пастуха.
Он указал мизинчиком:
«Здесь, где-то в лопухах».
Вчера седая женщина
Была на «жигулях»,

Искала тоже мельницу
И в этих же репьях.
Еще лежит колесами
Помятая трава.
О, слава тебе, Господи!
Любимая жива!

РУЧЕЕК

Средь проталин вешних
В серебре лучей
Напевает песню
Маленький ручей.
 Под весенним солнцем
 Быстро тает снег.
 Весело поется –
 Да недолог век.
Ива тихо скажет
Вслед ручью тому:
«Не успели даже
Имя дать ему».
 Но росинки все же
 На его следу
 На цветы похожи,
 А не на слезу.

ПРОТАЛИНКА

Бегу по маленькой проталинке
Навстречу солнцу и весне,
Поставив старенькие валенки
Перед проталинкой на снег.
Гудит от пяток горка Красная
И я не чувствую, как с них
Летят, летят комочки грязные
За мой ребячий воротник.
А жаворонок в небе кружится.
И я когда-нибудь взлечу!
Вот только нынче не получится:
Устал и сильно есть хочу.
Кот брюхо греет на завалинке,
А я по снегу и по льду,
Держа в руках сырые валенки,
Домой с проталинки иду.

РОДНИЧОК

Черпаком сложу ладони
На колени опущусь

Родниковую водою
Нынче вдоволь угощусь.
Хорошо, что он дырявый-
Из ладошек черпачок:
Из него до сердца прямо
По груди вода течет.
Ничего, что зубы ломит.
Я бы мог до дна допить.
Но ведь солнце за спиною
Утомленное стоит.
Рук и кружки не имея,
Солнце падает на дно.
Я о щеки руки грею,
Умываясь заодно.

УТРО

Одoleвши лень и дрему,
С легкой удочкой в руке
Из родительского дома
Не спеша иду к реке.
Пар клубится на болотах,
Кто-то тяжело дышит в них.
Видно, все-таки, суббота -
Баннный день у водяных.
Ручеек во сне смеется.
И привиделось мне вдруг,
Как прикуривал от солнца,
Наклонясь в седле, пастух.

ЛЕТО

На лугу звенит коса,
Пес гоняет перепелок.
Три березки поплясать
Вышли в поле за поселок.
Рожь высокая шумит
О грядущем урожае.
Толстобрюхие шмели
В лоб подсолнечники жалят.
Над вздремнувшей рекой
Для какой-то недотроги
Тополь щедрою рукой

Пухом выстелил дороги.

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ

Духотища. Вянут травы.
Как сошедшее с ума
Солнце ломится сквозь ставни
В деревенские дома.
По дорогам вихри скачут,
Умирая на лету.
От жары язык собачий
Не вмещается во рту.
Средь раздолья лугового,
Забредя по вымя в пруд,
Толстобрюхие коровы
Сплетни вязкие жуют.

А ДЕНЬ ПО ПРЕЖНЕМУ ШАЛЬНОЙ...

А день по-прежнему шальной,
Такой не вдруг забудется.
С речной играющей волной
Стрижи, крича, целуются !
И крепко обнял иву хмель,
Принарядил сережками.
А где-то перепел запел:
«Придешь ко мне? Придешь ко мне?».
И я гляжу в глаза твои,
Заря моя рассветная, -
Все песнь запело о любви,
Лишь наша не запетая.

РОЙ

Жили мы с соседом мирно,
А в жару всегда вдвоем
Мы садились под старинный
На меже растущий клен.
Не курили и не пили,
Жили правильную жизнь.
И, конечно же, клеймили
Мировой капитализм.
Но однажды в самой чаше
Высоко над головой.
Угрожающе гудящий
Сел на клен пчелиный рой.
По законам очень древним
Рой тому, кто соберет.

Мой сосед бежит с роевней
Я с мешком и дымарем.
Непростой, однако, случай.
Вперемешку смех и грех.
Мы вперед, ломая сучья,
Торопясь, ползем наверх.
Стало весело в деревне,
Друг на друга мы орем.
Бьет сосед меня роевней,
Я соседа – дымарем.
С аппетитом долго бились,
Не жалея сил и тел,
А когда мы вниз свалились,
Рой куда-то улетел.

ГРОЗА

Что творилось этой ночью!
Страх застыл в моих глазах:
Сотни молний рвали в клочья
Надо мною небеса.
С неба водные потоки,
Тьма кромешная вокруг.
Защищал меня убогий
Зонтик, сделанный из рук.
На безбожии замешан,
Мокрый, вымазанный в грязь,
Вспомнил все, в чем был грешен,
И, увы, немало раз.
Почему же божья сила
Не ударила по мне?
Видно молний не хватило,
Много грешных на земле.

ЯБЛОНЬКА

А яблонька в моем саду
Цветет, невестится.
Нектар шмели и пчелы пьют
И мне так весело.
Я на невест смотреть любил.
Я в раннем детстве
Я в раннем детстве приходил
Чтоб насмотреться.
От пьяной пляски гнулся пол,
Орали песни.
А я смотрел на первый стол-
Все на невесту.
И за мою ребячью прыть
Мне, пусть несильно,
Могли затрещину вклеить,
Дать подзатыльник.

Любуюсь яблонькой сейчас,
К стеклу припавши.
А подзатыльник кто ж мне даст?
Я в доме старший.
24 октября 2007г.

ЯБЛОКИ

За что такая благодать?
Ну, это ж надо!
По крыше яблоки стучат
Румяным градом.
Награда это за труды
Иль милость божья?
С карниза падают плоды
К ногам прохожих.
Пожалуй, райские сады
Скуднее здешних,
У нас-то сладкие плоды
Есть и для грешных.

СЕНОКОС

Я, конечно не плакал навзрыд,
Хоть грустилось мне в дни сенокоса,
Понимая, что надо кормить,
Коровенок своих и колхозных.
Но ведь падало столько цветов,
И, не охнув, они умирали.
Мужики их зеленую кровь
С кос пучками травы вытирали.
И когда начинался обед,
Чашку супа и мне наливали.
И хоть знал я, что боженьки нет,
Был обед у меня поминальный.

НЕТ МАКАРА

По жнивью, по хляби пашен
Наконец-то в первый раз
Я забрел туда, где даже
И Макар телят не пас.
В непокошенной осоке,
В несгоревшем камыше
Накопилось дичи столько,
Сколько надобно душе.

Ожиревшие бекасы
Могут с ног, пожалуй, сбить.
Или в рот забьется даже,
Если плотно не закрыть.
По чилиге и оврагам
Зайцы прут за валом вал.
Я б сказал, что это враки,
Если б сам не побывал.
Эх, по случаю на пару
«Раздавить» бы грамм пятьсот,
Да вот не с кем: нет Макара,
Он телят здесь не пасет.

ЗА КОСОГОРЫ, ЗА ПЕРЕЛЕСКИ

За косогоры, за перелески
Куда-то лето убрело.
И стало не с кем, вовсе не с кем
Делить по-дружески тепло.
Еще как будто и солнце греет.
В пруду от лилий белым-бело.
Но вижу, как заря стареет
И мне на сердце тяжело.
Горит закатов живое пламя
Ах, мне б на пламя то грудью лечь,
Да к тем закатам припасть губами,
Чтоб в сердце лето навек сберечь.
Тогда свершится, о чем мечтаю,
И ночью вьюжной приснится мне
На косогоре степная мальва,
Родная мальва в ржаной волне.

ЖДУ ТЕБЯ

Дочке Наташе

Жду тебя, моя кровинка!
Под моим горячим лбом
Тают маленькие льдинки
На окошке голубом.
Ждать приятная работа.
Ждать весь вечер и всю ночь
Не далекого кого-то,
Ждать свою родную дочь.
Скрипнет ласково калитка, -
Уронив фуфайку с плеч,
Весь расплывшийся в улыбке,
Побегу тебе навстреч.

БАБЬЕ ЛЕТО

Голосов не слышно птичьих.
Тих сентябрь и безголос.
Лето кончилось, но нынче
Бабье лето началось.
Торжество цветов и красок
От земли и до небес,
Удивителен и ласков
В расписных нарядах лес.
Нежной озими разливы
Так прекрасны в эти дни.
Словно кто платок любимый
Для любимой обронил .
Хмеля желтые сережки,
Кисти красные рябин,
Золотистые березки –
Все под небом голубым.
Все красиво, как на свадьбе,
И видать издалека,
Что царят над миром бабьи –
Мысли, сердце и рука.

СТАРУХА

До чего ж стара старуха,
Повидала столько бед.
Нет ни памяти, ни слуха,
И желаний тоже нет.
Сядет старая под вечер
На крылечке, как сова.
И разносит майский вечер
Очень грустные слова:
«Для чего живу на свете?
Что ж господь не приберет?
Не боюсь своей-то смерти,
Жаль, погибнет огород.

ОСЕНЬ

Кружит ветряная пряжа
Листья ярче янтаря.
Петуха несут на плаху,
Как Емельку-бунтаря.
Кипяточек кипятится,
Пламя мечется в печи.
И на связанную птицу

Молча смотрят палачи.
От единственного взмаха
Смолкла песня на заре.
И перо лежит на плахе,
Как на пушкинском столе.

ЯСТРЕБ

Был денек не очень ясный
По-октябрьски хмур и сер.
Молодой красивый ястреб
За добычею летел.
С шумом голуби сорвались
С рваных крыш зерноскладов,
Но кому же удавалось
Улететь от ястребов?
От жестокого удара
Вниз к поблекнувшей стерне
С неба падал голубь старый
С хищной птицей на спине.
Ястреб был силен и ловок
Но в атаке зол и слеп.
И ударился о провод
Проходящей рядом ЛЭП.
Умирая он, однако,
Смог добычу удержать.
И мальчишка горько плакал
Не сумев когтей разжать.

НИЧЕГО ПОСТОЯННОГО

Снова осень идет окаянная,
Собираются в стаи грачи.
«В мире нет ничего постоянного»-
Это в школе еще я учил.
Верно. Лето сменяется осенью.
Осень долгой российской зимой.
Грусть - улыбкою, всходы- колосьями,
Ясный день – непроглядною тьмой,
Да и ты, так недавно твердившая,
Что любовь горячее огня,
Мне и клятве своей изменившая,
Ты сегодня не любишь меня.

1969г.

ТЫ ПРОСИЛА ПРОЩЕНИЯ

Ты просила прощения у синих ромашек,
Оставляя букет на осеннем лугу:
«Забрала бы я вас, а соседки что скажут?
Я вернуться с цветами домой не могу»
И остался букет под кустом краснотала.
Я вернулся за ним две недели спустя.
Речка грустная что-то внизу бормотала,
Осень тихо ступала, листвой шелестя.
Ты была далеко, и казалось мне даже,
Я придумал тебя и тебя нигде нет,
Но мое одиночество грустное скрашивал
Из увядших ромашек увядший букет.
Как к святыне к нему прикоснулся губами.
И шагнув не спеша на родимый порог,
Я сказал своей доброй и старенькой маме,
Что цветы эти лечат от старых хвороб.

1978г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Заждались снега пастухи
Ну в самом деле,
Они с коровами в степи
Почти с апреля.
Грачи давно ушли на юг
Толпой огромной.
И песню грустную поют
С плетня вороны.
По льду гоняет ветерок
Сухие листья,
И первый снег
Конечно, б мог поторопиться.
И нынче ночью снег пошел
Без бойких вихрей.
Был очень белый-белый он
И тихий-тихий.
Птенец синицы мал и глуп:
Не видел снега
И бойко ловит белых мух,
Летящих с неба.

СНЕГ

Ничего не беспокоя,
Не тревожа мой ночлег,
Чистый-чистый, словно совесть
Нынче ночью выпал снег.
Ну, а я, как местный житель,
По другому и не мог:
Прежде, чем из дома выйти,

Ноги вытер о порог.

ВОРОНА

День декабрьский, стылый, серый,
Лют до ужаса мороз.
На плетень ворона села
И о лапы чистит нос.
Говорит спасибо богу:
Не обидел, не обнес,
А послал лошажкой ногу,
Бог послал, а пес принес.
Даже волос не обклеван
С дара божьего пока,
И на счастье с подковой
Лошадиная нога.

10 февраля 2008г.

ПОСЛЕДНЯЯ КОРОВА

Приседая над коровой,
Вымя кистью обхватив,
Весел был хозяин новый,
Да и старый не грустил.
За ворота укрываясь,
Чтоб увидеть не могли,
Он слюнявил грязный палец,
Пересчитывал рубли.
По скрипучему настилу
Как сумели, как смогли,
Хлебной коркой, хворостиной,
Милку в кузов завели.
Мы смотрели вслед КамАЗу
Без улыбок и без слез
И тогда хозяин старый
Очень бойко произнес:
«Вот теперь деревню нашу
Можно городом назвать:
Свет и газ у нас, и даже
Нет коров, ядрена мать.

СЛАВНЫЙ ДЕНЬ

Ох, и славный день нынче выдался,
Нынче, кажется, все смогу.
Пляшут чибисы, пляшут чибисы,
Пляшут чибисы на лугу.
Тополь ветками небо трогает,
Бойко речка журчит.
С веток падая, крылья пробуют
Молодые грачи.
Капли росные под былинками

Словно чудный узор.
Не морщинками, а кувшинками
Смотрят лица озер.
Мне все хочется, я все пробую
Солнце в сердце вместить,
Чтоб всегда для вас, люди добрые,
Хмурым утром светить.
Пусть всегда для вас пляшут чибисы,
Светит росный узор.
Пусть вам новый день теплым видится,
Как кувшинка с озер.

ПАМЯТЬ

РОДИНА

Тебя земля, хоть ты сурова,
Зову родной я не напрасно.
О, если б в небо столько крови-
Оно бы вечно было красным .
И враг, дойдя до той границы,
Где тучи б кровью моросили.
Обязан был остановиться,
Чтоб шапку снять перед Россией.

ПАМЯТНИК

Памяти дяди, командира взвода
106-й Забайкальской стрелковой
дивизии младшего лейтенанта
Горина Михаила Андреевича,
погибшего летом 1944 года
в боях за освобождение Украины.

Письмо сегодня принесли
От украинских пионеров:
«Мы за деревнею нашли
Солдатский памятник фанерный.

На нем – республика, район,
Деревня ваша – это точно!
Но стерта ветром и дождем
Одна единственная строчка.
На нем – фамилия бойца...
Нам хочется ее проставить».
Весь день терзалась у крыльца
Деревни старенькая память.
Тихонько выплыла луна.
Затихли куры на насесте.
К нам тетя Настя подошла
И вскрикнула от этой вести.
Перепугала ребятню,
На землю тихо опустилась...
И много-много мелких лун
По бледному лицу катилось.
«Мой Мишенька!...Так вот ты где,
Мой ласковый, да мой любимый.
И голос женщины летел
Уже до самой Украины.
Звезда, упавшая вослед,
Слезой по небу прокатилась.
...Так через сорок с лишних лет
К солдату имя возвратилось.

ОЛЕГ КОШЕВОЙ

«А это кто, скажи дедусь? -
Прикрыв ладошкой солнце.
Смотрела девочка на бюст
Героя-комсомольца.
«А это, детка, Кошевой,
О нем слагали песни».
«Скажи, дедуль, а он живой?»
«Живой, живой - известно».
Шел среди солнечного дня
Дед свято привирая:
«Герои, деточка моя,
Они не умирают»

НАГРАДА

По коридорищам немислимым,
То в сейф упрятанный, то в стол,
Указ, Калининым подписанный,
Бойца в двухтысячном нашел.
Покуда наводили справки
О месте жительства бойца,
Он стал полковником в отставке,
Да и прадедушкой стал.
Он снял мундир, в шкафу висевший,
Пронафталиненный насквозь,

Хоть от медалей было тесно,
Все ж место ордену нашлось.
Сам военком, ровесник внука,
Смущенный миссией такой,
Жал правой старческую руку,
Держа реликвию в другой.
Когда газетный работяга
Спросил: «За что награждены?» -
Старик ответил: «Да за Прагу,
За бой уже после войны».

ВДОВА

Боже, как она любила!
Обожала, берегла.
От соперниц защитила,
А от смерти не смогла.
За кладбищенским порогом,
Среди звезд, среди крестов,
Голося, просила Бога:
«Объясни, за что? За что?»
Но в ответ молчало небо.
А вокруг на полверсты,
Распростерши руки немо,
Шли живых обнять кресты.
И никто не мог ответить,
И никто спросить не мог,
Как без мужа жить на свете,
Ни Господь и не парторг.
Шла, рыдая по пригорку
Безутешная вдова.
Были думы горьки-горьки,
Горше, чем полынь-трава.

ЧТО-ТО СКУЧНО В ДЕРЕВУШКЕ

Что-то скучно в деревушке.
Вроде все как год назад -
Так же маленькой избушке
Светит солнышко в глаза.
На ветру поет антенна,
Клен склонился на плетень.
Вроде все обыкновенно:
Ночь как ночь и день как день.
В ковыле за деревушкой
Полыхает горчицвет.
У крыльца старушья клюшка -
Только мамы больше нет.

апрель 1989г.

Я УБЕРЕЧЬ ТЕБЯ НЕ СМОГ

Я уберець тебя не смог,
Какая жалость
И на могильный бугорок
Цветы сажаю.
Прими их, матушка-земля,
Пусть в мире тихом
Они от песни соловья
Пожаром вспыхнут.
Я прижимаю их к себе,
Прошу у корня,
Когда дотянется к тебе,
Не сделать больно.

БРОНЬ

Немудренная ограда
На фанерочке с ладонь
Надпись с черной цифрой рядом
Тоже черной краской «Бронь».
Рядом памятник скромный.
С фотографией доска.
Там из женских глаз огромных
Льется страшная тоска.
На лице застывший ужас.
Губы в шепоте сплелись.
Будто тихо просит мужа:
«Ты сюда не торопись».

АЗАМАТ

Держа за ручку маму,
Чтоб только не отстать,
Шагает по Беслану
Мальчишка Азамат.
За плечиками ранец,
В руках большой букет,
Он космонавтом станет,
Но через много лет.
Конечно, лучше б с мамой
Отправиться в полет,
Но вдруг из храма знаний
Ударил пулемет.
Хотела мать сынулю
Собою заслонить,
Сразил одной их пулей,
Прицелившись, бандит.
А дома кот мяукал,

Жизнь чередой текла,
И бабушка для внука
Пирожные пекла.

сентябрь 2004г.

НА МОГИЛЕ У МАМЫ

На могиле у мамы порядок.
Кустик розы уснул до весны.
И сыновья могилы, что рядом,
Погрузились в глубокие сны.
Полсемьи под надзором у Мамы.
Все послушны, не курят, не пьют.
Им за это в ликующем мае,
Соловьи потихоньку поют.
На могиле у мамы порядок.
Но внимательней, чуть приглядишь –
Не закрыта калитка ограды:
Сыновья-то не все собрались.

7 февраля 2008г.

ПАМЯТИ БРАТА ВИКТОРА

А ты везде хотел успеть,
Ты даже миг не мог без дела,
И твой велосипед потел,
Неся пружинящее тело.
О богатырскую ладонь
Ломал свои шипы шиповник.
И в пойме нашей до сих пор,
Тебя цветы и травы помнят.
Как ты Есенина читал!
Другим такое и не снилось:
Портрет поэта оживал,
И трубка черная дымилась.
...Горьки полыночки, горьки
Крестьянских дел не переделав,
Лежало около реки
Твое безжизненное тело.
Рукой остывшей шляпу сжав,
Шагнул в пугающую вечность.
То ль нам ты говорил: «Прощай!»
То ль ангелу махнул при встрече.
Тобою вбитая в косяк,
Блестит на солнышке подкова.
Картины на стене висят.

А на подушке силы вдовьи.

5 августа 2009г.

ВДОВЕЦ

Холодна моя перина
И подушечка жестка.
У меня в перине иней,
А в подушечке тоска.
Встану, форточку открою
В замороженную степь,
А оттуда вьюга с воем
Снег бросает мне в постель.
Утром брошу дров в голландку.
Свет в избушке засвечу.
Палкой-пылевыбивалкой
По перине постучу.
На плечо гармонь повешу.
Вспомню нежные слова.
Может быть придет по песне
Развеселая вдова.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В родительский день я на кладбище тихом
Молчит под землею немой городок.
Здесь столько народа, но вовсе не слышно
Ни звонкого смеха, ни топота ног.
Почти не крещенный к кресту припадаю.
Букет горлицветов кладу на венок.
И мне с фотографии мать, улыбаясь,
Шепнула чуть слышно: «Спасибо, сынок!».
Я слышу, как песню о солнце и хлебе,
Взлетев высоко, жаворонок поет.
И душам умерших по синему небу
Прокладывал к раю тропу самолет.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Смирнов Е.А. Слово об авторе
Дрова, повесть

РАССКАЗЫ:

Мокрое дело
Карасик
Рыбак
Долг

Благодарность
Пенсионеры, первоапрельская сказка
Дайте спичку
Пчелиный рой
Пряник
Утюг (Перестройка, год шестой)
Пожар
Платина
Шайтанова палата
Отцовский друг
Дикий народ
Последняя роль
Батюшка
Баня по-черному
Почти смешная история
Метель
У всех своя тактика
Пронькина деревня
Рим, «погибший» от гусыни
Ночная охота
Затерялась
Бабка Надя из рая
Рыбацкая удача
Неоконченная война
Чудак-человек

ПОЭТИЧЕСКИЙ УГОЛОК.

Детство, опаленное войной:

Сыновья
Заказ отца
Мы с отцом ходить учились
Огонек
Рябчик
Ручная мельница
Победа
Защитники
Гармонь
Безотцовщина
Конь
Болельщик
Пацаны
Рядовые
Козья ножка
Японская шапка
Я вырос на степных ветрах
Цыпки
Ванька Ветров
Архип
Настя
Куриный караул

Устюшкин овраг
Ходики
Кизяки
Чугунок
Братья

Юность солдатская:

Проводы
Призывник
Теплое место
Сюрприз
Заочница
Повар
Ахмет
Ротный
Замполит
Персия
Петька
Пел жаворонок над границей
Тюльпаны
Жара
Последний бой
Вечерняя поверка

Мы построили город в степи:

Салават
Салават Юлаев
Брани меня, мой добрый предок
В двадцать лет
Снежная баба
Какая ты обычная, однако
Любимая
Молодоженам
На стене, в трамвайном парке
Котенок
Вождь
Оттепель
Не про баб
Грибники
Мужик
Рябина
Репьи
Гармонист
Мне шестьдесят
На пенсию
Это что со мной такое
Простофиля
Мобильник
Овцы
Девчата
Сани

Бомжи
Снежный человек
Наследник
Овцы
Внуку Яшке
Внучке Рае
Никита
Саша
Вам
Ты далеко
Пес Аджар
Деревянная собака
Проводы (Почти по Д.Бедному)

Шел я полем:

Шел я полем
Ягоды для мамы
Феколкина изба
Избушка
Колодезный журавель
Хазреткина гора
На маленькой речушке
Иду к родному шалашу
Сухайла
Крадино-Михайловка
Дурасовка (Сухаревка)
Свободка
Спит дочь
Прошлогодний снег
Зимний вечер
Огородница
Пугало
Тыква
Пастух
Спит пастух
Коростель
Синицы
Петухи
Галки
Мама
Дорогому боженьке
Матери
Весна
Подснежник
Грачи
Журавль
Жаворонок
Скворечник
Доживу до сенокоса
Встреча
А я пришел на мельницу
Ручеек

Проталинка
Родничок
Утро
Лето
Летний полдень
А день по-прежнему шальной
Рой
Гроза
Яблонька
Яблоки
Сенокос
Нет Макара
За косогоры, за перелески
Бабье лето
Старуха
Осень
Ястреб
Нет ничего постоянного
Ты просила прощения
Первый снег
Снег
Ворона
Последняя корова
Славный день

Память:

Родина
Памятник
Олег Кошевой
Награда
Вдова
Что-то скучно в деревушке...
Я убережь тебя не смог
Азамат
На могиле у мамы
Памяти брата Виктора
Вдовец
Родительский день